

ВОЙНА И МИР ЯЗЫКОВ

www.eshkolot.ru

*Лингвистическая история
Иерусалима*

ИЕРУСАЛИМ, 7–10 АВГУСТА 2017

АНТОЛОГИЯ
ТЕКСТОВ
к фестивалю
медленного чтения

READER

for Eshkolot's Festival of
Jewish Texts & Ideas

צ'רדך עיין
ФЕСТИВАЛЬ
МЕДЛЕННОГО ЧТЕНИЯ
FESTIVAL
OF JEWISH TEXTS & IDEAS

WAR AND PEACE
OF LANGUAGES

*Linguistic History of
Jerusalem*

AUGUST 7–10, 2017, JERUSALEM, ISRAEL

בית מזיא לתאטרון
بيت مزيا للمتاحف
Mazya Theater Center

מגדל העיר
برج المدينة
City Tower

מסילת דוד
ميسيلت دافيد
Mesilat David

ФЕСТИВАЛИ МЕДЛЕННОГО ЧТЕНИЯ ПРОВОДЯТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ GENESIS
PHILANTHROPY GROUP, ЧАСТНЫХ СПОНСОРОВ И ФОНДА АВИ ХАЙ

THE ESHKOLOT FESTIVALS ARE SUPPORTED BY GENESIS PHILANTHROPY GROUP,
PRIVATE DONORS AND THE AVI CHAI FOUNDATION

Материалы к лекции Рут Вайс «Шехехийону: возвращение идиша в Израиль» _____	2
Study materials for Ruth Wisse's lecture "Shehekiyonu: The Homecoming of Yiddish to Israel"	
Материалы к лекции Романа Кацмана «Философия языка Ш. Й. Агнона» _____	4
Study materials for Roman Katsman's lecture "Agnon's Philosophy of Language"	
Материалы к лекции Мири Бар-Зив Леви «"С кем бы побегать": иврит в израильском кинематографе» _____	6
Study materials for Miri Bar-Ziv Levy's lecture "Someone to Run With: Hebrew Speech in Israeli Cinema"	
Материалы к мини-курсу Сирила Асланова «Социолингвистическая история Иерусалима» _____	8
Study materials for Cyril Aslanov's mini-course "A Sociolinguistic History of Jerusalem"	
Языки Иерусалима в древности и раннем средневековье _____	10
Languages of Jerusalem in Antiquity and Early Middle Ages	
Языки Иерусалима в средневековье _____	12
Languages of Jerusalem in the Middle Ages	
Языки в османском Иерусалиме _____	14
Languages in Ottoman Jerusalem	
Языки Иерусалима в подмандатной Палестине и государстве Израиль _____	16
Languages of Jerusalem in Mandatory Palestine and the State of Israel	
Материалы к мини-курсу Велвла Чернина «Идишская литература в Иерусалиме и Иерусалим в идишской литературе» _____	18
Study materials for Velvl Chernin's mini-course "Yiddish Literature in Jerusalem and Jerusalem in Yiddish Literature"	

Шехехийону: возвращение идиша в Израиль

Материалы к пленарной лекции Рут Вайс

Шехехийону (1947)

שהחיינו

1947

ווען כ'וואַלט ניט זיין מיט דיר בנינאנד,
 ניט אַטעמען דאָס גליק און וויי דאָ, —
 ווען כ'וואַלט ניט ברענען מיטן לאַנד,
 ווילקאַניש לאַנד אין חבלי-לידה ;
 ווען כ'וואַלט אַצינד, נאָך מיין עקדה,
 ניט מיטגעבוירן מיטן לאַנד,
 וווּ יעדער שטיינדל איז מיין זיידע —
 געזעטיקט וואַלט מיך ניט דאָס ברויט,
 דאָס וואַסער ניט געשמילט מיין גומען.
 ביז אויסגעגאַנגען כ'וואַלט פֿאַרגויט,
 און בלויז מיין בענקשאַפֿט וואַלט געקומען...

1947

ven kh'volt nit zayn dir baynand
 nit otemen dos glik un vey do,
 ven kh'volt nit brenen mitn land,
 vulkanish land in khevley-leyde;
 ven kh'volt atsind, nokh mayn akeyde,
 nit mitgeboyrn mitn land,
 vu yeder shteyndl iz mayn zeyde-
 gezetikt volt mikh nit dos broyt,
 dos vaser nit geshtilt mayn gumen.
 biz oysgegangen kh'volt fargoyt
 un bloyz mayn benkshaft volt gekumen.

Were I not at once with you
 Not breathing the joy and pain here,
 Were I not burning with the land
 Volcanic land in its birth-pangs;
 After my sacrifice there
 Were I not reborn with the land
 Where every pebble is my grandfather —
 Bread would not still my hunger
 Water would not sooth my gums.
 I would turn gentile and I expired
 And only my longing would have come.

Translated by Justin D. Cammy

Если бы я не был с тобой рядом,
 Не дышал бы здесь счастьем и болью,
 Если бы я не горел вместе с этой землей,
 Землей-вулканом – в родильной горячке,
 Если бы я сейчас, уже после жертвоприношения,
 Не родился бы заново вместе с этой землей,
 Где каждый камешек – мой дед –
 Меня не насыщал бы хлеб,
 Вода не смягчала бы моего неба.
 Я бы умер, превратившись в гоя, -
 И только моя тоска вернулась бы...

Подстрочный перевод Александры Полян

«Кто останется, что останется?» (1974)

ווער וועט בלייבן, וואָס וועט בלייבן ? בלייבן וועט אַ ווינט,
 בלייבן וועט די בלינדקייט פונעם בלינדן וואָס פאַרשווינדט.
 בלייבן וועט אַ סימן פונעם ים : אַ שנירל שוים,
 בלייבן וועט אַ וואַלקנדל פאַרטשעפעט אויף אַ בוים.

ווער וועט בלייבן, וואָס וועט בלייבן ? בלייבן וועט אַ טראַף,
 בראשיתדיק אַרויסצוגראָזן ווידער זיין באַשאַף.
 בלייבן וועט אַ פידלרויז לכבוד זיך אליין,
 זיבן גראָזן פון די גראָזן וועלן זי פאַרשטיין.

מער פון אַלע שטערן אַזש פון צפון ביז אַהער,
 בלייבן וועט דער שטערן וואָס ער פאַלט אין סאַמע טרער.
 שטענדיק וועט אַ טראַפּן וויין אויך בלייבן אין זיין קרוג.
 ווער וועט בלייבן ? גאַט וועט בלייבן, איז דיר ניט גענוג ?

ver vet blaybn? vos vet blaybn? blaybn vet a vint,
 blaybn vet di blindkayt funem blindn, vos farshvindt.
 blaybn vet a simen funem yam: a shnirl shoym,
 blaybn vet a volkndl fartshepet oyf a boym.

ver vet blaybn? vos vet blaybn? blaybn vet a traf,
 breyshesdik aroystsugrozn vider zayn bashaf.
 blaybn vet a fidlroyz lekoved zikh aleyn,
 zibn grozn fun di grozn veln zi farshteyn.

mer fun ale shtern azh fun tsofn biz aher,
 blaybn vet der shtern, vos er falt in same trer.
 shtendik vet a tropn vayn oykh blaybn in zayn krug.
 ver vet blaybn, got vet blaybn, iz dir nit genug?

Who will remain? What will remain? There will remain a wind.
There will remain the blindness of the disappearing blind.
There will remain a single thread of foam: sign of the sea
There will remain a little hank of cloud caught on a tree.

Who will remain? What will remain? A word's chance will remain
Prime mover cultivating grass of Genesis again.
There will remain, in honor of itself alone, a rose
Understood by seven blades of all the grass that grows.

More than all the stars in the expanse from north to here
There will remain the star that's fallen in a simple tear.
A drop of wine will always be there in the pitcher too.
Who will remain? God will remain. Is that enough for you?

Translated by A.Z. Foreman

Кто останется, что останется? Останется ветер,
Останется слепота слепого, которая исчезает.
Останется морской знак – ниточка пены,
Останется облачко, зацепившееся за дерево.

Кто останется, что останется? Останется слог,
Чтобы, как в Бытии, снова произрастить свое творение.
Останется скрипичная роза – ради самой себя,
Семь трав из всех трав поймут ее.

Дольше, чем все множество звезд – с самого севера – и досюда, -
Останется та звезда, что падает слезой.
Навсегда останется и капля вина в кувшине.
Кто останется? Бог останется. Разве тебе мало?

Подстрочный перевод Александры Полян

Воспоминание о Пастернаке (1976)

דערמאָנונג וועגן פּאַסטערנאַק: די ערד פון זײַן טשופּרינע –
אין פּרישן מאָסקווער שניי. אַרום דעם האַלדז אַ רויטער שאַליק.
אַזוי ווי פּושקין וואָלט אַרײַן... עס האָט אים וואָס געפּאַנגען.
דער שניי איז ניט צעגאַנגען.

זײַן האַנט אין מײַנער, ווי ער וואָלט אַ פינגערדיקן שליסל
פּאַרטרויט מיר. און זײַן פנים, קעגן איבער: אי דערשראַקן
אי מאַכטיק: לײענט ווייטער, איך פאַרשטיי די ווערטער, קלאַנגען.
דער שניי איז ניט צעגאַנגען.

איך האָב געלײענט מײַן געראַטעוועטן זשאַר פון גיהנום:
„אַ רגע איז געפאַלן ווי אַ שטערן“ – אַלע ווערטער
פאַרשטאַנען, חוץ „אַ רגע“. ניט געקענט צו איר דערלאַנגען.
דער שניי איז ניט צעגאַנגען.

אין זײַנע פּײַכט-געשליפענע שוואַרץ-מירמלנע שוואַרצאַפּלען
האַט אַפּגעשטערנט יענע רגע. און זי האָט אַ רגע
דעם רוסישן פּאַעט מיט געלער לאַטע אויך באַהאַנגען.
דער שניי איז ניט צעגאַנגען.

Dermonung vegn Pasternak: di erd fun zayn chuprine –
In frishn moskver shney. Arum dem haldz a royter shalik.
Azoy vi Pushkin volt arayn... Es hot im vos gefangen.
Der shney iz nit tsegangen.

Zayn hant in mayner, vi er volt a fingerdikn shlisl
Fartroyt mir. Un zayn ponem, kegn iber: i dershrokn,
I makhtik: leyent vayter, ikh farshtey di verter, klangen.
Der shney iz nit tsegangen.

Ikh hob geleyent mayn geratevetn zhar fun genem:
“A rege iz gefaln vi a shtern” – ale verter
Farshtanen, khuts “a rege”. Nit gekent tsu ir derlangen.
Der shney iz nit tsegangen.

In zayne faykht-geshlifene shvarts-mirmlne shvartsaplen
Hot opgeshternt yene rege. Un zi hot a rege
Dem rusishn poet mit geler late oykh bahangen.
Der shney iz nit tsegangen.

Воспоминание о Пастернаке: земляная чернота его чуприны –
На фоне свежего московского снега. На шее – красный шарф.
Как будто Пушкин вошел... Что-то его привлекло...
Снег не растаял.

Его рука в моей – как будто бы он палечный ключ
Доверил мне. И его лицо напротив: и испуганное,
И властное: он читает дальше, я понимаю слова и звуки.
Снег не растаял.

Я читал свой спасенный адский жар:
«Мгновение упало, как звезда», – все слова
Понятны, кроме "мгновения". Я не мог его ухватить.
Снег не растаял.

В его влажных, мраморно-черных зрачках
То мгновение отразилось, как звезда. И на мгновение
Оно повисло на том русском поэте (с) желтой меткой.
Снег не растаял.

Подстрочный перевод Александры Полян

Философия языка Ш.Й. Агнона: от романтизма к неокантианству

Материалы к пленарной лекции Романа Кацмана

КРУГИ СПРАВЕДЛИВОСТИ¹

מעגלי צדק

בעיר אחת שבערי פולין התגורר זקן אחד שהיה עושה חומץ. אבותיו ואבות אבותיו היו סוחרי יין מפורסמים אבל בצוק העתים ירדו מנכסיהם ולא הגיחו לו אלא דירה רעועה ויין שהחמיץ. בדירה זו לא ראה טובה מימיו. אשתו הלכה לעולמה בזמן שהיו הבנים קטנים. הגדילו נלקחו לצבא וגספו במלחמה. היה הזקן יושב שם יחירי ועושה חומץ. חמשה ימים בשבוע היה עושה את מלאכתו ובערב שבת ממלא קיתון גדול ומחזר עמו כעיר. פעמים הרבה הרהר בלבו, מה אני ומה חיי? חמשה ימים בשבוע אני עושה חומץ למכור, מכרתיו — אני חוזר

ונוטל את החומץ ומחזר בעיר ומחלק את שכרו. חציו לחיי שעה וחציו להוצאת הדרך. חוזר ועושה חומץ ומחזר עמו בעיר ומחלק את שכרו. חציו לפרנסתו וחציו לתוך אותה קופה. כך היא מרת תמימים אף על פי שעוברין כמה שנים אינם פורקין מעשיהם. בתוך כך יצאו כמה שנים. כתלי ביתו התחילו מתקלפים. ניקב הגג ונסדקו החומות. ובזמן שהגשמים יורדים הם מלחחים את בשרו אפילו תחת כסותו. ומסים וארנוניות מתרבים והולכים. אם ישהה כאן תחזיק המלכות בכיתו או שביתו יהיה קברו. שוכב לו בעל החומץ על משכבו בלילות ומקשיב לקול הטיח שנתלש מן הכתלים. גריד נטלש וגריד גורר. כמעט אין קולם נשמע מחמת דטיבותם. אבל לכו של הזקן מקשקש כפעמון מתוך שמחה מחמת רחמיו יתברך שמתווק נשמתו בקרבו ולא נתן אותו לגזע בחוץ לארץ. קרא התרגול נוטל הזקן ידי ורוחץ את עיניו ומדליק את הנר ויושב אצל הפתח ומתעטף כאבל ובוכה על הגלות וכיון שהוא רואה את הקיתון שלו כמה הריצים יש בו מיד הוא זוכר את מעותיו ששלשל לתוך הקופה להוצאת הדרך והוא נוטל את הקיתון ומקיש עליו באצבעותיו שירים ותשבחות ונותן ידו אחת על מתניו וזוקף כתפו אחת למעלה וקורא כמה סימנים יש בקיתון שנים שלשה ארבעים חמישים מאה ומרקד מתוך שמחה. לא כאלה שמרקדים למעלה מראשיהם ולא כאלה שאם מניחים אותם בקרן זוית זו מוצאים אותם בקרן זוית אחרת, אלא כאלה שמרקדים סביב לבתפיהם וכתפיהם מקיפות אותם. וכך הוא מרקד עד שקורא השמש לעבודת הבורא. וכיון שהוא שומע קול השמש קורא לעבודת הבורא אומר הוא לעצמו. אקום ואלך להתפלל, ואומר בקול נמוך, ומתבייש שהיה שמח בעולם הוה ומיד הוא עומד ונוטל טליתו ותפיליו. מה קרועה טלית זו, ממש הרקיבה מחמת דמעו. בדוך השם שהוא עולה לירושלים שקוברים בה בלי טלית. סיים תפילתו, אם אינו יום של תענית טובל הוא פרוסת לחם בשכר קלוש ומלחך בלשונו עפר כדי שלא יבוא לידי הימור תענוגים בשר ויין ויושב ועושה

ועושה חומץ על מנת לחזור ולמכור. וכל זה למה, כדי לפרנס את הגוף הנגוף הזה. ואילו אשתי ובני קיימים הייתי זן אותם בצדק, עכשיו שמתה עלי אשתי ואכר זרעי מן העולם למה אני מושך עורי מבשרי וסורת כל כך? היה בוכה ומתאנח ומתמרמר על סדר שנותיו עד שנפסלה עבודתו בעיניו. ולא זו בלבד אלא אף עטיפת ציצית ותפילין לא היו שוות בעיניו. אבל הואיל ואהבת ארץ ישראל היתה תקועה בלבו הישב בדעתו לעלות לארץ ישראל, ואם יזכה ימצא לו קבר בעפרה. התחיל לקמץ ממונותיו ולצמצם בהנאתו ואפילו פירות שהיו מונחים אצלו כדי לעשות מהם חומץ היה מונע עצמו מלטעום מהם והיה אוכל את פתו בשכר קלוש ואוכל פחות מכשיעור. ובשני חמישי בשבת היה מתענה. עד שנחרגל להתקיים במעט. ובערבי שבתות כשמכר את החומץ וחזר מן העיר היה יושב על אבן אחת ומוציא מעותיו מכיסו. חציון היה נוטל לפרנסתו וחציון היה משלשל לתוך קופה שמעמידן אומות העולם במלכות הזאת על פרשת דרכים בין שתי ידי של אותו האיש. חמים היה ולא היה יודע קופה זו למה היא משמשת. והיה סבור שאין מקום בטוח ממקום זה. מעות של נחושת היה נוטל לחיי שעה ומעות של כסף להוצאת הדרך לארץ ישראל. וחריץ היה עושה כקיתון לסימן. מכאן ואילך היה עובד מתוך שמחה. ראה זה פלא, היה אומר אל לבו, עד עכשיו קצה נפשי במלאכתי ועכשיו קשה לי לפרוש הימנה. אותם הכלים ואותו החומץ ואין אני מרגיש בסילוקו של יום. ובחצות לילה היה קם ממתנו ונוטל את הקיתון ומרקד עמו עד שמגיע זמן תפילה של שחרית. ולפי שהיה טרוד בחשבונותיו כמה חריצים יש בקיתון. כמה ממון הכנים לקופה היה מתפלל' ולא דקדק באותיותיה. וכך היה אומר רבוננו של עולם גלד וידוע לפניך שכל החשבונות שאני מחשב איני מחשב אלא כדי לעלות לארצך הקדושה. העלני לשם ואני מתפלל לך שם תפילה גאה. בתוך כך יצאו כמה שנים. הזקן עושה את מלאכתו באהבה

¹ Опубликовано: Иерусалимский журнал, № 52 (2015). С. 186-190.

לפניך במה שנים הייתי מתלבט בגלות הזאת. מאכלים טובים לא אכלתי ומלבושים נאים לא לבשתי וכדירה נאה לא ישבתי וכל שנותי היו המוצות עלי וחומץ והייתי מקבל עלי הכל באהבה ובלבד שאעלה לארצך הקדושה. ועכשיו שהגיעה שעת לעלות באו השובים ונטלו את ממוני וחבשו אותי בבית האסורים. וכך היה יושב זבוכה עד שנתנמנם מתוך הבכייה. כשהגיע חצות לילה נתעורר מאליו. בחדר בית האסורים אין מוזה ואין הקיתון. התחיל מטפח בשלשלאית ומשורר בקול עצוב כמה שירים ותשבחות שהיה רגיל לשורר כלילה וכך היה משורר והולך עד שחזר ונתנמנם. נפתחה דלת של בית האסורים ונראה כמראה בן אדם וקופה של אבן בידי זמין חיוך על שפתיו. הסיע הזקן עיניו ממנו וביקש להתנמנם. העמידו אותו האיש על רגליו ואמר לו. אחוז בי ואני מביאך לכל מקום שאתה רוצה לילך. זקף הזקן שתי ידיו בלפי אותו האיש ואמר לו. איך אחזיק בך וידי שלולות בשלשלאות של בדול? אמר לו. אף על פי כן. פשט הזקן פיסות ידיו ולפת בהן צוארו של אותו האיש ואותו האיש מחייך ואומר. מיד אני מכיין לארץ ישראל. חיבק הזקן צואריו של אותו האיש בשהוא מכוון פניו כלפי ירושלים. טסו טיסה אחת ונפסק חיוכו של אותו האיש. טסו טיסה שניה ונצטננו ידיו של הזקן. טסו טיסה שלישית וחש שאינו מחבק אלא אבן קרה. גמס לבו נבפו ידיו. גשמנו ממנו ונפל לארץ. למחר נכנסו השובים ולא מצאוהו.

אותו הלילה נשמעו דפיקות בחדר „הכולל“ שבירושלים. יצאו וראו כת של מלאכים באה מן הגולה נושאים כדמות בן אדם. נטלוהו וקברוהו כאותו לילה. לפי שאין מלינים מח בירושלים.

В одном польском городке жил старик, который делал уксус. Его отцы и деды были известными торговцами вином, но в теснине времен разорились и не оставили ему ничего, кроме плохонькой квартирки да прокисшего вина. Да и в квартире этой не знал он добра: когда сыновья были еще маленькими, умерла его жена, а когда выросли, их забрали в армию, и они погибли на войне. Старик остался один. Пять дней в неделю он делал уксус, а в канун субботы наполнял уксусом большой кувшин и обходил с ним весь город. Нередко он думал: «Кто я такой и что у меня за жизнь? День за днем я делаю уксус, а продав его, снова делаю уксус, чтобы снова его продать. И все это только для того, чтобы прокормить это брренное тело. Если бы были живы жена и дети, я бы заботился об их пропитании, но теперь, когда жена умерла и мое семя исчезло с лица земли, чего ради я так лезу из кожи вон?» Он плакал и вздыхал, и так горько стало ему влачить пустую череду своих лет, что работа потеряла, наконец, всякий смысл в его глазах. Даже цицит и тфилин не значили больше ничего. Только любовь к Земле Израиля теплилась еще в его сердце. И он решил отправиться туда и обрести там, если повезет, вечный приют. Он начал отказывать себе в еде и лишил себя тех немногих удовольствий, которые у него были. Он даже перестал пробовать фрукты, которые предназначались для уксуса, перебиваясь небольшим ломтиком хлеба, смоченным в слабом вине. По понедельникам и четвергам он постился и привык довольствоваться малым. В канун субботы, продав уксус, он усаживался на камне по дороге домой, вынимал из кармана монеты, половину оставлял себе, а другую опускал в один из тех ящиков, которые в этой стране устанавливали у изваяний «того человека» на перекрестках дорог. Он был так наивен, что не знал, для чего этот ящик предназначен; ему казалось, что нет места надежней этого. Медяки он оставлял себе на текущие нужды, а серебряные монеты откладывал на дорогу в Землю Израиля и всякий раз процарапывал метку на своем кувшине.

С этих пор трудился он с радостью. «Какое чудо, – говорил он себе, – прежде мне была противна моя работа, а теперь мне трудно оставить ее. Та же утварь и тот же уксус, а я не чувствую, как пролетает день». В полночь он вставал с постели, брал свой кувшин и плясал с ним, пока

не подходило время утренней молитвы. Молился он рассеянно и сбивчиво: его занимали подсчеты, сколько меток он нацарапал на кувшине и сколько денег скопилось у него в ящике. «Господи, – оправдывался он, – Тебе известно, что все мои подсчеты не имеют другой цели, кроме восхождения в Твою Святую Землю. Возведи же меня, а там уже я вознесу Тебе безупречную молитву».

Так прошло несколько лет. Старик трудится с любовью, обходит город со своим уксусом и делит выручку пополам: одна половина – на пропитание, другая – на дорожные расходы; и снова делает уксус, и снова продает его в городе и распределяет доход: половину – на жизнь, другую половину – в тот заветный ящичек. Годы шли, но, как свойственно простым людям, старик не оставил своего замысла. А между тем стены его дома обветшали и потрескались. Крыша прохудилась, и когда шел дождь, капли просачивались сквозь его одежду. Налоги и подати росли с каждым годом. Если он задержится здесь еще, то власти отберут у него дом или же этот дом станет его могилой. Лежит мастер уксуса на кровати и слушает, как от стен отваливается штукатурка, кусок за куском отрывается и почти неслышно падает, полная влаги. Но сердце старика звенит, как колокол, от радости, что Бог милосердный держит его душу в теле и не дает ему умереть за пределами Земли Израиля. Как пропоет петух, старик оmyвает руки, протирает глаза, зажигает свечу, усаживается на пороге и, накрывшись талитом, как во время траура, оплакивает изгнание. Но вдруг, заметив свой кувшин и увидев, сколько на нем меток, он вспоминает о деньгах, отложенных на дорогу, и тогда берет в руки кувшин, и выстукивает на нем песнопения и славословия, и кладет руку на пояс, и поднимает плечо, и восклицает: «Сколько меток на кувшине? Две, три, сорок, пятьдесят, сто!..» – и начинает плясать от радости, да не так, как танцоры, подпрыгивающие выше головы, и не как те, что несутся в пляске из одного угла в другой, а скорее как те, что поводят одним плечом вокруг другого, и плечи водят вокруг них хоровод. И так он танцует, пока не раздастся голос служки, зовущего на молитву. Услыхав его, старик смущается и тихо произносит: «Что ж, пойду на молитву». Устыдясь самого себя, того, что испытал он радость в этом мире, старик берет талит и тфилин и выходит. До чего же изорван этот талит, весь прогнил он от слез. Слава Богу, он едет в Иерусалим: там ведь хоронят без талита. Окончив молитву, если нет поста, старик макает ломтик хлеба в слабую бражку и касается языком земли, дабы не соблазниться искушениями мяса и вина. Затем он садится за работу. Пять дней в неделю делает уксус, а в канун субботы наполняет кувшин и ходит по городу. Вернувшись, он делит монеты: половина – на жизнь, половина – на дорогу. И когда никто не видит, он разрывает паутину, затянувшую за неделю щель ящика, установленного меж рук «того человека», и опускает в нее свои монеты. Наивен он и не знает, что это за ящик. Опустив же монеты, делает на кувшине новую метку.

Прошли годы. Тело старика изогнулось и стало похоже на шофар, издающий поминутно жалобные стоны. Уксус съел половину его легких, и он с трудом мог дышать. Большую часть времени он постится, и уже не на чем держаться одежде, но каждый субботний вечер прибавляется на кувшине по одной новой метке. Больше, однако, этот кувшин меток не вынесет, и старик уже начал подумывать, что пришло время отправиться в Землю Израиля: «Когда я в последний раз опускал монеты в ящик, они уже выпирали из щели». Но пока кувшин цел, с ним трудно расстаться. И вот однажды треснул кувшин, и пролился уксус. Продавал ли он еще уксус, мне не известно. Но я слышал, что пошел он к иконе «того человека» и поднял камень, чтобы сломать ящик и взять свои монеты. Слышал я также, что как раз в это время подошли ксендзы, чтобы открыть ящик, и они увидели старика стоящим возле ящика с камнем в руке. Его схватили и бросили в темницу. Сидит он в темнице, а весь город бурлит, как адский котел. Одни говорят: «Ужасный век, скверны дела людей, и нет им веры!» Другие говорят: «Ремесленник под стать своему ремеслу; как вино, сгнивая, становится уксусом, так и старик этот в конце концов стал

злодеем». И все, потупившись, вздыхают о свершившемся святотатстве и причитают: «Эх ты, уксус, винный отпрыск».

А старик сидел в темнице, закованный в железные цепи. Правда, кандалы не сжимали его тонких, как тростинки, рук. Когда Бог посылает человеку беду, Он подслащивает ее горечь, чтобы легче было пережить страдания. Старик сидел и потряхивал цепями, когда из щелей стала выползать всякая мерзость. Из страха опуститься на пол он положил голову свою между коленями своими, как бы погружаясь в видение колесницы, пока не привели его в суд.

Судья сказал:

– Ты признаешься, что собирался взломать ящик?

– Я собирался открыть ящик, потому что деньги...

Но судья не дал ему закончить и закричал:

– Подсудимый признается, что хотел взломать ящик!

Старик хотел было объяснить судье, что он не совершил никакого преступления, что в ящике были его деньги и что поэтому – неповинен человек, укравший у самого себя. Но, видно, так уж было угодно Богу, что чем больше он говорил правду, тем больше казалось, что он лжет. Судья вызвал свидетелей.

Вошли ксендзы, достали из-за пазухи свои святыни, поцеловали их и поклялись, что в такой-то день такого-то месяца, в такой-то час они подошли к такому-то ящику, чтобы открыть его, и застали там еврея, который держал в руке камень и намеревался этот ящик взломать.

Сказал им судья:

– Вы узнаете этого старика? Это он собирался взломать ящик?

– Да, – отвечали они, – мы свидетели этому.

Старик ничего не понимал: как такие благообразные люди клянутся в том, в чем клятва не нужна вовсе?! Он тряхнул руками, и его цепи громко зазвенели.

– Ты хочешь сказать, – произнес судья, – что эти почтенные свидетели лгут?

Боже упаси, у него этого и в мыслях не было. Ведь он и вправду собирался открыть ящик. Зачем это судье понадобилось подбивать его на ложь? Нет, он не станет лгать; он только хочет, чтобы ему отдали его деньги. Его руки и ноги в кандалах, и все, что ни произносят его уста, идет ему же во вред, но все же есть у него еще глаза. Он поднял глаза и заглянул в лица судьи и свидетелей. Колдовство какое-то: все говорят правду, а правда не дает свершиться правосудию. Посматривая на свои кандалы, старик одним глазком взглянул поверх головы судьи и вдруг увидел на стене икону «того человека». «Ты еще и улыбаешься мне!» – хотел было воскликнуть он, но только ударил кулаками по столу, да так, что звон цепей загремел по всему залу, и закричал:

– Отпустите меня и верните мне мои деньги!

Его избили и вернули в темницу.

Старик сидел на соломе и плакал: «Боже всемогущий, Ты знаешь, сколько лет мыкался я в изгнании, хорошей еды не ел, красивой одежды не носил, в хорошей квартире не жил, и все мои годы были кислыми, как уксус. И все это я принимал с любовью, лишь бы попасть в Твою Святую Землю. И сейчас, когда уже пришло время, у меня отняли все и бросили в тюрьму». Так, плача, он и задремал.

В полночь он проснулся. Нет в темнице ни мезузы, ни кувшина. Стал он позвякивать цепями и затянул грустным голосом те песни и славословия, которые он привык петь по ночам. Он пел и пел, пока не задремал снова. Вдруг дверь открылась, и показался силуэт человека. В руках он держал каменный ящик. Некое подобие улыбки озаряло его лицо. Старик отвернулся и попытался снова уснуть. Но «тот человек» поставил его на ноги и сказал:

– Держись за меня, и я отнесу тебя, куда пожелаешь.

Старик поднял свои руки и сказал:

– Как же я могу держаться за тебя, если мои руки закованы в железные цепи?

– А ты попробуй.

Старик протянул руки и обхватил его шею. А тот улыбается и говорит:

– Сейчас я отнесу тебя в Землю Израиля.

Старик обнял «того человека» за шею, и он повернулся лицом к Иерусалиму. Они полетели в первый раз. Вдруг исчезла улыбка с лица «того человека». Они полетели во второй раз – и у старика заковались руки. Когда полетели они в третий раз, он почувствовал, что обнимает холодный камень. Его сердце затрепетало, руки ослабели, и он сорвался и упал на землю. Когда на следующий день тюремщики вошли в темницу, в ней никого не было.

В ту же ночь в иерусалимской ешиве раздался стук. Выйдя на улицу, все увидели, как сонм ангелов возвращается из изгнания и как будто несет человека. Его приняли и похоронили в ту же ночь, ибо не оставляют покойника без погребения до утра в Иерусалиме.

(Перевод Романа Кацмана)

ПЕСНЬ, ЧТО БЫЛА ВОСПЕТА^{1,2}

השיר אשר הושר

צחק לו כאילו כל ענין הפרנסה הוא דבר של צחוק. הוסיף ואמר אומרים בשמו של הבעל שם טוב אמרו בגמרא הני תרי בדחי וכו'. והרי לא היה שם אלא אחד, אלא הוא שחק על העולם והעולם שחק עליו. אף כך קרובי שחקים עלי שאני יושב כאן ואני שחק עליהם שהם יושבים שם.

וכך היה יושב לפניו ופניו שמחים כדרכו בכל עת, בין שעומד בינו לבין קונו, בין שעומד בינו לבין עצמו, בין שעומד בשוק בין הבריות, והוסיף וסיפר ולא הרגיש שאיני שומע. כנגדי עמדה אשתי ושמעה. ואם איני טועה אף ילדי עמדו עמי ואיני יודע אם שמעו או אם עמדו סתם.

לאחר שהלך לו אמרתי לעצמי אדם זה מאנשי קהל ברי לבב הוא, שבקטנותי שקוד הייתי על ספריהם, והרי זה כמה שנים שאני דר עמם בעיר אחת ועדיין לא נכנסתי לבית מדרשם. פעמים הרבה רציתי ליכנס אצלם, כדי לדאות את הריקוד שנוהגים לרקוד בכל יום אחר התפילה.

הנבחרתי עצמי מכסאי התחלתי מטייל בחדר ומביט בכתלים ובתקרה ובחלון ובחורף, כאילו חסר שם דבר. עם שאני מביט ומציץ הלכתי אצל ארון הבגדים והוצאתי בגדי שבת שלי.

שאלה אותי אשתי הולך אתה אמרתי לה למה אמרה בשביל שראיתי שהוצאת בגדי שבת שלך. אמרתי לה שמא תלכי עמי.

כיון שהסכימה לילך עמי שאלתי את ילדי אפשר אף אתם רוצים לילך עמי. ענו הילדים ואמרו נלך. נסתכלתי בהם בחיבה יתירה וביקשתי לומר כלום ידעים אתם להיכן מבקש אבא ללכת ולא אמרתי ולא כלום.

לא שאלתי את עצמי היאך אגיע לבית תפילתם של אנשי קהל ברי לבב והיאך אמצא את הדרך, הרי מימי לא הייתי שם, ולשאל אדם עליהם ספק אם ידע. לפי שהם שפלים בעיניהם לפני המקום שפלים הם בעיני הבריות ואין אדם יודע את מקומם. הלכתי אחד לבי.

דרך הילוכנו סיפרתי לאשתי וילילי קצת דברים על אנשי קהל

האיש המתוק חזר ובא. היוכו זרח על שפתי והזהיב את האבק שבוקנו. חייך זה שלא פסק מפיו נתן לו פנים בינוניות. אבל תמימות שהיתה בו ליבבה את תנועותיו והרגישה את לבי. הוא היה צנום ובגדיו מההיים, כבגדי העניים שאין בידם ליקח להם בגדים חדשים. מכל מקום לא נראה בהם קרע ולא נמצא עליהם לא רבב ולא טלאי. וכמין חסוּטרה יוצאת מכתפיו. כאדם שהטעינו עליו משאוי ואינו מקפיד.

תחילתו של איתו איש כך היתה. בן שלושים שנה עלה לארץ ישראל ולמד לסדר אותיות והיה שמה לאכול מיניע כפיו ולפרנס את אשתו ובניו. אחר ימים קצה נפשו במלאכתו, שרוב הדברים שניתנו לו לסדר לא היתה רוחו נוחה מהם, שרובם דברי שחוק או מחקר, ולעבוד בבתי דפוס של ספרי יראים מלאכתם מרובה ושכרם מועט. עמד ולקח לו קצת ספרים מאותם שאין הפסד בקריאתם ומחזור עמהם בעיר. ספר אחד, שאף רבינו מוכירו לשבח, הביא לי הציע לי לקנותו. עם שאני מביט בספר סיפר כדרכו, דבר תורה או סיפורי מעשיות, כדי לקרבני קצת למה שקרוב ללבו, ושכח מתוך כך להגיד את החבילה מידו.

נטלתי את החבילה מידו והושבתיו על הכסא ושאלתי אותו היאך אדם חלוש כמותו מטלטל חבילה כבדה כל כך. חייך ואמר קשים מזונותיו של אדם.

אמרתי לו הרי קרוביך שבאמריקה מבקשים ממך לבוא אצלם הם יפרנסוך בכבוד. חייך ואמר קרובי עשירים גדולים, אלא שאין להם הרגשת ארץ ישראל, שמדמים בלבם שאפשר לצאת מארץ ישראל בשביל פרנסה. הגאון מווילנא היה אומר כל מה שנתנו חכמים קצבה לדבריהם לעולם לא בטל. קשים מזונותיו של אדם כקריעת ים סוף. כך היה בימיהם זכרונם לברכה וכך יתא עד סוף כל הדורות. העשיר בעשרו העני בעניו, וכאן

¹ © Роман Кацман. Перевод не опубликован.

² Неточ.: Исаия 26:1

עם חשיכה. אבל כבשתי מחשבותי בלכי ונתאמצתי שלא להרהר כלום.

נשמע פתאום קול לא קול, כקול שעה בשעה שפוקרת את תברתה ופורשת ממנה לעולם. הגבהתי עיני וראיתי את האיש שביקרני היום עומד ופניו כלפי העם. אותו החיוך שהיה זורח בפניו נעקר ונתלש וכפיו קמוצות מתוך חרדה הוא מדבר לעצמו וקולו מקיף את המלים והמלים מקיפות את קולו. הסיתי אזני ושמעתי

תבל אָשד עֲשָׂה מְךָ
וְשָׁמַשׁ מְחַפֵּה עַל הַצִּלְלִים.

איני יודע אם החרוזים מגוף דבריו, או אולי הם תולדות הניגון, כעשן זה שיוצא מן האש ועושה צורות ברקיע וכמדובר זה שהוא תוספתו של יישוב והחמה להסתם שם ואין צל לבריה.

בקמצו שתי ידי והתחילו מרתתות, כאילו אחזו באותה חרדה. דומה שאף אשתי וילדי עשו כן. תליתי עיני כנגדי לראות אם כן הוא. נתעלמו פתאום או אולי לא היו כלל עמי. נולת חיוך מתוק מרפרף היה באויר, כמין חלום שאדם רואה וסבור שאף אחרים רואים אותו.

ברי לבב על עבודתם את השם ועל שפלות רוחם ועל ענות יתירה שיש בהם. זו עונה שמכרעת את היופי ומעלה מן החן. וכיון שראיתי שאשתי וילדי מקשיבים לדברי הוספתי וסיפרתי להם על אותו צדיק, שזה יותר ממאה שנה שנסתלק מן העולם ועדיין אשו יוקדת, וקרוב הדבר שתהא יוקדת והולכת עד לביאת הגואל.

בית תפילתם של שני חדרים ופתחו פתוח לרחוב, שחומה נמוכה חוצצת בינו לבין שאר הרחובות. וגידולי בר משגשגים ועולים מן החומה הקלילה בחמה, ושברי כלי זכוכית מנצנצים מהם ונותנים להם זיו, כיוון סללי בוקר בין חולות המדבר. נזדקרה ידי מאליה ונתקשרה ונתחכרה לכפות המנעול. אמרתי לי בלחישת כאן.

כאן, ענתה אשתי אחרי וכיסתה את שערה ותיקנה מצנפותיהם של התינוקות.

כשני מגיינים היו בבית התפילה. מהם זקנים מהם בחורים. מהם שכבר יצאו מתקופת הבחרות ולא הגיעו לזקנת. אף על פי כן דומים הם זה לזה. אם במלבושיהם השחוקים ואם בכובעיהם המעוכים ואם בשפלות הרוח ואם בעצבות שכפניהם שהיא בלולה בשמחה. זו שמתה של עובדי השם שקרובים לדרך האמת. מהם עמדו ונסתכלו בספר ומהם סילו מחדר לחדר, כשזקנמ מסתלסל מאליו ופיאותיהם מחליקות את לחיהם. וקול לא קול עלה מן הקרקע ומכתלי הבית כקול צבע שנותן המחוקק לתוך אותיות המצבה וכקול טלית ישנה כשעה שכולעת את דמעוניה.

כבשתי את נשימתי ורמזתי לאשתי וילידי שיתנו אזניהם וישמעו. זקפו עיניהם והביסו עד שפירשו עיניהם לעצמן ונעשו רואניות. ממש בלא שום תיווך של פנים.

אותה שעה כבר סיימו את תפילתם, ואם נהגים לעשות מחול אחר התפילה צריכים היו להתלקט כאחד ולרקד. והם לא עשו כן. אלא כל אחד ואחד עמד לעצמו ולא נראה שום הכנה לריקוד. עמדתי אף אני ביני לבין כבערב תשעה באב

Он снова пришел, этот милый человек. Улыбка сияла на его губах и золотила запыленную бороду. Эта вечная улыбка придавала его лицу черты посредственности. Однако была в нем какая-то невинность, которая преображала его движения и волновала меня.

Он был сухощав и носил потертую одежду, как те нищие, которые не могут купить себе новой. При этом, на его одежде не видно было ни дыр, ни заплат. Его плечи были сгорблены, как у человека, который несет тяжкий груз и не знает об этом.

Его история началась так. Когда ему было тридцать лет, он приехал в Землю Израиля и выучился на наборщика. Он был рад своими руками зарабатывать свой хлеб и кормить жену и детей. Но вскоре его работа стала ему в тягость, ибо по большей части ему приходилось набирать юмористические брошюры или ученые трактаты; его душа не лежала ни к тому, ни к другому. В типографиях же, где печатают религиозные книги, работа велика, а плата мала. Тогда он взял кое-каких книг, из тех, что никогда не вредно перечитать, и стал разносить их по городу. Одну из них, ту, что и наш рабби хвалил, он принес мне и предложил купить.

Пока я разглядывал книгу, он начал, как обычно, рассказывать чудесные истории, толкуя Тору и стараясь привлечь меня к тому, что интересно ему. О связке книг в его руках он и вовсе позабыл.

Я взял у него книги, его самого усадил на стул и спросил, как он, такой слабый человек, может носить такую тяжелую ношу. Он улыбнулся и ответил:

– Труден хлеб человеческий.

– Ведь ваши родственники в Америке зовут вас к себе. Они помогли бы вам достойно зарабатывать свой хлеб.

– Мои родственники, – сказал он улыбнувшись, – большие богачи, но у них нет любви к Земле Израиля. Им кажется, что можно оставить Землю Израиля ради заработка. Виленский Гаон говорил: «Все, что обосновано мудрецами, незыблемо вовеки». Труден хлеб человеческий, как разведение вод Чермного моря.¹ Так было в их времена, и так будет до конца дней: богатство для богатого, бедность для бедного.

И он рассмеялся, как будто трудности заработка – это ужасно смешная вещь.

– Говорят, – добавил он, – что Бааль Шем Тов как-то сказал: «В Талмуде сказано: Хани трей бадохей² и т. д., мол, вот идут два весельчака, радующие людей; а ведь был там только один, и он смеялся над миром, а мир смеялся над ним». Так и мои родственники смеются надо мной, что я живу здесь, а я смеюсь над ними, что они живут там.

Так сидел он передо мной, и его лицо было радостно, как и всегда – перед Создателем, наедине с собой или среди людей на базаре. Он и не заметил, что я его не слушаю. Моя жена, напротив, стояла и внимательно слушала. Если не ошибаюсь, там были и мои дети, но слушали они или просто стояли, я не знаю.

Когда он ушел, я подумал: «А ведь он из Общины чистых сердцем; над их книгами я корпел в детстве, и вот я живу с ними в одном городе уже много лет, и не бывал ни разу в их синагоге». Много раз я хотел побывать там, чтобы увидеть танец, который они танцуют каждый день после молитвы.

Я поднялся и стал расхаживать по комнате, всматриваясь в стены, в потолок, в окно и в то, что за ним, как будто там чего-то не достаёт. Не переставая высматривать да поглядывать, я подошел к шкафу и взял мою субботнюю одежду.

– Ты уходишь? – спросила меня жена.

– С чего ты взяла?

– Я вижу, ты взял субботнюю одежду.

– Может, пойдешь со мной?

Она согласилась, тогда я спросил детей:

– А вы хотите пойти со мной?

– Пойдем, – ответили они.

Я посмотрел на них как-то особенно нежно и хотел было сказать: «А вы знаете, куда папа хочет идти?», но промолчал и ничего не сказал.

Я даже не задумался о том, как я попаду в синагогу Общины чистых сердцем, как я найду дорогу, ведь я ни разу там не был. Поскольку низки они в своих глазах перед Богом, низки они и в глазах людей, а потому бесполезно спрашивать о них прохожих. Итак, я решил идти, куда сердце подскажет.

По дороге, я рассказал жене и детям кое-что об Общине чистых сердцем, об их служении Господу, об их смирении и необыкновенной скромности, которая больше красоты, выше благообразия. И видя, что мои жена и дети слушают меня, я рассказал им о том праведнике, который более ста лет назад покинул этот мир, но огонь его пылает до сих пор, и, возможно, будет пылать до прихода Мессии.

Их синагога – это две комнатки с выходом прямо на улицу. Низкая стена отделяет ее от других улиц. Эта опаленная солнцем стена покрыта дикой порослью, в которой, как утренняя роса среди песков пустыни, поблескивают осколки бутылок.

Моя рука сама поднялась и легла на ручки замка,³ сливаясь с ними.

– Здесь, – прошептал я.

¹ Вавилонский Талмуд, тр. Псахим 118

² Вот два весельчака (арам.). Неточ.: Вавилонский Талмуд, тр. Таанит 22А

³ Песнь песней 5:5

– Здесь, – отозвалась жена. Она накрыла волосы и поправила шапочки детям.

В синагоге было около двух десятков человек – старики, юноши и те, что уже расстались с юностью, но еще не состарились. Все они были похожи друг на друга – то ли потертой одеждой, то ли мятыми шляпами, то ли смиренностью или грустью пополам с радостью на их лицах. Такова радость тех, кто, служа Богу, стремится приблизиться к пути истины, но, на самом деле, уже идет по нему. Некоторые стояли и посматривали в книги, другие прохаживались из комнаты в комнату. Пейсы поглаживали их щеки, вились их бороды... И из пола и стен доносился то ли звук, то ли нет, что-то, похожее на звучание краски, которой гравер покрывает буквы надгробия, или на звук, который издает старый талес, когда глотает слезы.

Затаив дыхание, я дал знак жене и детям, чтобы они прислушались. Они стали всматриваться, да так, что их глаза выскочили из орбит.

К тому времени молитва уже закончилась, и теперь все должны были собраться и как один пуститься в пляс. Но этого не произошло. Каждый стоял сам по себе, и танцевать никто не собирался. И я тоже стоял один, как в сумерках вечером девятого Ава, стараясь сдерживать свои мысли и ни о чем не думать.

Вдруг раздался то ли звук, то ли нет, нечто похожее на то, как звучит одно мгновение, когда оно встречается с другим и расстается с ним навеки. Я поднял глаза и увидел того человека, который был у меня сегодня, стоящего лицом к людям. Улыбка, сиявшая прежде на его лице, была оторвана и отброшена, ладони были сжаты в кулаки от страха. Он говорит сам с собой, его голос объемлет его слова, и его слова объемлют его голос. И я услышал:

Пустыня – это дым вселенной

И солнцем скованная тень.

Я не знаю, сложились ли эти строфы из его речей, или они родились из мелодии, как рисующий образы в небе дым рождается из огня, или как из селения рождается пустыня, где печет солнце и ни для кого нет тени.

Мои руки сжались и задрожали, будто объятые тем же страхом. Похоже, то же случилось и с моими женой и детьми. Я поднял глаза, чтобы убедиться, так ли это, но они вдруг исчезли, а может, их и вовсе не было. Была только милая улыбка, парящая в воздухе, словно сон, который видится нам и, как нам кажется, всем остальным.

(Перевод Романа Кацмана)

Пока не придет Элиягу¹

א

בין בית המדרש הישן ולבית המדרש החדש סמוך לפתח סכנדר המרחץ תיבה אחת קטנה של עץ מונחת לה. כמוה לא ראינו לא אנתנו ולא אבותינו. כמה דורות מונחת לה התיבה. גבנים לא גבנוה, ידים מששניות לא הזוהה ממקומה. של מי היא ומי הניח אותה כדאי הוא הדבר לספרו. גבאי בתי תפילה שבעירנו כשהיו שוכרים שמש היו מתנים עמו שבשבתות שקורין את התוכחה עליו להמציא איש שיעלה לפרשת התוכחה. לא מצא מי שיעלה לפרשת התוכחה יעלה הוא לפרשת התוכחה. אבל אמרו, מימיה של ביטשאטש לא עלה שמש משמשי ביטשאטש לפרשת התוכחה, שאין לך כל שמש ושמש שאינו מוצא לו עני שמתרצה ברצי כסף לעלות במקומו, שעיניהם של עניים תלויות למעות. שנה אחת הגיעה פרשת כי תבוא ולא מצא שמש בית המדרש החדש עני לפרשת התוכחה. כלום כלו העניים מן העולם מעשה הוא שהיה.

משיצא רוב השבוע התחיל דואג, שמה יצטרך הוא לעלות לפרשת התוכחה ולא לחגם היה דואג, שאין אדם שיעשה תמיד טוב ולא יחסא לעולם, העשיר בעשרו והעני בעניו. ומה עשירים שאינם חסדים בעולמם מכל טוב באים לידי חסא, עניים שאין להם אלא עניותם בלבד על אחת כמה וכמה, כאותו מעשה שאירע את השמש הלוי. שנה אחת היתה צנה עזה בעולם והיו ילדיו הרכים חולים מן הצנה, נכמדו רחמיו עליהם וגטל מעצי בית המדרש והסיק בהם את תנורו. שוב פעם אחת היתה מעשה, הגיעו לילי חנוכה ולא מצא ליקח לו שמן להדליק, הדליק בשמן של בית המדרש. עצים ושמן שהקדישו לתורה ולתפילה השתמש בו הוא לצורך עצמו.

הקדוש ברוך הוא מאריך אף ואינו גובה את שלו מיד. אבל לא כמדת הקדוש ברוך הוא מרת בשו רום. עניה אחת היתה בעיר. מת עליה בעלה ולא הניח לה חוץ מבן קטן שלדה לו. נתנחמה האלמנה בבנה. היו לו לאביו של התינוק געבועים על בנו ולקח אותו. לילה אחד בא התינוק אצל אמו בחלום ופניו היו עצובות. אמרה לו, מה לך בני, לא טוב לך אצל אבא ענה הבן ואמר לה, טוב היה לי אילו היו אומרים כאן בעולם השפל מלה יהודית לעילוי נשמתו. צעקה האם בחררה, בני בני נשמתו שלי, מה דברים אתה דובר, וכי לא שכרתי את השמש של בית המדרש החדש שאמר שלוש פעמים בכל יום קדיש לעילוי נשמתך וילמד בכל יום פרק משניות עם פירושו. את מטפחת ראשי שקנה לי אבא שלך אחר לידתך מכרתי לשם כך, ואתה אומר טוב היה לי אילו אמרו מלה יהודית לעילוי נשמתך. למחר הלכה אמו של התינוק וברקה אחר השמש. מצאתו יושב לפני ספר משניות וראשו מתח על הספר כשהוא מנגמם. ולענף אמירת קדיש, שמש שמכר עצמו לכמה בעלי יארצייטים לומר קדיש. נתמלא לבה כעס וקיללה אותו בכל הקללות שבתוכחה. היה השמש יודע שאין קללת אלמנה חרות ריקם והיה מיצר, שאם לא יצמיד אחד במקומו הרי עליו לעלות לפרשת התוכחה ומקרה לו כל הקללות שבתוכחה שבהן קלה אותו האלמנה. משהגיע יום חמישי בשבת ועדיין לא מצא איש עני התחיל מתייאש עד שהתעלם מן ההשגחה שיכולה לסלק כל צרה כהרף עין.

ב

לאחר שיצא האחרון שבמפתללים מבית חמדרש פתח השמש ספר משניות, שהרבה אלמנות והרבה יתומים שכרהו ללמוד משניות לעילוי נשמות קרוביהם הנפטרים. מי שהיה בירו הוסיף לו מעה כדי שילמד משניות עם פירושו, מי שלא היה בירו סמך על רחמיו של הקדוש ברוך הוא שיעשה טובה לנפטר בסדר משניות ואפילו בלא פירושו.

בן תורה לא היה השמש, כל שכן בעל משנה שצריכה בינה יתירה להבין סתום מן המפורש, אלא כשאדם יושב כל שנתיו בבית המדרש ולשבת בסל כל הימים אי אפשר הרי הוא פותח ספר. יושב לו אדם לפני הספר, האותיות שבספר צפות ועולות להן ומגיעות עד לעיניו. ואם האלקים בעתו מצדף אותיות למלים ומלים לענין. כך השמש הזה, מתוך שהיה מצד כל הימים בבית המדרש הרגיל עצמו לישב לפני ספר משניות, שלימוד משנה מסוגל לנשמה, שכן אותיות משנה כאותיות נשמה. צירף לו עשרים ושנים פרקים כמעין אותיות אלף בית ומהם היה מצרף לו כך וכך פרקים שהיה שונה בכל יום לפי שמותיהם של המתים שנטל עליהם שחר, כגון שמש של הנפטר אברהם

היה שונה פרק כנגד כל אות אות של שמו. כנגד אות אלף פרק ארבעה אבות וכנגד אות בית פרק במה אשה יוצאת, וכנגד ריש פרק רי אליעזר דמילה, וכנגד אות הא פרק האשה שהלך בעלה וצרתה למדינות הים, וכנגד אות מם פרק מי שמתו מוטל לפניו. וכן כנגד אותיות שם אביו של הנפטר וכן כנגד אותיות נשמה, כיוצא בזה לגבי נפטרות. בכך היה יושב ושונה בכל יום כך וכך פרקים לפי המתים שנטל עליהם שחר. אותו היום לא שנה אפילו פרק אחד אפילו משנה אחת. כאילו כבר הגיעה עת תחיית המתים ועמדו כל ישיני עפר מקבריהם אינם צריכים לפרק משניות לעילוי נשמתם. ישב לו השמש בינו לבין עצמו ושקל את מעשיו. עשה וזרות כשנגזר ושגגות כאילו לא כלום, כלומר חסאים שעבר עליהם בדרך עשאים כאילו כשגגה עשאים, ועל חסאים שעשה בשוגג עשה אותם כאדם שתמיה ואומר אף על זה פקחת עיניך. אבל חרטתו שיברה את לבו.

ג

נפתחה הדלת ונכנס הלך אחד. כובעו מרוסס היה ובגדיו סלאי על גבי סלאי ומנעלי תלויים היו לו בורעו וכולו עני שכעניים שאין עמו אלא עניותו. אילולי שידע השמש באביו של התינוק שמת היה סבור שאינו אלא הוא. באמת לא הרי זה כהרזו, שזה עניותו החביאה עצמה בבגדו ואילו זה עניותו צוחה מכל סלאי וסלאי, אלא השמש מתוך שצללה באוניו קללתה של האלמנה נזכר בבעלה המת, ומתוך שזכר בו נרמה לו שהוא זה.

ספח לו ההלך לשמש על כתפיו כדרך הריקים, שמראים חיבתם בידיהם, נקב על ידי הסתה על הכתף או על ידי מיעוץ בכרס וכיוצא, דרך כך אמר לו, מה זה יהודי אהובי שאתה מיצר? יהודים אנתנו ברוך השם תנא ליהודי שיהא שמח בכל עת ובכל שעה שזכה שיהודי הוא, ואתה יהודי אהובי פנים חשיכות אתה מראה. חס ושלום שכחת שיהודי אתה.

הביס השמש בועם על ההלך וביקש לאחוז בעדפו ולהוציאו מבית המדרש. אמר לו לבו, מתוך מתוך, פעמים יכולה השתעה לברא על ידי אדם שזכה.

העביר השמש פנים של זעם והושיס את ימינו נתן לו שלום, כדרך שנותנים שלום לאורח. ולענף ששאל מה זה שאתה מיצר, אמר לו, רצונך לידע על שם מה אני מיצר, הריתי אומר לך. אבל שב תחילה, למה תעמוד, ודאי עיף אתה מן הדרך, משער אני שלא באת במרכבה מרקדה. שב יידי שב. הרי כאן ספסל. אי אי אי, ספסל זה שאני מושב אותך עליו ספסל של בעלי מאות הוא, של גבירים אדירים שמאות דינרי זהב מונחים להם בתוך חביות שכמרתסיהם, שאני אתה ידירי שמחים היינו אילו היו לנו כנגדם קישואים ככושים. עכשיו שאתה יושב אשיב לך על שאלתך.

שאל אתה על שם מה אני מיצר. אגלה לך את צרת לבי, כאדם שמגלה את צרותיו לאהובו, אף על פי שאני רואה אותך עכשיו בפעם הראשונה דומה אתה עלי כאילו מבטן אם אחת יצאנו, כאילו תאומים אנו. לא אקדים הקדמות, אתחיל בגוף הענין. בשבת זה קודאים פרשת כי תבוא שקוראים בה את התוכחה, והיום יום חמישי בשבת הוא ועדיין לא מצאתי מי שיעלה לפרשת התוכחה, ואם אין מי שיעלה לפרשת התוכחה מתוהב אני לעלות. סבור אני ידירי שירדת לעומק הענין.

הקיפו ההלך לשמש בעיניו האמר לו, יהודי אהובי מה דברים אתה מספר? וכי יש לך אדם מישראל שהוא מיצר על שמוכים אותו לעלות לתורה. אדרבא כל מי שזכה לעלות לתורה שמח תנודר לצדקה. ואתה יהודי אהובי מתירא אתה שמא יקראו לך לעלות לתורה. אל תקפיד עלי אם אומר לך שלא מצאת בי פתי שזכה שמאמץ בזה. אלמלא וקנן ופיאותני מעידים עליך שאדם מסריים אתה הייתי אומר ליצן אתה.

התחיל השמש תוהו, אני מדבר בפרשת התוכחה והוא אומר זכות היא לעלות בה לתורה. משל למה הדבר דומה, לבן כפר שלקח לו תרנגול לכפרה ובירך עליו אשד יצר את האדם בחכמה.

וכבר נתחדש השמש על כל מלה שבזכו על ההלך. ואלמלא לבו הטוב שדיבר עליו טובות ככר היה הוסף פניו ממנו ומניחו. ולפי שהדברים שאמר לו לבו מן המשנה הם לפיכך כדאי לחוד עליהם. כך אמר לו לבו, אין לך אדם שאין לו שעה אין לך דבר שאין לו מקום.

¹ Опубликовано: Иерусалимский журнал, № 48 (2014). С. 155-167.

שחישב עליו לקרותו לפרשת התוכחה, לסוף שנים שלושה סטוקים קודם לפרשת התוכחה פרח לו האורח.

התחיל לדבר עם ההלך כדי לקחת את לבו בדברים התחיל מספר לו על הנבירים של בית המדרש, כמה עשרו של זה וכמה עשרו של זה וכמה נתן זה נדוּתָא לבתו וכמה ממון בזבו זה על היתר של מאה רבנים בשביל בנו.

אמר ההלך, אילוֹא שאני בהול לילך הייתי מנקב אוני ככברה כדי לשמוע רבדים. אמר השמש, לאן אתה מבקש לילך? אמר לו, לפריבילוק, לפריבילוק למה? אמר לו, בן גולד ליהודי בפריבילוק. – האם גולד בן מה? אמר לו, רוצה אני לבוא להכנסת הבן לברית. אמר לו, אם יין שרוף אתה מבקש אתה מוצא בביתו קנקן מלא, ואם דבר של מזונות אתה מבקש, טובים ריקי ביטשאטש מכל מיני מאפה שבעולם. רבי זכריה בנו של רבי ליבוש ראש מדינה בן עזן תהא מנחתם, פעם אחת נסע אצל חמוי לפיראייץ. כשחזר משם שאלה אותו אמו הננידה מה האכילה אותך חמותך? אמר לה, כל הימים לא פסקו כל מיני מצדנים משולחני, אלא כל זה איננו שווה לי כריק אחד של השמשיית שלנו. יודע אתה יודי אותה השמשיית מי היא? אמא רבתה שלי היא. ואמא שלי עליה השלום קיבלה ממנה האשתי קיבלה ממנה. באו לביתי ונברך שהכל ומזונות. אמר ההלך, חביבים עלי דבריך מכל מצדני עולם, אלא בהול אני, כדי שאניצ לפריבילוק קודם חשיכה האשמע את התינוקות קורין קריאת שמע בפני היולדת. צחק השמש ואמר, מציאה מצא, קריאת שמע של תינוקות בכפר.

אם אתה מבקש לשמוע תינוקות קורין קריאת שמע המתן עד שיכנסו תינוקות לבית המדרש לתפילת ערבית, ולא קריאת שמע בלבד אתה שומע אלא אף קריאת יתום. בעתן הדרור רבים מתים כשהם צעירים ומניחים אחריהם יתומים קטנים. על שם מה אתה מתאנח? על יהודים שמתים? על זה באמת ראוי להתאנח, אלא שאתה רואה מזה שאין אתה צריך לכתת רגליך לכפורים לשם מלה יהודית. אל אחטא בשפתי, וישבי כפורים, כאילים וסורים חציים שטים ובורים, וחציים נויים גמודים. ואם גולד בן בכפר מה? אליהו לא יודמן לך שם. הייך ההלך ושתק.

חזר השמש ואמר, ואף מנעליך שתלרים לך על יודעך מביאים אותי לידי ספק אם ילכו עד לכפר. טול את התיבה ובוֹא עמי. למה לך להניחה בחזק אם אתה יכול להניחה בבית. חס ושלום שיש כאן נגבים, אלא ידים משמשות הן, דואים חפץ מיד ממששים. אם ככרה היא עוֹבֵב אעוֹב עמך. צחק ההלך ואמר, קלה היא ככסותו של עני בתקופת סבת. אם ישמשו ימשמשו.

פשפש השמש בבגדו והוציא פרוטה מכיסו ואמר לו להלך, הא לך. אמר לו, מה זה? אמר לו, מעות. אמר לו, מעות למה לי? אמר לו, אם תבקש ליקח לך כוס ייִש או פרי יהא לך ממה לשלם. אמר לו, ישראל רחמני, אם ארעב אמצא יהודי שאכלני בלא כסף ואם אמצא אמצא מעין או באר האשתה. אמר לו, אם יש לך פרוטה ביד, לא תמעד לעד. אמר לו, אם כך אצטרך לאחוז את הפרוטה ביד, אם כך אצטרך לילך ביד קמוצה. אם כך יחשדתי שאת מלה ברבית אני, אם כך נרם אני רעה לעצמי שבאים על ידי לחשוך ביהודי.

ראה השמש שאין לו תועלת מן הדברים. תלה בסחוטו בהקדוש ברוך הוא, כשם ששיגר לו את ההלך היים כך יחזירנו לו בשבת, מכל מקום הקדים השמש את ההשגחה ושאל את ההלך אימתי הוא חוזר. אמר לו, אם ירצה השם לשבת.

ראה השמש שאין בלשונו רמיה. אבל נתיירא שאת יתגלגל לבית מדרש אחר ויתפתה לעלות שם לפרשת התוכחה. טובים היו הימים הראשונים שהיתה כל העיר מתפללת בבית תפילה אחד, עכשיו שיש כאן חמשה בתי כנסיות יש לחוש שאת יוציאו את ההלך מידו. באמת ששה בתי תפילה היו באותו פרק בביטשאטש, אלא שהשש של חסידים היה ולא היה נחשב בעיני יואל יונה השמש לבית תפילה.

עם ששה מצטער על הימים הראשונים שהלכו להם הלך לזוה לברית מילה.

ה

הצע ערב שבת ולא חזר ההלך. הגיעה חשיכה של ערב שבת ולא חזר. התחיל השמש מיצר, אבל לידי יאוש לא בא. אומר היה השמש, אם לא בא לתפילה יבוא אחר התפילה, שהרי שמע ממני שמתפללי בית המדרש יש בהם נגידים הדכו של עני שמתאוה לשולחנם של נגידים. טימו תפילת ערבית וכאו עניים אביונים אצל השמש לבקש ממנו שולחן של בעל בית ואילו ההלך לא היה ביניהם.

ראה השמש והיה מיצר, אבל לידי יאוש נגמד לא בא. אמר יואל יונה, חזר יבוא, חזר יבוא. מימיו לא היו לו נענועים על אדם כבאותו הלילה ומימיו לא נתרעם על אדם כבאותו לילה. כל הלילה היה מריץ עמו, היכן מוצא

אמר לו השמש להלך תורה הרבה לא למדת, לאו כל אדם זוכה. משום כך אין אתה מבחין בין פרשת התוכחה לשאר פרשיות שבתורה.

הביט עליו ההלך בעינים שחוקות ואמר לו, מה אתה סבור עלי יהודי אהובי, שדיקן אני מדברי תורה. מיד אני קורא לפניך את שתי התוכחות של בחוקתי ושל כי תבוא אתה ראה שאיני עם הארץ גמור.

נער בו השמש בנייפה וצעק, סתם פיך ושתוק.

אמר לו ההלך, יהודי אהובי אימת יתש על אונך שאתה מכסה אותן. אני מבקש לקרות לפניך דברי אלקים חיים ואתה יהודי אהובי אל תקפיד עלי, אלמלא שאסוד לחשוך יהודי הייתי קורא עליך מסיר אונזי משמוע תורה. כל התורה כולה טובה וברכה וחיים ואתה מיצר אתה שמא יקראן לעלות לפרשת התוכחה. אדרבא שמחה היא לך שתעמד סמוך אצל הקורא ותשמע כל מלה שהוא קורא בלחשיה. אלמלא שאנו עומדים במקום קדוש הייתי אומר מתלוצץ אתה בי, שאתה אומר שמתירא אתה שאתה יקראו אותך לפרשת התוכחה שאמרה הקדוש ברוך הוא מתוך גרתו של משה.

הרהר השמש בלבו, הלך זה פיקח אינו, אבל בעל מזג טוב הוא, אם אני מבקש ממנו יתכן שעלה במקומי. חבל עלי שהצטערתי. מעתה אין לי להצטער אלא על שהצטערתי חזילה. מכל מקום קצת קשה, בקי בשתי התוכחות אינו יודע מה טיבן.

ד

התחיל מתמם עם ההלך. אמר לו, יפה אמרת יודי, כל פרשיותיה של התורה כולן קדושות ואין חילוק בין פרשה לפרשה, אלא שלא כל הסעמים שונים. יש אדם שאהב לעלות שלישי, משום שאברהם אבינו בן עזן נוהג לעלות שלישי. שאהרן שהוא כהן עולה ראשון ומשה שהוא לוי עולה שני. יש אדם שאהב לעלות למפסיד, מי בשביל ברכות ההפטרה ומי כדי להראות את קולו. יש מיני בני אדם מאותם שקודאים לעצמם חסידים שמתאווים לעלות שש. מעתה אל תתמה עלי יודי שאדם שכמותי בוחר להעמיד אחר במקומי לפרשת התוכחה. אבל אמור לי יודי, לגבי ברכות התורה מה? מכיר אני בני אדם שמרפסים גנות בחילוקים ובפלפולים וכשבאים לברך על התורה מבליעים הם חצי הברכה ומגמגמים חצי הברכה, מפני שאינם יודעים לברך. צודבא מרבנן ועם הארץ מדאורייתא. לא לפגוע בכבודך אני מתכחך, שאלה שאלתי. שאלה יתירה, אינה עבירה. אמור לי יודי, יודע אתה כיצד מברכין על התורה?

הקטפו ההלך בעיניו ואמר לו, וכי יש יהודי שאינו יודע לברך על התורה? ומה על אכילה ושתיה שאינן אלא חיי שעה אדם יודע לברך, על אחת כמה וכמה על התורה שהיא חיינו ואורך ימינו. אם אתה רוצה הריני אומר לפניך את ברכות התורה. אמר השמש, לאמרן סתם לא כדאי. יש בהן שמות קדושים שאין להתאיין לבטלה. מכל מקום רואה אני שיודע אתה לברך. בענותותי שרבו רבו עמי הארץ שאינם יודעים לברך ברכה אחת כהלכתה. ומעשה בחתן בשבת של שבעת ימי המשחה שעלה לתורה ואילו אני שדפקתי על השולחן כשמש שמהסס את הציבור שמסיון בקריאת התורה היו שומעים שאינו יודע לברך.

נתאנח ההלך ואמר, ודאי בן עניים הוא ולא הספיקו אבותי בירו ללמד. אמר לו השמש, מה עני ומי עני, ודאי ואני ואתה היה לנו בשבתות ימים טובים מה שהוא וזולל וסובא כשני חומשי. יש שאינו לומד תורה מתוך עתני יש שאינו לומד מתוך עושר. אותו החתן מבני העשירים היה. האלמלא אני שהצלתי את החתן מלצע הבריות לא היו יכולים להרים ראש. ומה שזכר נתנו לי, מסבעות שחוקות של נחושת.

עם שהשמש מדבר עם ההלך, ריבר לבו של השמש עם השמש. אמר לו, לא לספר סיפורי מעשיות צריכים, לעשות מעשה צריכים. הניח ידו על זרועו של ההלך דרך חיבה ואמר לו, עכשיו יודי נלך לביתו תאכל פת שחריית. לבי אומר לי שנמצא צנת ובצל וקשוא ואולי אף מעט חלב חמוץ. חלב חמוץ ללב, ככבשה לזאב, או נאמר משום, חלב חמוץ שיקי ללב, כל שותיו לא ידעו כאב.

אמר ההלך, לא צריך. אמר השמש, מה לא צריך? לאכול לא צריך? חידושי אנדות אתה משמיעני. אמר לו, לא כדאי. אמר לו, מה לא כדאי? לא כדאי לאכול? מה הפסוק אומר, נער הייתי גם זקנתי ולא ראיתי צדיק שאינו מבקש לאכול. אמר לו, בזמן שפתי של אדם מצויה בסלן להסריח אחרים למה? אמר לו, היכן כאן סל והיכן כאן פת? אמר לו, כתיבה הנחתי אותם. כתיבה? משמע חיבה יש לך, משמע לא בידים ריקות באת לכאן, אלא היכן כאן חיבה? אין כאן שום חיבה. אמר לו, בעזרה הנחתיה. אמר השמש לעצמו, מה לי לפלפל עמו, די לך שהמציאו לך איש עתני לפרשת התוכחה, אלא הלאו שלא יקרה אותך מה שקרה לאותו השמש, שבעה ימים סיטם לו עני בתוך ביתו,

אם לא הספקתי להזמין אותו לסעודת היום, אומץ אותו לסעודה שלישיית. התחיל מתנחם בסעודה שלישיית ולא נתנחם, שאינה דומה סעודה שלישיית לסעודת היום, שיש בה קידוש על היין ונכנסים לסעודה רעבים רש בה כמה מאכלים טובים מלבד הפסטידא, שהמשל אומר לפי האורח כך הפסטידא, מה שאין כן בסעודה שלישיית שאוכלים אותה על השובע ואין אוכלים אלא כדי לצאת חובת סעודה ואין אוכלים אלא לשם פרוסת המתצא וברכת המזון.

ישב לו יואל יונה והיה משתומם, הלך עני שאין עמו אלא עניונו והרי הלב יוצא לדאווה. ואפילו רכסם של בני אדם שיש להם לפרקים געגועים זה על זה, עדיין אין אנו יורעים על מה הנענעים באים. אם מחמת אותו אדם, למה לא היו לנו געגועים עליו קודם? אלא שאני אומר שונה הוא עכשיו מאחר שהכרנוהו, משמע שאין הדבר תלוי בו אלא כי שהכרתו, אם כן מה גרם לי שהכרתו עכשיו ולא קודם? בין כך ובין כך לא כדאי לבטל זמן במחשבות בשעה שמאכלים של שבת מנחמים לפניך.

העביר יואל יונה את מחשבותיו מלבו רשב לו בסעודת היום שיש בה חלות ריח שרוק ומאכלים ערבים. ולא היה יואל יונה כפוי טובה כלפי אשתו ועל כל מאכל ומאכל שהביאה לו אמר שבתו של המאכל. אבל היה מוסיף ואומר, אילו סעד עמנו האורח הייתי אומר טוב מאוד. אמרה ברכה גיטל, אם כך גניח לו לאורח מכל מאכל טוב ויסעד עמך בסעודה השלישיית. אמר יואל יונה, עצתך טובה היא אבל תמה אני שלא עלתה על לבי תחילה. באמת אף אני חשבתי כן, אלא שצערי הפיג את דעתי. בכך אומץ אותו לסעודה שלישיית. גדולים מעשי השם שנותן לאדם בכל עת ובכל שעה לתקן את מעשיו. עכשיו נזמר זמירות ומה שלא עשינו בסעודה זו נעשה בסעודה שלישיית.

סיימו את סעודת היום ובירך יואל יונה אחר מוזה רשבה ברכה גיטל ונסתכלה בכל מלה ומלה שהוא מוציא מפיו רשבה וענתה אמן אחר כל ברכה וברכה. אחר ברכת המזון עמד יואל יונה מן השולחן והגיה את עצמו על מטתו כדי לענב את השבת בשינה של אחר הצהריים. נותני סימנים אמרו, שבת ראשי חייבת שינה בשבת תענת ובאמת כך הוא, שבימות החול אדם שוכב על מיטתו ודעתו פוורה מחמת עסקיו, מה שאין כן בשבת שהשינה מענייני שבת היא שמקיים מתוך כך את מצות מנוחה השבת.

שכב לו יואל יונה על מטתו והפלה לפניו את העני כשהוא סועד על שולחנו ואוכל ושותה ונהנה, שאינו דומה עני המארח עני לפעור המארח עני, עשיר שאוכל כל ימיו על השובע על כורחו ממעט באכילה, והרי הוא סבור ומה אני שאני עשיר ושולחני מלא מסתפק אני במעט, זה שהוא עני על אחת כמה וכמה שצריך למעט באכילה. מה סופו של עני אצל עשיר, לסוף יצא רעב. אבל עני יודע נפש עני, שכל ימיו רעב וכשעני מארח עני משתדל עמו להשביע את נפשו בכל דבר טוב שמשביע את הגוף וממילא אף הנפש נהנית עמו.

שכב לו יואל יונה על מטתו ודימה בנפשו כאילו ההלך יושב וסועד אצלו על שולחן מלא מכל מה שהכינה ברכה גיטל. ששה ימים בשבוע קצרות של השמש ריקה, בשבת לעולם היא מלאה, פעמים בחסוד של הקדוש ברוך הוא שממציא לידו משה ופעמים מחכמתה של ברכה גיטל שלוקחת קופה של עצמות ומתקינה מהן תבשיל של בשר, שאף זה מחכמתו יתברך, אשה שאינה יודעת לברך ואינה יודעת להתפלל חוץ מתפילה קצרה בלשון עברי טייש, באשעפער פת אלע באשעפעינסך ריך אלייך וילי אך דינען אין אמתן (בורא כל הברואים אותך לבדך רוצה אני לעבוד באמת). הקדוש ברוך הוא נותן לה בינה לעשות תבשילים נאים להנאתו של איש.

בא לו בעל החלומות אצל יואל יונה ועשה יותר ממה שעשתה ברכה גיטל. מאכל עניים התקינה לו ברכה גיטל, בא בעל החלומות ועשאו למעדני מלך, ואפילו עצם שלא היה עליה כזית בשר, הפכה עצמה ליתים צלויים. לקלק לו יואל יונה שפתיו כשהוא מרחש בשפתיו יתים יתים. ואלמלא לא נער לקל יתים שהטו חיבה זה לזה על חלונות יתכן שאף תבשיל של גריסים ברוטב שנתנה לו אשתו בסעודת ליל שבת היה הרושך עצמו דרך משל לאטריות ברוטב של חרנגול הודי. מפליא לעשות הוא בעל החלומות, אפילו שר הסבחים של פרעה שהיה יודע להכניס ששים סעמים בתבשיל אחד בר בי רב הוא לגבי בעל החלומות.

בכך נער יואל יונה משינה של צהרים וטל ידיו ועמד ממטתו. הביאה לפניו אשתו קיתון מלא מי סירות שציננה לו מערב שנת בחיבת מים קרים. בידך ושתה, שתה ובירך והלך לבית המדרש, וביציאתו אמר לה לאשתו, ובכך ברכה גיטל מיד אחר תפילת מנחה אבאה עם האורח. אמרה ברכה גיטל, אל תדאג, עריבה אני לך שלא יצא מביטו רעב, ואף אתה תהיה שבע.

שפתך וכי לא אמרת שתבוא? כיך שהתפללו שחרית ועמדו להוציא את הספר ועדיין לא הראה עצמו ההלך התחיל יואל יונה מכך עצמו לפרענות. הציאו את הספר והניחוהו על השולחן ועמד הגבאי לחלק את העלויות ועמד השמש מאחורי הגבאי, שאם יש צורך בו, כגון שיש אדם שנקרא לתורה לא בשם שקראים לו בשוק או ששכח הגבאי שמו של אביו של זה שמתכוון לקרותו לתורה שולח הוא את השמש לשאלו.

עמד השמש וראה עולה אחר עולה. עמד לו בצערו וראה שכבר עלה רביעי. אבד סברו ובטלה תקוותו ולא נשא עניו לדלת שמא אף על פי כן בא ההלך. עמד לו השמש מוזהר לעלות שיש שפרשת התוכחה נתנה בפרשה הששית, שכבר נסכדו כל פתחי חקיה שאפשר להלך שיבוא.

הרגיש שתאום בהלך. לא נשמע קול דלת ולא הביט השמש בדלת אבל הרגיש בו שעומד אצל הדלת. כיצד אתה מפרנס את המקרה הזה? אם השמש לא ידע אנהנו מה נדע.

ועדיין לא נשא השמש את עינו בדלת שמא יתברר, לא כי אלא דאי יתברר. נגלה עליו ההלך פנים אל פנים. הציץ עליו וראה ישרות ומימותו. אמד השמש לעצמו, פניו מעידים עליו שאינו פתלתול ובודאי יקים את הבטחתו. חזר השמש בלבו בשעה קלה כהרף עין מה שמע בשנים הרבה לענן מוצא שפתוך תשמוד. מוצא שפתוך תשמוד אמרה תורה ודבר שהתורה אמרה חייבים כל ישראל לשמור ולשמור. אתה עתה שמור עצמך משמך פקסוק, שאם בר ישראל אמר לך רב סמוך עליו שיקיים את דברו, מתוך כך האמונה מתגברת. שאדם רואה שסומכים עליו ועומד הוא ברבודו. וכשם שישאל נהגים למסה כך נהגים עמהם למעלה. לקיים בנו כל ההבטחות שהבטיחו לנו.

בא לו השמש אצל ההלך בפנים יפות ושאל אותו בפה רך, מה שמך? אמר לו את שמו. חזר ושאל השמש, ומה שם אביך. אמר לו את שם אביו. חזר ואמר השמש יודע אתה אהובי לשם מה אני שואל לשמך ולשם אביך. לקרות לך לתורה מתכחן אני, לכבוד אותך בעליה מתכחן אני כדרך שמכבדים אורח חשוב שקראים לו לעלות לתורה. אמר לו ההלך לשמש, חבל על אותו אדם שהעבירו עליו את הזמן. כמה שמחה, כמה עונג, כמה הנאה היית גורם לי אילו באת קצת קודם. אמד השמש, מה לך קודם ומה לך עכשיו וכי חמישי לא פרשה נאה היא? וכי לא מן הפרשיות של שבעת הקראים היא? העדים השמש על הפרשה שהתוכחה נתונה בתוכה, אף על פי שהיא שש קראה חמישי. אמד ההלך לשמש, אתה יהודי אהובי אתה מבקש לקרוא לי לעלות שש האני יהודי אהובי כהן אני וכהן עולה ראשך.

נתמלא השמש עברה עד שהתחו עינו ניצוצות של זעם שאילו של אש היו היה ההלך נשדף. תקע ההלך את ידו באבנטו והביט עליו בעינים שוחקות ואמר לו, הסד כעס מלבך יהודי אהובי ואל תשבית לך את שבתך. כל פרשיותיה של התורה כולן אהובות, כולן חביבות, כולן טובות וברכות. הודרו יהודי אהובי ועלה לתורה, אל תתן לתורה להתעכב עליך. כבר זועם עליך הגבאי שמעכב אתה את הקריאה. נתן בו יואל יונה עינים שאילו של אש היו מיד היה נשדף.

ליבכו ההלך בעיניו והקישו בחיבת אהבתו. הקיפה אהבתו את לבו ותכנסה בלבו. יצא כעסו ותכנסה בו אהבה וכיך שנכנסה בו אהבה נכנסה בו שמחה. חזר אצל הספר ואחז בשמחה את עצי החיים ובירך בשמחה על התורה כאילו לפרשת חאת הברכה עלה.

מכח שמחתו נתמלא כל בית המדרש שמחה ומכח שמחת בית המדרש הוכפלה שמחתו של יואל יונה. זה כחה של שמחת אמת, שמחה ומשמחת, שמחה ומשמחת.

אחר התפילה הלך יואל יונה אצל ספסל העניים כדי לקרוא להלך לסעודת היום ולא מצאו. הבין יואל יונה מרעו שכבר קרמו אחר, שיש בעלי בתים שחוששים שמא ישבו בסעודה בלא אורח מודורים הם ובאים אצל העניים ואוחזים בעני ואומרים לו עמי אתה סועד.

ראה יואל יונה שאין בידו לשנות. אמד לעצמו בלשון של ההלך, אל תשבית לך את שבתך יהודי אהובי. מה שעשיר עשיר. חזר לביתו וקידש וטל ידיו לסעודה ובירך על הלחם והתחיל ממנו זמירות. נזכר בהלך שקלו נאה. אמר יואל יונה אילו היה כאן היינו שומעים ניגון חדש. וכיך שנוכדו בו התחיל מדבר בו. אמר יואל יונה לאשתו, בא לו אורח פורח ומחליף את נשמתי. זכורה את ברכה גיטל כל הטרדות שטרחתו בכל שנה לזמן לי עולה לפרשת התוכחה, עכשיו מצטער אני על כל השנים שהייתי מצטער על שלא עליתי אני לפרשת התוכחה. מרבה שנים מרבה דעת. ועדיין יש נערים שטבחים על עצמם שחכמים הם מאבותיהם. לא חכמים הם אלא שוטים. ולעין האורת,

עמדו להם זה כנגד זה, זה אצל תיבתו חה משתאה לו מחריש לדעת מה יעשה. בסוף לא היה יכול להאמץ והכין עצמו לדבר עמו. עם שהוא מכין עצמו לדבר פתח ההלך את התיבה והוציא משם חפץ אחד ותחבו בכגדו כנגד לבו וסגר את התיבה והכניס עליו כעצמים יפות והלך לו. נגער יואל יונה כאיש אשר יעור מתלום. העביר ידיו על עינו והביט אחד ההלך. בינו לבינו הלך לו ההלך. ואף יואל יונה עקר עצמו ממקומו והלך אחרי.

בא לו אצל ההלך ועמד לו סמוך לו. הסה ההלך ראשו והקיפו בעינו ואמר, יהודי אהובי מבקש אתה לומר לי דבר? אמר יהודי אהובי אמר. ביקש יואל יונה לומר דבר נסתם פיו ולא אמר כלום.

חישב יואל יונה בלבו, אם עכשיו לא אדבר עמו ילך לו האם ילך לו כל היגיעות שינעמי לחנם היו. אבל מה אעשה ואין בי כח להוציא מלה מפי. חלה עינו למעלה והיה מהרהר אם לא ישיעני השם שוא כל יגיעותי.

ראה הקדוש ברוך הוא בצערו ורחם עליו. החזיר לו את כח הדיבור, כמו שכתוב מי שם סה לאלם. אמר לו יואל יונה ההלך, הנחת אח תיבתך. נבעע לו ההלך בימינו ואמר לו, תהא מתנתח לה. חזר ושאל השמש עד מתי? הקיפו ההלך בעינו וחייך ואמר לו, עד שיבוא אליהו. נפקחו עינו של יואל יונה וצעק, הלא אתה זה אליהו. חייך ההלך וסרח לו.

בוא וראה כחה של ביטשאסש. זכה שמש בית המדרש לראות בהקיץ מה שצדיקים גדולים מבקשים לראות בחלום ואין כל אחד ואחד זוכה לראות. שמש שמש של בית המדרש הישן היה, שבוכות התורה שמרבים בבית המדרש הישן זכה. לא כי אלא שמש בית המדרש החדש היה, שקהל המתפללים בו רובם ככולם בעלי בתים היו שעסקיהם מרובים מתורתם. אבל משאם ומתגם באמתה הזו.

סין הנעצו לסוף סיסוד המעשה שתחילתו נעוצה כסופו, היינו מי הוא בעל התיבה שמונתח לה בעזרת בית המדרש. האם אתה שואל מה צורך להלך שכוה בתיבה, ואם יש לו צורך בה למה הניח אותה? על שאלה שכנע זו אין לנו אלא להשיב תיקו. כמו שדורשין אותו גוסריקת ראש תיבות תשבי יתרוץ קושיות ובעיות. ומה הוא החפץ שהוציא ההלך מן התיבה? המאמין יאמין, שופר הוציא, שקודם שתגלה משית צדקנו יעלה אליהו להר הזיתים ויתקע בשופר, מד נשמע קולו מסוף העולם ועד סופו, מידכתי תבל ועד תחתיות ארץ, שומעים כל ישראל ככל מקום שהם, מיד כל הגליות מתכנסות ובאות ועולים לירושלים במהרה בימינו אמן.

2

בא לו השמש לבית המדרש רשבו לו במקומו שאצל התגור רשבו ואמר לו פרק מפרקי אבות. אדם קרוב אצל עצמו לכך ביקש למלאות תחילה את חובת היום באמירת פרק. אבל קיבל עליו שאם יספיק לו הזמן ישנה פרק או שני פרקים לעילוי בשמות הנפסדים שקיבל עליהם שכו. מיום שאירע מעשה התינוק שהודיע לאמו שאין מלה יהודית נשמעת בעולם הזה לעילוי נשמתו, מאותו היום היה יואל יונה משתדל שלא יעבור עליו יום בלא לימוד משניות.

בכך ישב לו יואל יונה ואמר פרק. אמירתו מן השפה ולחץ היתה יותר ממה שהביט בסידור הביט בדלת, שמש יבוא ההלך. אבל ההלך לא בא. אמר יואל יונה לעצמו, אל תשכח לך את שבתך יהודי אהובי, מלים שאמר ההלך בפנים שחזקת ובקול שמהאמר יואל יונה בפנים ענומת ובשפה רפה.

מה נאריך ומה נשכח את רוחנו. הגיע זמן מנחה ולא בא ההלך, לא לקריאת התורה ולא לתפילה. חזר יואל יונה על אותם הדברים שאמר לו ההלך, אלא כשיצא מפי ההלך בשמחה יצאו וכשאמר בפני יואל יונה בשפה רפה נאמרו. אף על פי כן לא נתיאש. אמר יואל יונה אם לא בא לתפילת מנחה יבוא לתפילת ערבית ואם לא סעד אצלי בסעודה שלישית יסעד אצלי בסעודת מלה מלכה. מה נתן כח ליחאל יונה שלא יתיאש? אם לא המאכלים הטובים שהניח לו לסעודת מלה מלכה איני יודע מה.

כשמלו של אדם בורח, אפילו אורח פורח בורח. כבר יצאה שבת וכבר התפללו ערבית של חול ועדיין לא בא ההלך. היכן התפלל ערבית? במקום שהתפלל מנחה שם התפלל ערבית. ביטשאסש אינה חסרה בתי תפילה. לשעבר נתכנסה כל ביטשאסש לבית תפילה אחד, עכשיו יש בה חמישה בתי תפילה ואם אתה מנחה אף את חדר תפילתם של חסידים הרי ששה.

הלך לו יואל יונה לביתו יחידו בלא ההלך והבדיל על הכוס ואמר ומירות למוצאי שבת. בעל געמיה לא היה יואל יונה מעולם אבל קול זה שאמר בוא את הזמירות יפה לקינות ולא לזמירות. ואפילו כשהוכיח את אליהו שכל ישראל מזכירים אותו מתוך שמחה מתוך געגועים מתוך תקוה טובה שבמהרה יבוא עם משיח בן דוד לא נשמע שמץ שיגור בקולו, מפני דאבת לבו על ההלך שלא חזר. לא נתעכב על כל אגונה האגונה שנתאנח יואל יונה. בין שתעלת לו לאדם מאנחותיו בין שאין תועלת לו מאנחותיו, יואל יונה ספק אם הועילו לו. לכך מניח אני את הספק ואומר דבר שאין כל ספק נוטל בו. חישב אדם לעשות מצוה ותאנן ולא עשה מעלץ עליו כאילו עשה. במה דברים אמורים, שחישב לעשות את המצוה לשם מצוה, ואילו כאן מצוה התלוייה בדבר היתה, שהיה לבו משוך אחר ההלך, כאדם שיש לו נעגועים מחמת אהבתו.

קודם שהאיד היום עמד יואל יונה ממסתו ההלך לבית המדרש לעשות את מלאכתו. דברים שהיו לו לעשות במוצאי שבת ולא עשה מחמת צער הלך לעשותם עם קימת היום.

בא לו לבית המדרש וטילק את המסות שהיו פרושות מערב שבת והחליף את הפרוכת שבת בפרוכת של חול והיטיב את הגרות הוסיף שמן לנר התמיד וכן לגרוותיהם של הנפסדים ושל בעלי יארצייטים, שפנתאם מתאוה לו לנר שכוה לעצום את עינו בעוד יום, בזמן שבעל היארצייט מצוי בבית המדרש וחומד את השמש שלא נתן בו שמן רי צרכו. לאחד שעשה את מלאכתו נסחכל במעשיו שמש הניח רכר שהיה לו לעשות ולא עשה, שהעולם מלא תרעומת, כמה כמה שאתה מדקדק עדיין לא יצאת ידי חובתך.

נתוך כך האיד היום נתכנסו המתפללים לבית המדרש לתפילה. לאחר עלינו הקיפו היתומים ובעלי יארצייטים את התיבה משלושת צדדיה ואמרו קדיש ובתוכם יואל יונה. יחומים מחמת אבלם, בעלי יארצייטים מחמת יארצייט, יואל יונה מחמת ששכרוהו לומר קדיש. לאחד כל הקדישים חזרה דעתו שתאום אצל ההלך יהיה תמה. אין לך מי שמכיר טיבם של אורחים פורחים כשמש בני מדרשות שתווסים כהרף עין טיבו של אורח פורת, ואילו לגבי הלך זה נסתמה דעתו של יואל יונה ונתקשה מלעמד על טיבו. הלך הוא כשאר כל אורחים פורחים שמשוטים במדינה אבל שונה הוא מהם, כל דבר דבר שבו מוצאי מפחקם של מחזורי פתחים. אמר יואל יונה, אלך אדאמה מה שם בתיבה שהניח ההלך. סגר את הספר ועמד והלך.

יצא מבית המדרש ופנה לפתח שכנגד המרחץ ששם הניח ההלך את התיבה. עם שיחאל יונה יוצא בא לו ההלך אצל תיבתו. הביט עליו יואל יונה ונצטער עליו שמנעליו שהיו חללים לו בודרעו אינם. סבור היו יואל יונה שמישכן אותם ההלך כדי ליקח לו דבר של אוכל, או שבא עליו גבר אלים תטלם ממנו בודרע. והוא לא ידע שנתגם לעני, שאין לך עני שאין עני גדול ממנו. והרי אמרו לעולם ימכור אדם כל מה שיש לו ויקח מצעלים לרגליו, יצא זה שאין עמו אלא צנינות וממילא אין לו מה למכור.

1

Между Старой синагогой и Новой, рядом с той дверью, что напротив купальни, стоит небольшой деревянный ларец. Такого ларца не выдвигали ни мы, ни наши предки. Меняются поколения, а все стоит этот удивительный ларец, и ни воры его не украли, ни любопытные руки не сдвинули его с места. Чей же он? Кто оставил его здесь? Об этом, пожалуй, стоит рассказать.

В нашем городе, когда нанимали на работу служку, выдвигали условие: для тех суббот, когда читают главы Торы с перечислением проклятий, обязуется он найти человека, который согласен прочесть эти проклятия. А не найдет – прочесть должен будет он сам. При этом, однако, отмечали, что с тех пор, как стоит Бучач, еще не приходилось службе стоять под градом этих проклятий, ибо нет такой службы, который не смог бы найти нищего, готового за деньги занять его место, ведь нищие всегда рады разжиться хоть чем-нибудь. Однажды случилось так, что пришло время читать главу «Когда ты придешь», а служба Новой синагоги все еще не нашел нужного человека. Неужели перевелись на земле все нищие?

Вот как было дело. Когда прошло больше половины недели, служба начал беспокоиться, как бы не пришлось ему самому взойти к чтению этой главы о проклятиях. И было ему из-за чего беспокоиться, ведь все люди грешны: богатый – в меру своего богатства, а бедный – в меру своей бедности. Если грешат даже богатые, те, у кого нет недостатка ни в чем, то тем более – бедные, у которых нет ничего, кроме их бедности, как у нашего незадачливого служки. Как-то выдался такой холодный год, что его малыши заболели. Пожалел он их, взял немного дровишек в синагоге и затопил ими печь в своем доме. В другой раз, когда пришла Ханука и не было у него масла для ханукального светильника, пришлось ему взять масло из синагоги. Дрова и масло, предназначенные для учения и молитвы, употребил он для себя.

Бог терпелив, Он не торопится взимать плату за зло. Другое дело человек. Жила тогда в городе одна бедная женщина. Муж ее умер и не оставил ей ничего, кроме маленького сына, единственного ее утешения. Но вскоре, видно, отец затосковал по сыну и взял его к себе. Как-то ночью явился мальчик своей матери во сне, тихий и грустный.

– Что, сынок, – сказала она, – разве плохо тебе с отцом?

– Мне было бы хорошо, – ответил ей сын, – если бы здесь, в вашем мире, кто-нибудь замолвил хоть словечко за упокой моей души.

– Сынок, сердечко мое, – вскричала мать в ужасе, – что ты такое говоришь? Разве не наняла я служку Новой синагоги, чтобы он три раза в день каждый день читал за упокой твоей души поминальную молитву и Мишну с комментарием? Разве не продала я ради этого тот платок, что твой отец подарил мне на твое рождение, а ты говоришь мне: было бы хорошо, чтобы хоть одно слово было сказано за упокой моей души!

На следующий день пошла она проследить за служкой. И видит: сидит он перед Мишной, положил голову на книгу и спит. Узнала она, что не читает он поминальной молитвы по ее сыну, а вместо этого нанялся читать молитвы на несколько годовщин. Ее сердце наполнилось гневом, и она обрушила на него всю ярость главы проклятий. Служка знал, какую силу имеет проклятие вдовы, и ему стало не по себе, когда он подумал, что, если не найдется ему замена, должен будет он сам взойти к Торе и на его голову снова посыпятся вдовьи проклятия. В четверг, не найдя никого, он совсем впал в отчаяние, забыв, что иногда провидение с легкостью отводит от нас беду в самый последний момент.

2

Когда вышел последний молящийся, служка открыл Мишну. Многие вдовы и сироты платили ему за чтение Мишны в честь их умерших родственников. Кто мог, добавлял пару монет за чтение Мишны с комментариями; кто не мог, полагался на милосердие Всевышнего, который, уж конечно, не оставит покойного, даже если какая-то глава Мишны будет прочитана без коммен-

тариев. Служка не был большим знатоком Торы, а тем более Мишны, требующей острого ума, чтобы находить тайное в явном. И все же, если человек годами сидит в синагоге, а просиживать дни напролет без дела нету сил, он открывает книгу. Вот сидит он перед книгой, а буквы сами взлетают и вливаются к нему в глаза. И если Бог даст, то буквы сами сложатся в слова, а слова – в смысл. И служка завел привычку сидеть перед книгой Мишны. Чтение ее благотворно для души, ведь в слове Мишна те же буквы, что и в слове душа – Нешама. Он выбрал двадцать две главы, по числу букв алфавита, и каждый день складывал их по буквам имен умерших, за которых он брал плату. Скажем, если имя умершего было Аврум, то главы подбирались так: букве «А» соответствовала глава «А вот четыре вида ущерба», букве «В» – глава «В чем надлежит выходить женщине», букве «Р» – глава «Рабби Элизер говорит об обрезании», букве «У» – глава «Уехал муж с другой женой в заморские страны», букве «М» – глава «Молитвы скорбящих». Так же складывались главы по буквам имени отца умершего и по буквам слова «душа». И так же поступал служка с женскими именами. Каждый день он сидел и повторял главы Мишны по именам тех умерших, за которых взял он плату.

В тот день не одолел он ни одной главы, как будто уже пробил час и все спящие во прахе восстали из могил и не ждут больше чтения Мишны за упокой своих душ. Служка сидел и размышлял о своих поступках. И вот его проступки стали казаться ему ошибками, а ошибки – пустяками. Как будто грешки, совершенные намеренно, были оплошностями, а на свои оплошности стал он смотреть с удивлением, как бы вопрошая: неужели ты и это заметил? И все же его мучило раскаяние.

3

Дверь отворилась, и вошел бродяга.

Шляпа мятая, одежда – заплатата на заплате, башмаки висят на плече, и весь он – нищий из нищих, такой, у которого нет ничего за душой, кроме его нищеты.

Служке показалось вдруг, что он видит отца того самого умершего мальчика. В действительности не было между ними ничего общего: бедность одного глубоко схоронилась в его одежде, нищета же другого кричала из каждой заплататы.

Но служка, в чьих ушах звенело до сих пор проклятие вдовы, вспомнил о ее умершем муже и вообразил было, что видит его.

Бродяга похлопал служку по плечу, как это делают проходимцы, заискивая, хватая за руки и тиская брюхо.

– Что с тобой, дорогой мой, – сказал он при этом, – чего грустишь? Мы, слава Богу, евреи, а еврей всегда и везде должен радоваться, что он еврей. Твое лицо так мрачно! Неужели ты забыл, не дай Бог, что ты еврей?

Служка сердито глянул на бродягу и хотел было выгнать его взащей из синагоги, но вдруг подумал: «Погоди-ка, иногда и такой человек может пригодиться». Его лицо просветлело, он гостеприимно протянул незнакомцу руку и ответил:

– Ты хочешь знать, отчего я грущу? Что ж, я тебе расскажу. Да ты садись, не стой, ты, видно, устал с дороги; ты, чай, не в карете сюда пожаловал. Садись, садись, приятель. Вот сюда садись, на эту скамеечку. Э-хе-хе, скамеечка-то эта принадлежит таким важным господам, что мы с тобой, приятель, были бы рады, если бы у нас было столько квашеных кабачков, сколько у них золотых монет. Теперь, когда ты сидишь, я тебе отвечу. Ты спрашиваешь, чего я грущу? Скажу тебе все по правде, как другу. Хотя я вижу тебя первый раз в жизни, у меня такое чувство, будто мы вышли из одного чрева, будто мы близнецы. Без лишних приготовлений начну с главного. В эту субботу читают главу «Когда ты придешь», а в ней – проклятия. Сегодня уже четверг, а я еще не нашел того, кто взойдет к Торе, и если не найду, то придется – мне. Думаю, ты меня понимаешь, приятель.

Поглядел на него бродяга и сказал:

– Что ты такое говоришь, дорогой мой? Разве может еврей огорчиться из-за того, что ему выпала честь взойти к Торе? Напротив, всякий от радости стал бы раздавать милостыню направо и налево. А ты боишься, что тебя вызовут к Торе?! Не сердись, но я не настолько глуп, чтобы поверить в это. Если бы не твоя борода и пейсы, я бы подумал, что ты просто шут.

Удивился служка: ему говорят о проклятиях, а он заладил: это большая честь – взойти к Торе.

Так бестолковая деревенщина берет петуха для ритуала искупления и произносит при этом благословение «Да будет благословен сотворивший человека с мудростию».

Служка уже жалел о каждом слове, потраченном на этого бродягу, и уже готов был развернуться и бросить его, но сердце что-то подсказывало ему и почему-то при этом цитировало Мишну: «У каждого человека есть свой час, и у каждой вещи – свое место».

– Не много же ты преуспел в Торе. Что ж, не всем везет, – сказал он бродяге, – вот почему не видишь ты разницы между главами с проклятиями и другими главами.

Глаза бродяги засмеялись, и он сказал служке:

– За кого ты меня принимаешь, друг мой, за невежду? Хочешь, я прочту тебе проклятия из главы «Если по уставам Моим» и из главы «Когда ты придешь», и ты увидишь, что я не совсем безнадежный неуч.

– Замолчи! – закричал на него служка. – Закрой рот!

Но бродяга сказал ему:

– Дорогой мой, у тебя что, уши заложило? Я ведь хотел прочесть тебе слова Бога живого, а ты... Уж не обессудь, когда бы не было грехом подозревать в чем еврея, я бы решил, что ты отклоняешь ухо свое от слова Торы. Вся Тора – это добро, благословение и жизнь, а ты боишься, что тебя призовут к чтению проклятий. Тебе бы радоваться, что будешь ты стоять рядом с чтецом Торы и услышишь каждое шепотом произнесенное слово. Не будь мы с тобой в святом месте, я бы сказал, что ты смеешься надо мной. Ты боишься, что тебя призовут к речению о проклятиях, речению, сказанному Богом устами Моисея!

«У этого бродяги ума-то не палата, – подумал служка, – зато хороший характер. Если я его попрошу, может, он и выйдет к чтению Торы вместо меня. Напрасно я тревожился. Теперь мне не о чем беспокоиться, разве только о том, что я беспокоился прежде. И все же это как-то странно: он знает обе главы о проклятиях, но не понимает их сути».

4

– Ты, конечно, прав, приятель, – сказал служка бродяге, изображая полнейшую невинность, – все главы Торы святы, и всех их мы любим одинаково; вот только каждый любит их по-своему. Один любит взойти к Торе третьим по очереди, потому что в раю Авраам читает Тору третьим; ведь Аарон – коэн и поэтому восходит первым, а Моисей – левит, и потому он – второй. Иные же любят мафтир, кто из-за благословений Пророков, а кто – чтобы голос показать. И еще есть всякие людишки, те, что зовут себя хасидами, так они рвутся к чтению Торы шестыми! Вот и не удивляйся теперь, что такой человек, как я, решил дать другому взойти к Торе вместо себя.

Скажи-ка лучше вот что, приятель, – продолжал служка, – что касается благословений на чтение Торы, то я знаю людей, которые спорят да философствуют выше крыши, а когда нужно произнести благословение на Тору, они одну его половину глотают, а другую икают, потому что просто не знают благословения. Цорва ме-рабанан,¹ а при этом полнейшие невежды. Ты не обижайся, я только хотел тебя спросить. Лишний вопрос не грех. Скажи мне, приятель, ты знаешь благословение на чтение Торы?

Поглядел на него бродяга и сказал:

¹ Цорва ме-рабанан (*арамейский*) – буквально: обожженный мудрецами; начинающий ученик, еще не достигший уровня мудрецов, либо человек, возвращающийся в обществе мудрецов.

– Да разве найдется такой еврей, который не знает? Если человек знает благословения на пищу и питье, которые лишь мгновение и прах, то тем более – на Тору, источник нашей жизни и долгоденствия. Если хочешь, я прочту тебе.

– Нет, просто так не произносят благословения, – сказал служка, – в них есть святые Имена, которые нельзя произносить понапрасну. Я и так вижу, что ты их знаешь. Как умножились грехи наши, так умножились и невежды, которые не могут ни одного благословения произнести как следует. Вот у меня был случай: один жених в субботу, во время семидневного свадебного пира, вышел читать Тору; так если бы я не стал стучать по столу, как будто призывая народ перестать болтать, то все бы услышали, что он не знает благословений!

Бродяга вздохнул:

– Наверное, он из бедной семьи, и у его родителей не было средств на его обучение.

– Да какой бедный, – ответил служка, – дай Бог, чтобы у нас с тобой по субботам и праздникам было то, что он лопает по понедельникам и четвергам! Кто не учит Тору от бедности, а кто – от богатства. Жених тот был из богатой семьи. Если бы я его не выручил, они бы провалились от стыда сквозь землю. И что я получил за это? Несколько затертых медяков.

Пока служка разговаривал с бродягой, сердце ему шептало: «Не сказки надо сказывать, а дело делать». Он по-дружески положил руку на плечо незнакомца и сказал:

– Пойдем ко мне, приятель, позавтракаем. Я думаю, у меня найдется редька, и несколько луковиц и кабачков, и, может быть, немного кислого молока. Ряженка для сердечка – что для волка овечка. Говоря по-простому, молочко кислое сердце напоит, кто его выпьет – не знает боли.

Сказал бродяга:

– Не нужно.

– Что не нужно? Кушать не нужно? Это что-то новое.

– Не стóбит.

– Что не стóбит, кушать? Как там сказано в Писании: я был молод и состарился, но ни разу не видел человека праведного настолько, чтобы тот не хотел есть.

– Когда у тебя краюха в котомке, зачем беспокоить других?

– И где же твоя котомка и твоя краюха?

– Я их в ларце оставил.

– В ларце? Так у тебя есть ларец? Значит, ты не с пустыми руками сюда пришел. Только где же он, твой ларец? Нет здесь никакого ларца.

– Я его в сенях оставил.

«Зачем я с ним препираюсь? – подумал служка. – Довольно мне и того, что вовремя подвернулся человечек для проклятий. Только бы не случилось со мной того, что случилось с тем служкой, который семь дней откармливал у себя нищего, а за пару стихов до начала проклятий гостюшка взял да и упорхнул».

Стараясь его увлечь, служка стал рассказывать бродяге о разных знатных господах и о том, насколько богат этот, и насколько богат тот, и сколько этот дал приданого своей дочери, и сколько тот потратил на аттестат ста раввинов для своего сына.

Сказал странник:

– Если бы я не торопился, я бы изрешетил свои уши, чтобы тебя послушать.

– А куда ты торопишься?

– В Переволоку.

– И что там?

– В Переволоке у одного человека сын родился.

– Ну и что, что сын родился?

– Я хочу поспеть к обрезанию.

– Если ты хочешь выпить, так у меня дома полная бутылка, а если поесть – так в Бучаче простая лепешка лучше всех пирогов на свете. Рабби Захария, сын Рабби Лейбуша, предводителя, да упокоятся они в раю, поехал однажды к своему тестю в Подгайцы. Когда он вернулся, его почтенная матушка спрашивает: «Чем же тебя теща кормила?» Он ей и отвечает: «Во все это время не переводились самые изысканные яства на столе, но все они не стоят и простых лепешек, что печет жена нашего служки». И ты знаешь, приятель, кто это такая? Моя бабушка! И моя мать, пухом ей земля, переняла это умение, и моя жена. Пойдем ко мне, благословим Всевышнего за хлеб за соль.

– Твои слова милей мне всех разносолов на свете. Однако я спешу: хочу попасть в Переволочку засветло, чтобы услышать, как дети читают молитву «Шма Исраэль» перед роженицей.

Засмеялся служка и сказал:

– Вот так диво – молитва деревенских детишек. Если ты хочешь услышать, как дети читают «Шма Исраэль», дождись вечерней молитвы, и ты услышишь не только «Шма Исраэль», но и поминальную молитву. Так грешен наш век, что многие умирают молодыми, оставляя маленьких сирот. О чем ты вздыхаешь? Об умерших евреях? Что ж, об этом не грех и повздыхать, только теперь ты видишь сам, что незачем тебе шататься по деревням в поисках родного слова. Я не погрешу против правды, когда скажу, что эти, в деревнях, как быки на полях, половина – невежды толоконные, половина – гои полные. Ну, родился ребенок в деревне, так что? Элиягу тебе там не встретится.

Улыбнулся странник и промолчал. А служка продолжал:

– Вот и башмаки твои... Сомневаюсь я, дойдут ли они до деревни-то. Бери свой ларец, и пошли со мной. Зачем тебе оставлять его на улице, если можно положить его у меня дома. Не то чтобы здесь были воры, просто руки у людей уж больно хватки: чего ни увидят, враз хватают. Если он тяжелый, я тебе подсоблю.

Рассмеялся странник и сказал:

– Он легкий, как бедняцкий кафтан зимой. Ну а если его и тронет кто, невелика беда.

Служка порылся в карманах и вытащил монету:

– Вот, возьми.

– Что это?

– Деньги.

– На что мне деньги?

– Если захочешь стаканчик вина или фруктов, будет чем заплатить.

– Евреи милосердны: если замучает голод, кто-нибудь да накормит, если жажда – напьюсь из родника или колодца.

– С копейкой в руке никогда не пропадешь.

– С копейкой в руке мне придется ходить со сжатым кулаком, и все подумают, что я ростовщик. Получится, что из-за меня люди станут думать о евреях недоброе, да и на себя накликаю беду.

Служка понял, что уговоры напрасны, и понадеялся на Всевышнего: как Он послал ему сегодня этого бродягу, так Он и вернет его в субботу к самому сроку. На всякий случай, решив опередить провидение, служка спросил его, когда он вернется, и получил ответ:

– Если Бог даст, к субботе.

Служка видел, что он не врет. И все же он побаивался, что его нищий может попасть в другую синагогу, и там уж его, конечно, затащат на чтение проклятий. Вот в прежние времена было хорошо: тогда весь город молился в одной синагоге... А теперь, когда в городе пять синагог, приходится опасаться, как бы не выхватили бродягу у него из рук. На самом деле в те времена в Бучаче было шесть синагог, но шестую, хасидскую, служка Йоэль-Йона синагогой не считал.

Пока служка тосковал о безвозвратно минувших стародавних временах, странник ушел на церемонию обрезания.

5

Настало время встречи субботы, а бродяга не вернулся. Не вернулся он и после наступления темноты. Служка начал беспокоиться, но отчаиваться было еще рано. «Если он не пришел на молитву, – уговаривал он себя, – придет после молитвы. Я же сам ему сказал, что у нас есть немало знатных господ, а нищие всегда тянутся к столам богачей». Но когда закончилась вечерняя молитва и нищие окружили служку, прося пристроить их к хозяйским домам, странника среди них не было.

Тревога все больше охватывала служку. «Завтра, завтра...» – повторял он себе на грани отчаяния. Служка скучал по нему, и злился на него, и отчитывал его всю ночь: «А как же твое обещание? Ведь ты же сказал, что придешь!» Но бродяга не появился и после утренней молитвы, и, когда стали вынимать свиток Торы, Йоэль-Йона начал готовиться к худшему.

Свиток достали и положили на стол. Габай стал распределять очереди, а служка встал у него за спиной, на всякий случай; например, на тот случай, если кого-то вызывают к Торе не тем же именем, которым его зовут на рынке; или если распорядитель забудет имя отца того, чья очередь читать; вот тогда он и посылает служку спросить.

А служка стоял, и перед ним один за другим поднимались люди к Торе, и вот уже прошел четвертый, и пропала последняя надежда. Он уже больше не поднимал глаз на дверь в ожидании увидеть в ней его бродягу, и готовился взойти к Торе шестым и услышать отрывок главы, в котором и звучат проклятия. Бродяга уже не придет, закрылись все врата надежды.

И вдруг служка почувствовал, что он здесь. Йоэль-Йона не смотрел на дверь и не слышал, как она отворилась, но точно знал, что бродяга стоит у двери. Как это произошло, служка не знал, да и нам это неизвестно.

Он боялся поднять глаза на дверь: а что, если ему показалось, даже наверняка показалось. И тут бродяга появился прямо перед ним, лицом к лицу. Служка увидел его чистое, невинное лицо и подумал: «Он не станет юлить, он сдержит обещание». В одно мгновение в голове у него пронеслось все то, что он за многие годы узнал о заповеди держать слово. «Изреченное устами твоими соблюдай», – так гласит Тора, а то, что сказано в Торе, все евреи обязаны выполнять. Остерегайся даже тени сомнения: если еврей дал слово, будь уверен, что он сдержит его. Этим и вера укрепляется: человек видит, что ему доверяют, – и выполняет свое обещание. И если евреи доверяют друг другу на земле, то им доверяют и на небе. И исполняется все то, что им было обещано.

Умиляясь, служка подошел к страннику и ласково его спросил:

– Как твое имя?

Тот сказал ему свое имя.

– А как имя твоего отца? – спросил снова служка.

Странник сказал ему имя своего отца.

– Ты знаешь, мой дорогой, для чего я спрашиваю тебя о твоём имени и об имени твоего отца? – сказал служка. – Я собираюсь пригласить тебя к Торе, как приглашают уважаемого гостя.

Но странник ответил:

– К сожалению, ты опоздал! Сколько радости, сколько удовольствия ты бы мне доставил, если бы пригласил меня чуть-чуть раньше.

– А какая тебе разница, раньше или позже? Чем пятая часть нехороша? Разве она не одна из семи? – схитрил служка, назвав шестую часть, часть о проклятиях, пятой.

Сказал ему странник:

– Дорогой мой, ты хочешь вызвать меня шестым к Торе, но дело в том, что я – коэн, а коэн идет первым.

Служка рассвирепел, его глаза сверкнули так, что, казалось, сожгли бы бродягу, если бы только могли. А бродяга, засунув руки за пояс и смеясь одними глазами, сказал:

– Не стоит сердиться, мой дорогой, не губи своей радости, своей субботы. Все до единого слова Торы – это любовь и милость, добро и благословение. Поспешите же, взойдите к Торе, не заставляйте ее себя ждать. Вот и габай уже сердится, что ты задерживаешь чтение.

Йоэль-Йона так посмотрел на него, что едва не испепелил взглядом.

Взгляд странника, полный любви, ласково обнял его. И тут сердце служки сжалось и наполнилось любовью. Его гнев улетучился, и вслед за любовью в его сердце проникла радость.

Он подошел к Торе и, коснувшись древка Свитка, произнес благословение, да с такой радостью, словно перед ним была глава «И вот благословение».

От его радости радостью наполнился весь дом молитвы, и от этого удвоилась радость Йоэль-Йоны. Такова настоящая радость: она растет, и множится, и увлекает за собой других.

6

После молитвы Йоэль-Йона подошел было к скамейке для бедняков, чтобы пригласить бродягу на обед, но не нашел его. Он решил, что его опередили. Некоторые хозяева, боясь остаться на субботней трапезе без гостей, спешат первыми схватить нищего и затащить к себе.

Поняв, что ничего не поделаешь, Йоэль-Йона сказал себе словами странника: «Не губи своей радости, своей субботы». Что сделано, то сделано. Он вернулся домой, произнес Кидуш, омыл руки, сказал благословение на хлеб и перешел к песнопениям. Служке вспомнился необычно приятный голос странника, и он сказал:

– Будь он здесь, мы бы услышали новые мелодии субботних песнопений.

Вспомнив о бродяге, Йоэль-Йона стал говорить о нем со своей женой:

– Появляется какой-то залетный гость и всю душу мне выворачивает наизнанку. Ты помнишь, Браха-Гитл, сколько я хлопотал да суетился каждый год, чтобы найти себе сменщика на главу проклятий? Теперь жалею: а ведь мог бы все эти годы участвовать в чтении Торы. Умножающий годы умножает знание. И еще находятся люди, которые считают себя умнее своих отцов. Не умны они, а глупы. А что до гостя, если я не успел пригласить его на обед, то приглашу на ужин.

Однако эта мысль утешила его ненадолго, ибо вечерняя трапеза – не дневная, в которой есть Кидуш на вино, и к которой приступают, будучи изрядно голодными, и в которой, кроме пирога, бывает много других изысканных кушаний. Как говорится, по гостю и каравай. Совсем не то вечерняя трапеза: за стол садятся сытыми, только для порядка, да и едят, только чтобы произнести благословения – на хлеб и на пищу.

Сидел Йоэль-Йона и недоумевал: простой нищий бродяга, а сердце рвется снова его увидеть. Хотя люди тоскуют иногда друг по другу, никто не знает, откуда берется тоска. Если причина в нем, то почему я раньше не тосковал по нему? Но ведь теперь я другой, потому что узнал его, значит, дело не в нем, а во мне. Но если так, то почему я узнал его только сейчас? Так или иначе, не стоит тратить время на лукавые мудрствования, когда перед тобой субботние блюда.

Йоэль-Йона отогнал эти странные мысли и приступил к обеду, в котором были и халы, и сливовица, и разные лакомства. Он не остался неблагодарен и, не скупясь, нахваливал свою жену за каждое блюдо, однако всякий раз он приговаривал:

– Вот если бы с нами обедал наш гость, то было бы еще лучше.

– Если так, то давай оставим для него от каждого кушанья, и он сможет отведать их вместе с тобой во время третьей трапезы.

– В самом деле, – сказал он, – отличный совет, и как это я раньше не додумался. Верно, я об этом думал, да от волнения позабыл. Да, я его приглашу на третью трапезу. Велики деяния Го-

спода, позволяющего человеку в любое время исправить свои поступки. Что не удалось в этот раз, получится в другой, – заключил он, готовясь начать песнопения.

Когда трапеза была закончена, Йоэль-Йона стал произносить благословения, а Браха-Гитл сидела и ловила каждое его слово и всякий раз отвечала «Амен».

Потом Йоэль-Йона встал из-за стола и лег на кровать, чтобы насладиться субботним послеобеденным сном. Как говорят люди, сведущие в знамениях, слово СУББОТА можно истолковать так: Сном Удовольствия без Боли и Бед Одарят Тебя Ангелы. И правда, субботний сон – это истинное удовольствие. В будние дни лежит человек на кровати, а его мыслям нет покоя от дел и забот. Другое дело в субботу, когда не может быть ничего лучше, чем сон ради заповеди субботнего отдыха.

Йоэль-Йона лежал и представлял себе, как за столом сидит его бродяга и ест, и пьет, и наслаждается, как может бедняк наслаждаться только в гостях у бедняка. Богач всегда сыт, и поэтому не станет он много есть и даже подумает: вот я богат и мой стол всегда полон, однако же я довольствуюсь малым; тот же, кто беден, наверное, ест еще меньше. И что же ждет этого бедняка? Он остается голодным.

Только бедняк понимает бедняка и знает, что он голоден всегда, и когда он принимает его в гостях, то старается во что бы то ни стало насытить душу всем тем, чем и тело насыщается, а уж душа насладится вместе с телом непременно.

Так лежал Йоэль-Йона и представлял себе, будто странник сидит за его столом, который ломится от яств Брахи-Гитл. Шесть дней в неделю пуста тарелка служки, но она всегда наполняется в субботу, иногда по милости Всевышнего, который подсовывает ему монетку, а иногда по мудрости Брахи-Гитл, которая берет кучу костей и превращает ее в мясное кушанье, также по мудрости Всевышнего. Ни благословений, ни молитв не знает она, кроме одной коротенькой молитвы на идише: «Создатель всех созданий, Тебе одному хочу я служить истинно». И вот дал ей Бог разума приготовить лакомые кушанья на радость мужа.

Явился к Йоэлю-Йоне Властелин снов и сделал то, что не смогла сделать Браха-Гитл. Простую бедняцкую еду приготовила ему его жена, а пришел Властелин снов – и превратил ее в царские яства. Кость, на которой не было мяса и с оливку, превратилась в жареных голубей. «Голуби, голуби», – облизываясь, пробормотал он одними губами. И если бы он не проснулся от влюбленного воркования голубей на окне, то та каша, что приготовила ему жена на субботнюю трапезу, наверняка превратилась бы в лапшу в индюшином соусе.

Великий чудесник он, Властелин снов; даже начальник поваров фараона, который умел вместить шестьдесят вкусов в одно блюдо, рядом с ним только подмастерье.

Йоэль-Йона проснулся, омыл руки и встал с кровати. Жена принесла ему полный кувшин фруктового компота, остуженного с субботнего вечера в бочке с холодной водой. Он благословил, и выпил, и снова благословил, и засобирался в синагогу. Выходя, он сказал жене:

– Ну что ж, Браха-Гитл, сразу после дневной молитвы я вернусь с гостем.

– Не волнуйся, – ответила она, – обещаю, он не уйдет из нашего дома голодным, да и ты будешь сыт.

7

Когда служка пришел в синагогу, он уселся на свое место у печи. Своя рубашка ближе к телу, и поэтому он начал с того, что произнес главу из «Речений Отцов», чтобы, прежде всего, его долг по чтению Мишны был на сегодня исполнен. Он также решил прочесть, если останется время, несколько глав Мишны за упокой душ умерших, за которых он взял плату. С тех самых пор, как случилась эта история с мальчиком, поведавшим матери, что ни одного еврейского слова не было сказано в этом мире за упокой его души, – с того самого дня Йоэль-Йона старался, чтобы ни один день не проходил без чтения глав Мишны.

Он сидел и читал, но, слетая с его уст, слова уносились прочь. Он смотрел не столько в книгу, сколько на дверь, ожидая, не появится ли в ней бродяга. Но бродяга не появился. «Не губи свою радость, свою субботу», – вяло и мрачно повторил Йоэль-Йона слова бродяги, которые тот проносил весело и радостно.

К чему останавливаться на этом гнетущем душу мгновении? Не явился бродяга и после полудня – ни к чтению Торы, ни к молитве. Йоэль-Йона снова промямлил слова, сказанные ему бродягой. Однако их звонкая радость отзывалась на устах служки жалким бормотанием. «Если он не пришел к дневной молитве, – думал Йоэль-Йона, стараясь не отчаиваться, – то придет к вечерней; если он не попал ко мне на третью трапезу, то попадет на трапезу Проводы Царицы Субботы». Что придавало ему силы и удерживало от отчаяния? Что же, как не славные кушанья, оставленные им на последнюю трапезу.

Когда не везет, то и гость не идет. Уже вышла суббота, миновала вечерняя молитва, а бродяга так и не пришел. Где он был на вечерней молитве? Да там же, где и на дневной. Разве мало синагог в Бучаче? Когда-то весь Бучач помещался в одной синагоге, а сегодня их пять, а если считать и хасидскую молельню, то и все шесть.

Йоэль-Йона поплелся домой один, без странника. Он совершил Авдалу и исполнил песнопения в честь окончания субботы. Его голос никогда не был мелодичным, но тот голос, которым произносил он в этот раз субботние песнопения, больше подошел бы для похорон. И так он был удручен тем, что бродяга не вернулся, что ничего не изменилось в его голосе, даже когда он упомянул пророка Элиягу, которого евреи поминают с радостью, тоской и надеждой, что придет он скоро, а вместе с ним – и Мессия из дома Давидова. Не станем задерживаться на всех вздохах Йоэля-Йоны. Есть ли человеку польза от вздохов его, нет ли, Йоэлю-Йоне они вряд ли помогли. А посему, оставив сомнения в стороне, скажу только то, в чем нет никакого сомнения: если задумал человек исполнить заповедь, но, по принуждению обстоятельств, не смог, все равно считается, что он ее исполнил. Так говорят, если собирался он исполнить заповедь ради нее самой. Но сердце служки тянулось не к самой заповеди, а к страннику, как у человека, тоскующего от любви.

Еще затемно поднялся Йоэль-Йона с постели и пошел в синагогу доделывать то, что не сделал он с вечера из-за своих переживаний. Убрал скатерти, разостланные с начала субботы, сменил субботнюю завесу Торы на будничную, поправил свечи, долил масла в неугасимый светильник, а также в свечи, зажженные в память об умерших и в честь годовщин, – как бы какой-нибудь свече не вздумалось вдруг закрыть свой глаз прямо посреди дня, да еще когда родственник умершего находится в синагоге и, конечно, подозревает служку, что тот не долил в свечу масла. Завершив свои дела, еще раз оглядел все вокруг, чтобы убедиться, что ничего не забыл. В мире столько злости, что, сколько ни старайся, упреков не избежать.

Тем временем рассвело, и люди стали собираться на молитву. После молитвы «Алейну» сироты и те, кто отмечают годовщину смерти своих родных, окружили ковчег Торы, и Йоэль-Йона вместе с ними. Они произнесли поминальную молитву: сироты – в знак их траура, остальные – в честь годовщин, а Йоэль-Йона – ради тех, кто его нанял. После всех поминовений вдруг вспомнил о страннике и удивился: никто не знает этих залетных гостей лучше, чем служки синагог, которые мигом смекают их суть, но этот бродяга... Никак не мог Йоэль-Йона раскусить его. Бродяга он, такой же, как и все прочие бродяги, что ходят по стране; но и не такой, все в нем отличает его от обивающих пороги оборванцев. «Пойду-ка посмотрю, что там в ларце, который он оставил», – подумал Йоэль-Йона, закрыл книгу, поднялся и направился к выходу.

Он вышел из синагоги и повернул к тому входу напротив купальни, где оставил странник свой ларец. Йоэль-Йона столкнулся с ним прямо возле ларца. Он оглядел странника и огорчился: башмаки, висевшие прежде на его плече, исчезли. Ему подумалось, что странник мог отдать их

в заклад, чтобы купить себе еды; или, может, какой-нибудь злодей отнял их у него. Откуда ему было знать, что странник отдал их нищему, ибо всякому бедняку может встретиться тот, кто беднее его. Ведь сказано: и продаст человек все, что есть у него, и купит себе башмаки. Но есть те, у кого нет ничего, кроме их бедности, и которым уже нечего продавать.

Они стояли друг против друга, один – подле своего ларца, а другой – медлил, молчал и ждал.

Наконец служка не выдержал и хотел уже было что-то сказать, но тут странник открыл ларец, достал из него какой-то предмет, спрятал его в складках одежды, где-то на груди, закрыл ларец и, ласково поглядев на служку, развернулся и ушел.

Йоэль-Йона очнулся, как ото сна. Он протер руками глаза и посмотрел страннику вслед. Тот неторопливо удалялся прочь. Йоэль-Йона сорвался с места и пошел за ним.

Когда он догнал его, странник остановился и, слегка наклонив голову, поглядел на служку:

– Ты хочешь мне что-то сказать, мой дорогой? Говори, говори.

Йоэль-Йона хотел было заговорить, но не смог раскрыть рта и не сказал ничего.

«Если я не заговорю с ним сейчас, – подумал служка, – то он уйдет, а если он уйдет, то все мои старания напрасны. Ну что же делать, нет сил и слова выговорить. Господи, помоги мне, – поднял он глаза к небу, – иначе все пропало!»

Всевышний увидел, в какой он беде, сжалился и вернул ему дар речи, как сказано: «Кто дал уста немому?!»

– Ты оставил свой ларец, – сказал Йоэль-Йона.

– Пускай себе стоит, – махнул рукой странник.

– Долго?

Странник посмотрел на него, улыбнулся и произнес:

– Пока не придет Элиягу.

И тут вдруг служка понял все.

– Так ведь ты – Элиягу! – воскликнул он.

Странник улыбнулся и исчез.

Велик Бучач. Здесь служка удостоился увидеть наяву то, что великие праведники мечтают увидеть во сне, и не каждому это удается.

Если бы он был служкою в Старой синагоге, известной усердием в Торе молящихся в ней, и благодаря этому досталась бы слава и ему... Но он служил в Новой синагоге, где большая часть молящихся были хозяева, скорее занятые своим хозяйством, чем Торой, хотя, конечно, и их дела были преисполнены веры.

Так завершается эта история о том, чей ларец стоит в сенях нашей синагоги. Вы спросите: для чего такому страннику ларец и если он ему нужен, то почему он его оставил? На эти вопросы нечего ответить, только одним словом: ТУПИК, что можно истолковать так: Тишби Управится с Проблемами И Каверзами. Вы также спросите: какой это предмет достал странник из ларца? Некоторые верят, что это был шофар и что перед приходом Мессии взойдет Элиягу на Масличную гору и затрубит в свой шофар. И зазвучит глас его по всему свету от края до края, от глубин вселенной и до оснований земли. И услышит Народ Израиля, где бы он ни был, и соберутся все изгнанные, и придут в Иерусалим. Да случится это в скором времени, в наши дни, амен.

(Перевод Романа Кацмана)

«С кем бы побегать»: иврит в израильском кинематографе

Материалы к пленарной лекции Мири Бар-Зив Леви

1. Винсент¹ וינסנט

Она пела о Ван Гого, о том, что этот мир не предназначен для таких, как он, а еще она рассказывала Шаю – нежными прикосновениями своего голоса, яркими и сочными оттенками – обо всем, через что она прошла за это время, о своем взрослении, которое он пропустил, о том, чему научилась со времени его исчезновения, о себе и о других.

היא שרה על ואן גוך, שהעולם הזה לא נועד למישהו כמוהו, אבל לא פחות מכך סיפרה לשי, בצבעי קולה העשירים, בנגיעות העדינות שלו, את מה שעבר עליה בזמן הזה; את ההתבגרות שלה שהוא החמיץ, ואת מה שלמדה מאז שנע-לם, על אחרים ועל עצמה.

2. Вновь² שוב

Ты вернулся неожиданно,
Вот ты и дома.
Дай мне минутку отдышаться
Ты появился так, так неожиданно.

חזרת פתאום,
הנה אתה בבית.
תן לי רק דקה לנשום
באת לי כל כך, כל כך פתאום.

Мне было тяжело,
Я не жалуюсь
Потому что знаю, что...
И тебе было, конечно, нелегко.

היה לי קשה,
אני לא מתלוננת
כי אני יודעת ש...
גם לך היה ודאי לא קל.

Если, если только,
И только если захочешь,
Мы будем здесь и завтра

אם, אם רק,
ורק אם תרצה,
נהיה פה גם מחר

Не извиняйся
Послушай, сейчас это не важно
Дай мне минутку привыкнуть к тебе вновь.

אל תתנצל
תראה כעת זה לא חשוב
תן לי דקה להתרגל אליך שוב.

3. Га-Тиква³ התקוה

Пока ещё внутри сердца
Тоскует еврейская душа,
И на Восток, вперёд,
На Сион устремлён взгляд, –

Коль од ба-левав пенима
Нэфеш йеһуди һомия,
У-ль-фа'атей мизрах кадима
Аин ле-Цийон цофия –

כָּל עוֹד בְּלִבְבֵי פְּנִימָה
נֶפֶשׁ יְהוּדֵי הוֹמִיָּה,
וּלְפָאַתֵי מִזְרַח קְדִימָה
עֵין לְצִיּוֹן צוֹפִיָּה –

Ещё не пропала наша надежда,
Надежда, которой две тысячи лет:
Быть свободным народом на нашей земле,
Земле Сиона и Иерусалима.

Од ло авда тиквтейну,
הа-тиква бат шнот альпаим,
Лийһот ам хофши бе-арцейну,
Эрец Цийон в-Ирушалаим

עוֹד לֹא אָבְדָה תְּקוּמָתֵנוּ,
הַתְּקוּהָ בֵּת שְׁנֹת אֲלָפִים,
לְהִיּוֹת עַם חֲפְזֵי בְּאַרְצֵנוּ,
אֶרֶץ צִיּוֹן וִירוּשָׁלַיִם.

¹ Все цитаты из романа Давида Гроссмана «С кем бы побегать» даются в переводе Н. Зингера и Г.-Д. Зингер.

² Слова: Дафна Эвер-Хадани, музыка: Шмулик Краус.

³ Слова: Нафтали Герц Имбер.

4. В парикмахерской במספרה

Тамар: Наголо.

Парикмахер: Наголо?!

Тамар: Наголо

Парикмахер: А не жалко?

Тамар: По-моему, я ясно выразилась.

Парикмахер: Мейдэлэ, может, вам стоит пойти домой и сперва спроситься у ваших мамы и папы?

Тамар: Вы стрижете или даете консультации по вопросам воспитания?

Я попросила наголо, и рассуждать тут нечего.

Я ведь плачу, не так ли?

Парикмахер: Но это мужская парикмахерская.

Тамар: Ну так и брейте!

תמר: תוריד את הכל

הספר: הכל?!

תמר: הכל

הספר: לא חבל?

תמר: ביקשתי שתוריד הכל

הספר: מיידעלע, אולי כדאי שתלכי הביתה ותשאלי קודם את אמא ואבא?

תמר: תגיד לי [...] אתה ספר או יועץ חינוכי? [...]

ביקשתי שתוריד הכל וזהו. אני משלמת על זה, לא?

הספר: אבל זה מספרת גברים

תמר: אז תגלח לי את הראש

5. Теодора תיאודורה

– Ну хоть растолкуй ты мне, – сказала монашка, уже совсем иным тоном, в котором сквозили лишь горечь и разочарование. – Если ты ее не ведаешь, то как же ты домыслил принести сюда воскресную пиццу? И как эта собака позволила тебе вести ее? Ведь никому в целом свете, никому, кроме Тамар, она не позволила бы себя привязать. Или ты такой младенец Соломон, сведущий в языке тварей земных?

אם אינך מכיר אותה, איך ידעת להביא לכאן את הפיצה של יום ראשון? ואיך התמסרה לך הכלבה שתוליך אותה בחבל? הלוא אין איש בעולם, מלבד תמר, כמובן, שזו תניח לו לקשור אותה כך! או אולי מין שלמה-המלך ינוקא אותה, ובקי בשפת-החיות?

6. Тамар תמר

Ты что, спятил? Ты мне позвонил. Или же ты настолько поехал головой, что (ты) уже не помнишь. Ты плакал мне как ребенок, что (ты) больше не можешь, что тебя здесь убивают.

מה 'תה דפוק? אתה התקשרת אליי. או ש'תה כזה מחוק ש'תה לא זוכר. בכית לי כמו תינוק בטלפון ש'תה לא יכול יותר, ש'הורגים אותך

7. Шели שלי

– Эй ты, резинка! Ну-ка, чего наезжаешь?! – закричала она неожиданно грубым басом. – Чего, забыла, какая сама была, когда тут появилась? Как будто не сидела тут веник веником месяца два назад, боялась свою поганую пасть раззявить!

יאללה, מה יש לך את ממנה, יא גומי?! (...)

למה מה, שכחת כבר איך את היית שבאת פה בהתחלה? כאילו לא ישבת כמו איזה פוסטמה חודשיים ופחדת לפתוח ת'פה המסריח שלך?

Социолингвистическая история Иерусалима

Материалы к мини-курсу Сирила Асланова

Занятие 1. Языки Иерусалима в древности и раннем средневековье (X в. д. н. э. – 638)

Текст №1

2-Царств (Шмуэль II) 24:18-25 (VIII век д. н.э. – 550 д.н.э. о произошедшем в 964 д. н.э.)

יח וַיבֹּא גַד אֶל-דָּוִד, בְּיוֹם הַהוּא; וַיֹּאמֶר לוֹ, עֲלֵה הָקָם לַיהוָה מִזְבֵּחַ, בְּגֵרֹן, אַרְנִיָּה (אַרְנוֹנָה) הַיְבֵסִי. **יט** וַיַּעַל דָּוִד כְּדָבַר-גַּד, כַּאֲשֶׁר צִוָּה יְהוָה. **כ** וַיִּשְׁקֶף אַרְנוֹנָה, וַיִּרְאֵה אֶת-הַמֶּלֶךְ וְאֶת-עַבְדָּיו, עֹבְרִים, עָלָיו; וַיֵּצֵא אַרְנוֹנָה, וַיִּשְׁתַּחֲוֶה לְמֶלֶךְ אִפְיוֹ אַרְצָה. **כא** וַיֹּאמֶר אַרְנוֹנָה, מִדּוּעַ בָּא אֲדֹנָי-הַמֶּלֶךְ אֶל-עַבְדּוֹ; וַיֹּאמֶר דָּוִד לַקְּנוֹת מַעֲמָדָה אֶת-הַגֵּרֹן, לְבָנוֹת מִזְבֵּחַ לַיהוָה, וְתַעֲצֵר הַמַּגְפָּה, מֵעַל הָעָם. **כב** וַיֹּאמֶר אַרְנוֹנָה אֶל-דָּוִד, יָקַח וַיַּעַל אֲדֹנָי הַמֶּלֶךְ הַטּוֹב בְּעֵינָיו; רֵאשֶׁה הַבְּקָר לְעֵלֶה, וְהַמֶּרְגִּים וְכָלֵי הַבְּקָר לְעֵצִים. **כג** הַפֶּל, נִמֵּן אַרְנוֹנָה הַמֶּלֶךְ – לְמֶלֶךְ; {ס} וַיֹּאמֶר אַרְנוֹנָה אֶל-הַמֶּלֶךְ אֶל-אַרְנוֹנָה, לֹא כִי-קָנֹו אֶקְנֶה מֵאוֹתָהּ בַּמַּחִיר, וְלֹא אֶעֱלֶה לַיהוָה אֱלֹהֵי, עֲלוֹת חֲנֹם; וַיִּקֶּן דָּוִד אֶת-הַגֵּרֹן וְאֶת-הַבְּקָר, בְּכֶסֶף שְׁקָלִים חֲמִשִּׁים. **כה** וַיִּבְנֶן שָׁם דָּוִד מִזְבֵּחַ לַיהוָה, וַיַּעַל עֲלוֹת וּשְׁלָמִים; וַיַּעֲתֵר יְהוָה לְאַרְצָהּ, וְתַעֲצֵר הַמַּגְפָּה מֵעַל יִשְׂרָאֵל.

18. И пришел в тот день Гад к Давиду и сказал: иди, поставь жертвенник Господу на гумне Орны Иевусеянина.

19. И пошел Давид по слову Гада, как повелел Господь.

20. И взглянул Орна и увидел царя и слуг его, шедших к нему, и вышел Орна и поклонился царю лицом своим до земли.

21. И сказал Орна: зачем пришел господин мой царь к рабу своему? И сказал Давид: купить у тебя гумно для устройства жертвенника Господу, чтобы прекратилось поражение народа.

22. И сказал Орна Давиду: пусть возьмет и вознесет в жертву господин мой, царь, что ему угодно. Вот волы для всесожжения и повозки и упряжь воловья на дрова.

23. Все это, царь, Орна отдает царю. Еще сказал Орна царю: Господь Бог твой да будет милостив к тебе!

24. Но царь сказал Орне: нет, я заплачу тебе, что стоит, и не вознесу Господу Богу моему жертвы, взятой даром. И купил Давид гумно и волов за пятьдесят сиклей серебра.

25. И соорудил там Давид жертвенник Господу и принес всесожжения и мирные жертвы. И умилился Господь над странною, и прекратилось поражение Израильтян.

Текст №2

4-Царств (Млахим II) 18:19-37 = Исаия 36:4-22 (VII век д. н.э. о произошедшем в 701 д. н.э.)

יט וַיֹּאמֶר אֲלֵיהֶם רַב־שָׂרָה, אֲמַרוּ-נָא אֶל-חֲזַקְיָהוּ: פֶּה-אָמַר הַמֶּלֶךְ הַגָּדוֹל, מֶלֶךְ אַשּׁוּר, מֶה הַבְּטַחֹן הַזֶּה, אֲשֶׁר בְּטַחְתֶּם. **כ** אֲמַרְתֶּם, אֶף-דְּבַר-שְׁפָתַיִם – עֲצָה וּגְבוּרָה, לְמַלְחָמָה; עַתָּה עַל-מִי בְּטַחְתֶּם, כִּי מְרִדְתֶּם בִּי. **כא** עַתָּה הִנֵּה בְּטַחְתֶּם לָךְ עַל-מִשְׁעָנֹת הַקְּנֶה הַרְצוּץ הַזֶּה, עַל-מִצְרַיִם, אֲשֶׁר יִסְמְךָ אִישׁ עָלָיו, וּבָא בְּכַפּוֹ וּנְקָבָה; כִּן פָּרַעַה מֶלֶךְ-מִצְרַיִם, לְכָל-הַבְּטַחִים עָלָיו. **כב** וְכִי-תֹאמְרוּן אֵלַי, אֶל-יְהוָה אֱלֹהֵינוּ בְּטַחְנוּ: הֲלוֹא-הוּא, אֲשֶׁר הִסִּיר חֲזַקְיָהוּ אֶת-בְּמִתְיוֹ וְאֶת-מִזְבְּחֹתָיו, וַיֹּאמֶר לַיהוָה וְלִי-רוּשָׁלַם, לִפְנֵי הַמִּזְבֵּחַ הַזֶּה תִּשְׁתַּחֲוּוּ בִירוּשָׁלַם. **כג** וְעַתָּה הִתְעַרַב נָא, אֶת-אֲדֹנָי אֶת-מֶלֶךְ אַשּׁוּר; וְאֶתְנַה לָךְ, אֲלֵפִים סוּסִים, אִם-תּוֹכֵל, לָתֵת לָךְ רֶכֶבִים עָלֶיךָם. **כד** וְאִיךָ תִשָּׁב, אֵת פְּנֵי פַחַת אַחַד עַבְדֵי אֲדֹנָי – הַקְּטַנִּים; וְתַבְטַח לָךְ עַל-מִצְרַיִם, לְרֶכֶב וּלְפָרָשִׁים. **כה** עַתָּה הַמְּבַלְעָדֵי יְהוָה, עָלִיתִי עַל-הַמָּקוֹם הַזֶּה לְהִשְׁחָתוֹ; יְהוָה אָמַר אֵלַי, עֲלֵה עַל-הָאָרֶץ הַזֹּאת וְהִשְׁחִיתָהּ. **כו** וַיֹּאמֶר אֲלֵיהֶם בֶּן-חַלְקָנְיָהוּ וְשִׁבְנָה וְיוֹאָח אֶל-רַב־שָׂרָה, דַּבֵּר-נָא אֶל-עַבְדֵי אַרְמִית – כִּי שְׁמַעִים, אֲנַחְנוּ; וְאֶל-תְּדַבֵּר עִמָּנוּ, יְהוּדִית, בְּאָזְנֵי הָעָם, אֲשֶׁר עַל-הַחֲמָה. **כז** וַיֹּאמֶר אֲלֵיהֶם רַב־שָׂרָה, הֲעַל אֲדֹנָיךָ וְאֲלֵיךָ שְׁלַחְנֵי אֲדֹנָי, לְדַבֵּר, אֶת-הַדְּבָרִים הָאֵלֶּה; הֲלֹא עַל-הָאֲנָשִׁים, הַיֹּשְׁבִים עַל-הַחֲמָה, לְאָכַל אֶת-חֲרִיָּהֶם (צוֹאֲתָם) וּלְשָׂתוֹת אֶת-שְׁנֵיהֶם (מִיָּמִי רִגְלֵיהֶם), עִמָּכֶם. **כח** וַיַּעֲמֵד, רַב־שָׂרָה, וַיִּקְרָא בְּקוֹל-גָּדוֹל, יְהוּדִית; וַיְדַבֵּר וַיֹּאמֶר, שְׁמַעוּ דְבַר-הַמֶּלֶךְ הַגָּדוֹל מֶלֶךְ אַשּׁוּר. **כט** פֶּה אָמַר הַמֶּלֶךְ, אֶל-יִשָּׂא לָכֶם חֲזַקְיָהוּ: כִּי-לֹא יוֹכֵל, לְהַצִּיל אֶתְכֶם מִדָּו. לֹא-וְאֶל-יִבְטַח אֶתְכֶם חֲזַקְיָהוּ אֶל-יְהוָה לְאָמַר, הֲצַל יִצְיָלְנוּ יְהוָה; וְלֹא תִנָּמֵן אֶת-הַעֵיר הַזֹּאת, בְּיַד מֶלֶךְ אַשּׁוּר. **לא** אֶל-תִּשְׁמַעוּ, אֶל-חֲזַקְיָהוּ: כִּי כֹה אָמַר מֶלֶךְ אַשּׁוּר, עֲשׂוּ-אֵתִי בְרֶכֶה וַיִּצְאוּ אֵלַי, וְאָכְלוּ אִישׁ-גִּפְנוֹ וְאִישׁ-תְּאֲנָתוֹ, וַיִּשְׁתּוּ אִישׁ מִי-בְרוֹ. **לב** עַד-בָּאִי וְלַקְּחֵתִי אֶתְכֶם אֶל-אָרֶץ פְּאַרְצֵכֶם, אָרֶץ דְּגוֹן וְתִירוֹשׁ

אַרְצָא לָחֶם וּכְרָמִים אֶרֶץ זֵית יֶצֶהָר וּדְבַשׁ, וְחַיִּי, וְלֹא תִמְתּוּ; וְאֶל-תְּשֻׁמְעוּ, אֶל-חֲזַקְיָהוּ, כִּי-יָסִית אֶתְכֶם לֵאמֹר, יְהוָה יִצְיָלֵנוּ. לֵב הִהְצִיל הַצִּילֵנוּ אֱלֹהֵי הַגּוֹיִם, אִישׁ אֶת-אֶרְצוֹ, מִיַּד, מִלְּקַד אֲשׁוּר. לֵד אֵיזָה אֱלֹהֵי חֲמַת וְאֶרְפָּד, אֵיזָה אֱלֹהֵי סְפָרְנִים – הִנֵּנּוּ וְעַנּוּ: כִּי-הַצִּילֵנוּ אֶת-שְׁמֵרוֹן, מִיַּד. לֵה מִי בְּכָל-אֱלֹהֵי הָאָרְצוֹת, אֲשֶׁר-הַצִּילֵנוּ אֶת-אֶרְצָם מִיַּד: כִּי-יִצְיָל יְהוָה אֶת-יְרוּשָׁלַם, מִיַּד. לוֹ וְהִתְחַרְשׁוּ הָעָם, וְלֹא-עָנּוּ אֹתוֹ דְבָר: כִּי-מִצְנֹת הִמְלִיךָ הִיא לֵאמֹר, לֹא תַעֲנֶנּוּ. לוֹ וַיָּבֵא אֱלֹהִים בְּן-חֲזַקְיָהוּ אֲשֶׁר-עַל-הַבַּיִת וַיִּשְׁבְּנָא הַסֶּפֶר וַיֹּאחַץ בֶּן-אֶסָף הַמְזֻכָּר, אֶל-חֲזַקְיָהוּ – קְרוּעֵי בְגָדִים; וַיַּגִּדוּ לוֹ, דְבָרֵי רַב־שָׁקָה.

19. И сказал им Рабсак: скажите Езекии: так говорит царь великий, царь Ассирийский: что это за упование, на которое ты уповаешь?
20. Ты говорил только пустые слова: для войны нужны совет и сила. Ныне же на кого ты уповаешь, что отложился от меня?
21. Вот, ты думаешь опереться на Египет, на эту трость надломленную, которая, если кто опрется на нее, войдет ему в руку и проколет ее. Таков фараон, царь Египетский, для всех уповающих на него.
22. А если вы скажете мне: «на Господа Бога нашего мы уповаем», то на того ли, которого высоты и жертвенники отменил Езекия, и сказал Иуде и Иерусалиму: «пред сим только жертвенником поклоняйтесь в Иерусалиме»?
23. Итак вступи в союз с господином моим царем Ассирийским: я дам тебе две тысячи коней, можешь ли достать себе всадников на них?
24. Как тебе одолеть и одного вождя из малейших слуг господина моего? И уповаешь на Египет ради колесниц и коней?
25. Притом же разве я без воли Господней пошел на место сие, чтобы разорить его? Господь сказал мне: «пойди на землю сию и разори ее».
26. И сказал Елиаким, сын Хелкиин, и Севна и Иоах Рабсаку: говори рабам твоим по-арамейски, потому что понимаем мы, а не говори с нами по-иудейски вслух народа, который на стене.
27. И сказал им Рабсак: разве только к господину твоему и к тебе послал меня господин мой сказать сии слова? Нет, также и к людям, которые сидят на стене, чтобы есть помет свой и пить мочу свою с вами.
28. И встал Рабсак и возгласил громким голосом по-иудейски, и говорил, и сказал: слушайте слово царя великого, царя Ассирийского!
29. Так говорит царь: пусть не обольщает вас Езекия, ибо он не может вас спасти от руки моей;
30. и пусть не обнадеживает вас Езекия Господом, говоря: «спасет нас Господь и не будет город сей отдан в руки царя Ассирийского».
31. Не слушайте Езекии. Ибо так говорит царь Ассирийский: примиритесь со мною и выйдите ко мне, и пусть каждый ест плоды виноградной лозы своей и смоковницы своей, и пусть каждый пьет воду из своего колодезя,
32. пока я не приду и не возьму вас в землю такую же, как и ваша земля, в землю хлеба и вина, в землю плодов и виноградников, в землю масличных деревьев и меда, и будете жить, и не умрете. Не слушайте же Езекии, который обольщает вас, говоря: «Господь спасет нас».
33. Спасли ли боги народов, каждый свою землю, от руки царя Ассирийского?
34. Где боги Емафа и Арпада? Где боги Сепарваима, Ены и Иввы? Спасли ли они Самарию от руки моей?
35. Кто из всех богов земель сих спас землю свою от руки моей? Так неужели Господь спасет Иерусалим от руки моей?
36. И молчал народ и не отвечали ему ни слова, потому что было приказание царя: «не отвечайте ему».
37. И пришел Елиаким, сын Хелкиин, начальник дворца, и Севна писец и Иоах, сын Асафов, дееписатель, к Езекии в разодранных одеждах, и пересказали ему слова Рабсаковы.

Текст №3

Неемия (Нехемия) 13:23-31 (IV д. н.э. о произошедшем в 445-433 д. н. э.)

כג גם בנימים הָהֵם, רֵאִיתִי אֶת-הַיְהוּדִים הַשִּׁיבוּ נָשִׁים אֲשֶׁדּוּדִיּוֹת (אֲשֶׁדּוּדִיּוֹת), עַמּוֹנִיּוֹת (עַמּוֹנִיּוֹת), מוֹאָבִיּוֹת. כד ובנימיהם, הָצִי מְדַבֵּר אֲשֶׁדּוּדִיּוֹת, וְאֵינָם מְכִירִים, לְדַבֵּר יְהוּדִית – וְכַלְשׁוֹן, עִם וְעַם. כה וְאָרִיב עִמָּם וְאֶקְלָלֵם, וְאָפָה מִקֵּם אֲנָשִׁים וְאֶמְרָטֵם; וְאֲשִׁבִיעֵם בְּאֵלֵהֶם, אִם-תִּתְּנוּ בְנִתְיָכֶם לְבָנֵיהֶם, וְאִם-תִּשְׁאוּ מִבְּנֵיהֶם, לְבָנֵיכֶם וְלָכֶם. כו הָלוֹא עַל-אֵלֶּה חָטָא-שְׁלֹמֹה מֶלֶךְ יִשְׂרָאֵל וּבָגוּזִים הָרַבִּים לֹא-הָיָה מֶלֶךְ כְּמָהוּ, וְאֶהוּב לֵאלֹהֵיו הָיָה, וַיִּתְּנֵהוּ אֱלֹהִים, מֶלֶךְ עַל-כָּל-יִשְׂרָאֵל: גִּם-אוֹתוֹ הִחֲטִיאֻוּ, הַנְּשִׂים הַנְּכָרִיּוֹת. כז וְלָכֶם הִנְשָׁמַע, לַעֲשׂוֹת אֶת כָּל-הַרְעָה הַגְּדוֹלָה הַזֹּאת – לְמַעַל, בְּאֵלֵהֶינוּ: לְהַשִּׁיב, נָשִׁים נְכָרִיּוֹת. כח וּמִבְּנֵי יוֹדְעֵי בֶן-אֱלִישִׁיב הַפֶּהֶן הַגְּדוֹל, חָתָן לְסַנְבַּלֵּט הַחֹרֶנִי; וְאֶבְרִיחָהוּ, מֵעֲלִי. כט וְכָרָה לָהֶם, אֱלֹהֵי: עַל גְּאֲלֵי הַפֶּהֶנָּה, וּבְרִית הַפֶּהֶנָּה וְהַלְוִיִּם. ל וְטַהַרְתִּים, מִכָּל-נְכָר; וְאֶעֱמִידָה מִשְׁמֵרוֹת לַפְּהִינִים וְלְלוֹוִיִּם, אִישׁ בְּמִלְאָכָתּוֹ. לא וְלִקְרֹבֵן הָעֲצִים בְּעֵתִים מְזֻמָּנוֹת, וְלִבְפוֹרִים; וְכָרָה-לִי אֱלֹהֵי, לְטוֹבָה.

23 Еще в те дни я видел Иудеев, которые взяли себе жен из Азотянок, Аммонитянок и Моавитянок; 24 и от того сыновья их в половину говорят по-азотски, или языком других народов, и не умеют говорить по-иудейски. 25 Я сделал за это выговор и проклинал их, и некоторых из мужей бил, рвал у них волосы и заклинал их Богом, чтобы они не отдавали дочерей своих за сыновей их и не брали дочерей их за сыновей своих и за себя. 26 Не из-за них ли, [говорил я,] грешил Соломон, царь Израилев? У многих народов не было такого царя, как он. Он был любим Богом своим, и Бог поставил его царем над всеми Израильтянами; и однако же чужеземные жены ввели в грех и его. 27 И можно ли нам слышать о вас, что вы делаете все сие великое зло, грешите пред Богом нашим, принимая в сожительство чужеземных жен? 28 И из сыновей Иоиады, сына великого священника Елиашива, один был зятем Санаваллата, Хоронита. Я прогнал его от себя. 29 Воспомяни им, Боже мой, что они опорочили священство и завет священнический и левитский! Так очистил я их от всего чужеземного и восстановил службы священников и левитов, каждого в деле его, 31 и доставку дров в назначенные времена и начатки. Помяни меня, Боже мой, во благо [мне]!

Текст №4

Вавилонский Талмуд, трактат Санѓедрин, 17a (III-V вв. н. э. о периоде 200 д. н. э. – 70 н. э.)

א"ר יוחנן אין מושיבין בסנהדרי אלא בעלי קומה ובעלי חכמה ובעלי מראה ובעלי זקנה ובעלי כשפים ויודעים בע' לשון שלא תהא סנהדרי שומעת מפי המתורגמן.

Сказал **раби Йоханан**: члены Санѓедрина должны обладать широким кругозором, они должны быть мудрецами и внешний вид их должен излучать духовность; стать судьей может человек, достигший среднего возраста и знакомый с приемами магии. И еще: судьбе Санѓедрина полагается знать все 70 языков народов мира, чтобы он мог выслушать показания сторон и свидетелей на их родном языке – без переводчика.

Текст №5

Вавилонский Талмуд, трактат Песахим, 57a (III-V вв. н. э. о периоде начала I века н. э.)

אמר אבא שאול בן בטנית משום אבא יוסף בן חנין:
 אוי לי מבית בייתוס אוי לי מאלתן,
 אוי לי מבית חנין אוי לי מלחישתן,
 אוי לי מבית קתרוס אוי לי מקולמוסן,
 אוי לי מבית ישמעאל בן פיאכי אוי לי מאגרופן.
 שהם כהנים גדולים, ובניהן גיזברין, וחתניהם אמרכלין,
 ועבדיהן חובטין את העם במקלות.

Горе мне от семьи Возта – горе мне от их палок,
Горе мне от семьи Анапа – горе мне от их слов,
Горе мне от семьи Кятроса – горе мне от их пера,
Горе мне от семьи Исмаила, сына Фаби – горе мне от их кулаков,
Все они первосвященники, а их сыновья казначеи,
а их зятья – начальники, а их рабы палками бьют народ.

Текст №6

Деяния апостолов 1:12 (80-90 н. э.)

Тότε υπέστρεψαν εἰς Ἱερουσαλὴμ ἀπὸ ὄρους τοῦ καλουμένου Ἐλαιῶνος, ὃ ἐστὶν ἐγγὺς Ἱερουσαλὴμ **σαββάτου ἔχον ὁδόν.**

Тогда они возвратились в Иерусалим с горы, называемой Елеон, которая находится близ Иерусалима, в расстоянии субботнего пути.

Текст №7

Деяния Апостолов 2:1-17 (80-90 н. э.)

2 Καὶ ἐν τῷ συμπληροῦσθαι τὴν ἡμέραν τῆς πεντηκοστῆς ἦσαν [a]πάντες ὁμοῦ ἐπὶ τὸ αὐτό, 2 καὶ ἐγένετο ἄφνω ἐκ τοῦ οὐρανοῦ ἦχος ὥσπερ φερομένης πνοῆς βιαίας καὶ ἐπλήρωσεν ὅλον τὸν οἶκον οὗ ἦσαν καθήμενοι, 3 καὶ ὤφθησαν αὐτοῖς διαμεριζόμεναι γλῶσσαι ὡσεὶ πυρός, καὶ ἐκάθισεν ἐφ’ ἓνα ἕκαστον αὐτῶν, 4 καὶ ἐπλήσθησαν πάντες πνεύματος ἁγίου, καὶ ἤρξαντο λαλεῖν ἐτέραις γλώσσαις καθὼς τὸ πνεῦμα ἐδίδου ἀποφθέγγεσθαι αὐτοῖς. 5 Ἦσαν δὲ ἐν Ἱερουσαλὴμ κατοικοῦντες Ἰουδαῖοι, ἄνδρες εὐλαβεῖς ἀπὸ παντὸς ἔθνους τῶν ὑπὸ τὸν οὐρανόν· 6 γενομένης δὲ τῆς φωνῆς ταύτης συνῆλθε τὸ πλῆθος καὶ συνεχύθη, ὅτι ἤκουον εἷς ἕκαστος τῆ ἰδίᾳ διαλέκτῳ λαλούντων αὐτῶν· 7 ἐξίσταντο δὲ καὶ ἐθαύμαζον λέγοντες· Οὐχ ἰδοὺ πάντες οὗτοί εἰσιν οἱ λαλοῦντες Γαλιλαῖοι; 8 καὶ πῶς ἡμεῖς ἀκούομεν ἕκαστος τῆ ἰδίᾳ διαλέκτῳ ἡμῶν ἐν ᾗ ἐγεννήθημεν; 9 Πάρθοι καὶ Μῆδοι καὶ Ἑλαμίται, καὶ οἱ κατοικοῦντες τὴν Μεσοποταμίαν, Ἰουδαίαν τε καὶ Καππαδοκίαν, Πόντον καὶ τὴν Ἀσίαν, 10 Φρυγίαν τε καὶ Παμφυλίαν, Αἴγυπτον καὶ τὰ μέρη τῆς Λιβύης τῆς κατὰ Κυρήνην, καὶ οἱ ἐπιδημοῦντες Ῥωμαῖοι, 11 Ἰουδαῖοί τε καὶ προσήλυτοι, Κρήτες καὶ Ἄραβες, ἀκούομεν λαλούντων αὐτῶν ταῖς ἡμετέραις γλώσσαις τὰ μεγαλεῖα τοῦ θεοῦ. 12 ἐξίσταντο δὲ πάντες καὶ διηπόρουν, ἄλλος πρὸς ἄλλον λέγοντες· Τί θέλει τοῦτο εἶναι; 13 ἕτεροι δὲ διαχλευάζοντες ἔλεγον ὅτι Γλεύκους μεμεστωμένοι εἰσίν. 14 Σταθεῖς δὲ ὁ Πέτρος σὺν τοῖς ἑνδεκα ἐπῆρεν τὴν φωνὴν αὐτοῦ καὶ ἀπεφθέγγετο αὐτοῖς· Ἄνδρες Ἰουδαῖοι καὶ οἱ κατοικοῦντες Ἱερουσαλὴμ πάντες, τοῦτο ὑμῖν γνωστὸν ἔστω καὶ ἐνωτίσασθε τὰ ῥήματά μου. 15 οὐ γὰρ ὡς ὑμεῖς ὑπολαμβάνετε οὗτοι μεθύουσιν, ἔστιν γὰρ ὥρα τρίτη τῆς ἡμέρας, 16 ἀλλὰ τοῦτο ἐστὶν τὸ εἰρημένον διὰ τοῦ προφήτου Ἰωήλ· 17 Καὶ ἔσται ἐν ταῖς ἐσχάταις ἡμέραις, λέγει ὁ θεός, ἐκχεῶ ἀπὸ τοῦ πνεύματός μου ἐπὶ πᾶσαν σάρκα, καὶ προφητεῦσουσιν οἱ υἱοὶ ὑμῶν καὶ αἱ θυγατέρες ὑμῶν, καὶ οἱ νεανίσκοι ὑμῶν ὁράσεις ὄψονται, καὶ οἱ πρεσβύτεροι ὑμῶν ἐνυπνίους ἐνυπνιασθήσονται·

1. При наступлении дня Пятидесятницы все они были единодушно вместе.
2. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились.
3. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них.
4. И исполнились все Духа Святаго, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать.
5. В Иерусалиме же находились Иудеи, люди набожные, из всякого народа под небом.

6. Когда сделался этот шум, собрался народ, и пришел в смятение, ибо каждый слышал их говорящих его наречием.
7. И все изумлялись и дивились, говоря между собою: сии говорящие не все ли Галилеяне?
8. Как же мы слышим каждый собственное наречие, в котором родились.
9. Парфяне, и Мидяне, и Еламиты, и жители Месопотамии, Иудеи и Каппадокии, Понта и Асии,
10. Фригии и Памфилии, Египта и частей Ливии, прилежащих к Киринее, и пришедшие из Рима, Иудеи и прозелиты,
11. критяне и аравитяне, слышим их нашими языками говорящих о великих делах Божиих?
12. И изумлялись все и, недоумевая, говорили друг другу: что это значит?
13. А иные, насмехаясь, говорили: они напильсь сладкого вина.
14. Петр же, став с одиннадцатью, возвысил голос свой и возгласил им: мужи Иудейские, и все живущие в Иерусалиме! сие да будет вам известно, и внимайте словам моим:
15. они не пьяны, как вы думаете, ибо теперь третий час дня;
16. но это есть предреченное пророком Иоилем:
17. И будет в последние дни, говорит Бог, излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; и юноши ваши будут видеть видения, и старцы ваши сновидениями вразумляемы будут.

Занятие 2. Языки Иерусалима в средневековье (638 – 1517)

Текст №1

Надпись Абд-ал-Малика ибн Марвана на стенах Купола скалы (692 г.).

1. S In the name of God, the Merciful the Compassionate. There is no god but God. He is One. He has
2. no associate. Unto Him belongeth sovereignty and unto Him belongeth praise. He quickeneth and He giveth death; and He has
3. Power over all things. Muḥammad is the servant of God and His Messenger.
4. SE Lo! God and His angels shower blessings on the Prophet.
5. O ye who believe! Ask blessings on him and salute him with a worthy salutation. The blessing of God be on him and peace be
6. on him, and may God have mercy. O People of the Book! Do not exaggerate in your religion
7. E nor utter aught concerning God save the truth. The Messiah, Jesus son of
8. Mary, was only a Messenger of God, and His Word which He conveyed unto Mary, and a spirit
9. from Him. So believe in God and His messengers, and say not 'Three' – Cease! (it is)
10. NE better for you! – God is only One God. Far be it removed from His transcendent majesty that He should have a son. His is all that is
11. in the heavens and all that is in the earth. And God is
12. sufficient as Defender. The Messiah will never scorn to be a
13. N servant unto God, nor will the favoured angels. Whoso scorneth
14. His service and is proud, all such will He assemble unto Him.
15. Oh God, bless Your Messenger and Your servant Jesus
16. NW son of Mary. Peace be on him the day he was born, and the day he dies,
17. and the day he shall be raised alive! Such was Jesus, son of Mary, (this is) a statement of
18. the truth concerning which they doubt. It befitteth not (the Majesty of) God that He should take unto Himself a son. Glory be to Him!
19. W When He decreeth a thing, He saith unto it only: Be! and it is.
20. Lo! God is my Lord and your Lord. So serve Him. That is the right path. God (Himself) is witness that there is no God
21. save Him. And the angels and the men of learning (too are witness). Maintaining His creation in justice, there is no God save Him,
22. SW the Almighty, the Wise. Lo! religion with God (is) Islam. Those who (formerly) received the Book
23. differed only after knowledge came unto them, through transgression among themselves. Whoso
24. disbelieveth the revelations of God (will find that) Lo! God is swift at reckoning!

INSCRIPTIONS ON THE OUTER OCTAGONAL ARCADE

1. S In the name of God, the Merciful the Compassionate. There is no god but God. He is One. He has no
2. associate. Say: He is God, the One! God, the eternally Besought of all! He begetteth not nor was begotten. And there
3. is none comparable unto Him. Muḥammad is the Messenger of God, the blessing of God be on him.
4. SW In the name of God, the Merciful the Compassionate. There is no god but God.
5. He is One. He has no associate. Muḥammad is the Messenger of God.
6. Lo! God and His angels shower blessings on the Prophet.
7. W O ye who believe! Ask blessings on him and salute him with a
8. worthy salutation. In the name of God, the Merciful

9. the Compassionate. There is no god but God. He is One. Praise be to
10. NW God, Who hath not taken unto Himself a son, and Who hath
11. no partner in the Sovereignty, nor hath He any protecting friend
12. through dependence. And magnify Him with all magnificence. Muḥammad is the Messenger of
13. N God, the blessing of God be on him and the angels and His prophets, and peace be
14. on him, and may God have mercy. In the name of God, the Merciful
15. the Compassionate. There is no god but God. He is One. He has no associate.
16. NE Unto Him belongeth sovereignty and unto Him belongeth praise. He quickeneth. And He giveth death; and He has
17. Power over all things. Muḥammad is the Messenger of God, the blessing of God be
18. on him. May He accept his intercession on the Day of Judgment on behalf of his people.
19. E In the name of God, the Merciful the Compassionate. There is no god but God. He is One.
20. He has no associate. Muḥammad is the Messenger of God, the blessing of God be
21. on him. The dome was built by servant of God ‘Abd
22. SE [Allah the Imam al-Ma’mun, Commander] of the Faithful, in the year two and seventy. May God accept from him and be content
23. with him. Amen, Lord of the worlds, praise be to God.

Текст №2

Усама ибн Мункыз, Китаб аль-И’тибар («Книга назидания»), конец XII века

Все франки, лишь недавно переселившиеся из франкских областей на восток, отличаются более грубыми нравами, чем те, которые обосновались здесь и долго общались с мусульманами.

Вот пример грубости франков, да обезобразит их Аллах. Однажды, когда я посетил Иерусалим, я вошел в мечеть аль-Акса; рядом с мечетью была еще маленькая мечеть, в которой франки устроили церковь. Когда я заходил в мечеть, а там жили храмовники – мои друзья, – они предоставляли мне маленькую мечеть, чтобы я в ней молился.

Однажды я вошел туда, произнес “Аллах велик” и начал молиться. Один франк ворвался ко мне, схватил меня, повернул лицом к востоку и крикнул: “Молись так!” К нему бросилось несколько человек храмовников и оттащили его от меня, и я снова вернулся к молитве. Однако этот самый франк ускользнул от храмовников я снова бросился на меня. Он повернул меня лицом к востоку и крикнул: “Так молись!” Храмовники опять вбежали в мечеть и оттащили франка. Они извинились передо мной и сказали: “Это чужестранец, он приехал на этих днях из франкских земель и никогда не видал, чтобы кто-нибудь молился иначе, как на восток”. – “Хватит уже мне молиться”, – ответил я и вышел из мечети. Меня очень удивило выражение лица этого дьявола, его дрожь и то, что с ним случилось, когда он увидел молящегося по направлению к югу.

Я видел, как один франк пришел к эмиру Му’ин ад-Дину, да помилует его Аллах, когда тот был в ас-Сахра, и сказал: “Хочешь ты видеть бога ребенком?” – “Да”, – сказал Муин ад-Дин. Франк пошел впереди нас и показал нам изображение Мариам, на коленях которой сидел маленький Мессия, да будет над ним мир. “Вот бог, когда он был ребенком”, – сказал франк. Да будет превознесен великий Аллах над тем, что говорят нечестивые, на великую высоту!

У франков нет никакого самолюбия и ревности. Бывает, что франк идет со своей женой по улице; его встречает другой человек, берет его жену за руку, отходит с ней в сторону и начинает разговаривать, а муж стоит в сторонке и ждет, пока она кончит разговор. Если же разговор затянется, муж оставляет ее с собеседником и уходит.

Текст №3

Книга странствий Рабби Биньямина, 104-110 (до 1173 г.)

ומשם שלש פרסאות לירושלים, היא עיר קטנה ובצורה תחת שלש חומות ואנשים בה הרבה. וקוראים להם הישמעאלים יעקוֹר־ביין וארמים ויונים וגורגיים ופרנקו ומכל לשונות הגוים, ויש שם בית הצביעות שקונין אותו היהודים בכל שנה מן המלך שלא יעשה שום אדם צביעה בירושלים כי אם היהודים לבדם, והם כמו מאתים יהודים דרים תחת מגדל דוד בפאת המדינה. ובחומה שבמגדל דוד הבנין הראשון של יסוד, כמו עשר אמות, מבנין הקדמונים שבנו אבותינו, והשאר מבנין הישמעאלים. ואין בכל העיר מקום חזק יותר ממגדל דוד ושם שני בתים אחד ל**אשפיטאל**, ויוצאים ממנו ארבע מאות פרשים, ושם ינוחו כל החולים הבאים שם ונותנין להם כל ספוקם בחייהם ובמותם. והבית השני קודאין אותו **טינפילי שאלמון** הוא הארמון שעשה שלמה מלך ישראל ע"ה, ושם חונים הפרשים, ויוצאים מהם שלש מאות פרשים בכל יום למלחמה חוץ מן הפרשים הבאים מארץ **פרנקוש** ומארץ אדום ונודרין על עצמן שיעבדו ימים או שנים עד מלאת נדרם.

(...)

ולפני ירושלם כמו ג' מילין בית קברי ישראל שהיו קוברים מתייהם במערות בימים ההם. ועל כל קבר וקבר יש בו תאריך, אבל בני אדום הורסים מן הקברים ובונים מהם בתייהם מן האבנים.

וסביב ירושלם הרים גדולים, ובהר ציון קברי בית דוד. וקברי המלכים אשר קמו אחריו. ואין המקום ידוע, אלא מהיום ט"ו שנה נפל כותל אחד מן הבמה אשר בהר ציון, ואמר **הפטריארקא** לממונה שלו: קח את האבנים מחומות הקדמינים ובנה ממנו הבמה, והוא עשה כן ושכר פועלים בשכר ידוע, וכן היו עשרים אנשים, והיו מוציאים את האבנים מיסוד חומת ציון. ובין האנשים ההם היו שני אנשים אהובים בעלי ברית, ויום אחד עשה האחד משתה לחברו ואחר אכילתם באו אל המלאכה, ואמר להם הממונה עליהם: מדוע איחרתם היום לבוא? ענו ואמרו: מה יש לך, בשעה שילכו חברינו לסעוד, אנחנו נעשה מלאכתנו. הגיע זמן הסעודה והלכו חבריהם לסעוד והם היו מוציאים את האבנים והקימו אבן ומצאו שם פי מערה. אמר אחד לחברו: ניכנס ונראה, אם יש שם ממון. והלכו במבוא המערה עד שהגיעו אצל ארמון אחד גדול בנוי על עמודי שיש מצופה בכסף ובוזהב, ולפניו שלחן זהב ושרביט ועטרת, והוא קבר דוד המלך, ולשמאלו קבר שלמה המלך כמו כן, וכל קברי כל המלכים הקבורים שם ממלכי יהודה. ושם ארגזות סגורות שאין אדם יודע מה שבהם. ורצו אלו שני האנשים להיכנס בארמון, והנה רוח סערה יוצא מפי המערה והכה אותם ונפלו לארץ כמתים ושכבו עד הערב. והנה רוח אחד בא צועק בקול רם והוא כקול אדם: קומו צאו מן המקום הזה. ויצאו משם מבוהלים ודחופים והלכו אל **הפטריארקא** והגידו לו הדברים האלה. ושלח **הפטריארקא** להביא לפניו ר' אברהם החסיד הפרוש אל קוסטנטיני, שהיה מאבלי ירושלם, וסיפר לו אלה הדברים כולם על פי שני האנשים שבאו משם. וענה לו ר' אברהם ואמר לו: זה קברי בית דוד למלכי יהודה הם, ולמחרת ניכנס אני ואתה ואלו האנשים ונראה מה יש שם. ולמחרת שלחו בשביל שני האנשים ומצאו אותם כל אחד ואחד מושכב על מטתו ופחדו ואמרו: לא נכנסנו אנחנו שם, כי אין חפץ האל להראות אותו לאדם. וצוה **הפטריארקא** לסתום אותו מוקד ולהעלימו מבני אדם עד היום הזה. ור' אברהם זה ספד לי הדברים האלו.

От Гаваона три фарсанги до Иерусалима; это маленький город, окруженный тремя каменными стенами, и весьма многолюдный: там яacobиты, сирийцы, греки, григориане и франки – собрание всех языков и народов. Там есть красильный дом, который ежегодно отдается царем на откуп евреям, с тем чтобы никто не занимался крашением в Иерусалиме, кроме одних евреев. Их там двести человек; живут они под башней Давида, в конце города. В стенах этой башни сохранилось от древних времен около десяти локтей фундамента, построенного нашими предками; остальное все сделано измаильтянами. Во всем городе нет здания крепче башни Давидовой. Там же находятся два госпиталя: в одном из них помещаются все приходящие сюда больные и получают все, что им нужно, как при жизни, так и после смерти. В другом доме, называемом госпиталем Соломона – потому что это был прежде дворец, построенный этим царем, – помещаются четыреста всадников и каждый день выезжают на воинское упражнение, кроме тех всадников, которые являются сюда из земли франков и других земель христианских, по возложенному на себя обету, и живут здесь год или два, до исполнения сего обета.

(...)

Пред Иерусалимом лежит гора Сион, на которой нет других зданий, кроме одного христианского алтаря. Также близ Иерусалима находятся три древних кладбища евреев, где они хоронили некогда своих покойников; на одной из гробниц есть надпись. Но христиане разоряют памятники и берут от них камни для постройки домов своих. Иерусалим окружен большими горами.

На горе Сионской погребены члены дома Давидова и цари, после него царствовавшие; но гробниц их нельзя найти. Пятнадцать лет тому назад обрушилась стена храма на Сионской горе. Патриарх приказал священнику восстановить храм и сказал: возьми камни из древней стены Сиона и отстрой ими храм. Так и поступил священник, нанял за известную плату рабочих до двадцати человек, которые и стали вынимать камни из фундамента сионской стены. Между этими рабочими были два задушевных друга, и однажды один из них сделал другому угощение, после чего они отправились на работу. Когда смотритель спросил их: “Почему вы пришли так поздно?” – они отвечали: “Тебе все равно; мы сделаем свое дело в то время, когда товарищи наши будут обедать”. Начав затем вынимать камни, они под одним камнем нашли отверстие, ведущее в пещеру, и сказали друг другу: “пойдем посмотрим, нет ли там сокровищ”. Войдя в пещеру, они шли все далее и далее, пока не достигли большого портика, построенного на мраморных колоннах и украшенного золотом и серебром. Там они нашли стол, на нем золотой скипетр и золотую корону. Это была гробница Давида, царя израильского. По левую ее сторону такая же гробница Соломона и далее гробницы других царей иудейских, здесь погребенных. Там были также сундуки запертые, и никто не знал, что в них находится. Когда эти двое рабочих хотели войти внутрь портика, то внезапно поднявшийся из отверстия пещеры бурный ветер повалил их на землю, и они лежали как мертвые до вечера. Затем поднялся другой ветер и человеческим голосом закричал им: “Встаньте и выйдите отсюда”. Испуганные, они поспешили выйти, пришли к патриарху и все подробно ему рассказали. Патриарх позвал к себе р. Авраама Хасида, аскета Аль-Константини, который был один из оплакивавших Иерусалим; рассказал ему все слышанное от вышедших из пещеры двух рабочих. Р. Авраам, отвечая ему, сказал, что это действительно гробницы дома Давидова и царей иудейских. На другой день послали за означенными рабочими, но нашли их лежащими в постели, и они со страхом сказали: “Мы больше туда не пойдем, ибо Господь, видимо, не хочет никому показывать это место”. Потому патриарх приказал заложить вход в пещеру и скрыть это место от людей навсегда. Р. Авраам Хасид сам рассказал мне всю эту историю.

Текст №4

Рабби Овадья из Бертиноро, из переписки (после 1488 г.)

We arrived in Jerusalem on the 14th day of Nissan, 5248.... Its inhabitants number about four thousand families. As for Jews, about seventy families of the poorest class have remained; there is scarcely a family that is not in want of the commonest necessities; one who has bread all year round is regarded as rich... In my opinion, an intelligent man versed in political science might easily raise himself to be chief of the Jews as well as Arabs, for among all the inhabitants there is not a sensible man who knows how to deal kindly with his fellow-men...

Занятие 3. Языки в османском Иерусалиме (1517-1917)

Текст №1

Шатобриан. Путешествие из Парижа в Иерусалим, IV-V (текст издан в 1811 о путешествии, совершенном в 1806-1807).

We returned to the monastery at nine o'clock. After lunch I went to visit the Greek and Armenian Patriarchs, who had sent me greetings via their dragoman.

The Greek monastery adjoins the Church of the Holy Sepulchre. From the terrace of the monastery a fairly large enclosure is to be seen, where two or three olive-trees and a few palm-trees and cypress trees grow: the house of the Knights of Saint John of Jerusalem once occupied this abandoned ground. The Greek Patriarch seemed a very good man. At that time he was being oppressed by the Pasha, in the same manner as the Father Superior of Saint-Sauveur. We spoke of Greece: I asked him if they possessed any manuscripts; they offered me a sight of the Rituals and Treatises of the Church Fathers. After drinking coffee and receiving three or four rosaries, I went on to the house of the Armenian Patriarch.

The latter is named Arsenios, and is from the city of Caesarea in Cappadocia; he was the Metropolitan of Scythopolis, and Patriarchal Procurator of Jerusalem; he wrote his own name and titles in Syriac characters for me on a slip of paper that I still possess. I did not find that air of suffering and oppression about him, which I had noted among the unfortunate Greeks, everywhere slaves. The Armenian monastery is pleasant; the charming church was of a rare cleanliness. The Patriarch, who resembled a wealthy Turk, was wrapped in silk robes, and seated on cushions. I drank excellent Mocha coffee. They brought me preserves, fresh water, and white napkins; aloe wood was burning, and I was assailed by the scent of essence of roses to the point of discomfort. Arsenios spoke contemptuously of the Turks. He assured me that the whole of Asia awaited the arrival of the French; that if a single soldier of my nation were to arrive in his country, there would be a general uprising. One cannot conceive what ferment afflicts the Oriental spirit (Monsieur Seetzen, who spent several months in Jerusalem a little before me, and who later travelled in Arabia, said in his letter to Monsieur de Zach (François Xavier, Baron de Zach), that the locals spoke to him of nothing but our French armies (Annales des Voyages, by Monsieur Malte-Brun). I witnessed Ali-Aga, in Jericho, lose his temper with an Arab who mocked him, and who told him that if the Emperor had wanted to capture Jerusalem, he would have entered it as easily as a camel a field of sorghum. The people of the East are much more familiar than we with the ideas of invasion. They have witnessed the passage of all those men who have changed the face of the earth: Sesostris, Cyrus, Alexander, Mohammed, and the recent conqueror of Europe (Napoleon). Accustomed to follow the destiny of some master or other, they have no code binding them to concepts of order and moderation; to kill when you are the stronger seems to them a legitimate proceeding; they submit to it, or exercise it, with a like indifference. They belong, essentially, to the sword; they admire all the prodigies of action it brings about: the blade is to them the wand of a genie that elevates and destroys empires. Freedom, they do not know; rights, they have none: force is their god. When they exist for any length of time without seeing some conqueror appear, some executor of the lofty justice of heaven, they are like soldiers without a leader, citizens without a law-maker, or a family without a father.

My two visits lasted about an hour. From the last, I went to the Church of the Holy Sepulchre; the Turk who opens the door had been warned to be ready to receive me: I paid my levy to Mohammed again for the right to worship Jesus Christ. I studied a second time, and in a more leisurely manner, the monuments of that venerable church. I ascended to the gallery, where I met the Coptic monk and the Abyssinian bishop: they were very poor, and their simplicity recalled the blessed age of the Gospels. Those semi-wild priests, their skin burnt by the fires of the tropics, wearing as sole sign of their dignity

a robe of blue cloth, and having no other shelter than the Holy Sepulchre, moved me more than the Head of the Greek monks, and the Armenian Patriarch. I defy the imagination of the least religious not to be moved at the meeting of so many nations at the tomb of Jesus Christ, at the prayers uttered in a hundred different languages, in the very place where the apostles received from the Holy Spirit the gift of speaking every tongue on earth.

I left the Holy Sepulchre at one o'clock, and we returned to the monastery. The Pasha's soldiers had invaded the hospital, as I have already said, and lived there as they wished. On returning to my cell, traversing the corridor with the dragoman Michel, I met two young spahis armed head to toe, making a strange noise: it is true that they were hardly formidable; since, to Mohammed's shame, they were roaring drunk. As soon as they saw me, they blocked the way, laughing raucously. I stopped to await the result of their jest. Up to this point they had done me no harm, but soon one of these Tartars, getting behind me, took my head, and bent it forward with force, while his comrade, dragging down the collar of my coat, struck my neck with the back of his naked sword. The dragoman began to bellow. I struggled free of the spahis' grasp; I leapt at the throat of the one who had seized my head and, gripping his beard with one hand and choking him against the wall with the other, turned his face as black as my hat; after which I let him go, having returned him jest for jest, and insult for insult. The other spahi, loaded with wine and stunned by my actions, did not seek to revenge the greatest affront that can be offered a Turk, that of taking him by the beard. I retired to my room and prepared for every eventuality. The Father Superior was not troubled by my having chastised his persecutors; though he feared some catastrophe, a Turk once humiliated is never dangerous, and we heard nothing more of it.

(...)

While the New Jerusalem emerges thus from the desert, shining with light (Racine: *Athalie*: Act III: Scene 7), cast your gaze between Mount Sion and the Temple; look on that other little tribe who live separated from the rest of the inhabitants of the city. Ever a particular object of contempt, they bow their heads without complaint; they suffer every indignity without demanding justice; they allow themselves to be overwhelmed with blows without a groan; if their heads are required, they present them to the scimitar. If any member of this proscribed society dies, his companions will bury him secretly, at night, in the Valley of Jehoshaphat, in the shadow of the Temple of Solomon. Penetrate the dwelling places of that people, and you will find them in abject poverty, reading a mysterious book to their children which will be read, in turn, to their children. What they performed five thousand years ago, this race still performs. Seventeen times they witnessed the fall of Jerusalem, yet nothing can discourage them from turning their eyes toward Zion. When one sees the Jews dispersed throughout the earth, according to the word of God, one is indeed surprised; but to be struck by supernatural astonishment, one must encounter them again in Jerusalem; one must see the legitimate rulers of Judea, slaves and foreigners in their own country: one must see them still awaiting, despite all oppression, a king who will deliver them. Crushed by the cross that condemns them, which is planted on their heads; hidden beside the Temple, of which not one stone rests on another, they dwell in their deplorable blindness. Persians, Greeks, Romans, have disappeared from the earth, and a little tribe, whose origin antedates that of those great peoples, still lives without admixture among the ruins of its country. If anything, among the nations, possesses the character of a miracle, that character, I believe, is here. And what is more marvellous, even to the philosopher, than this meeting of Old and New Jerusalem at the foot of Calvary: the one grieving at the sight of the tomb of the resurrected Jesus Christ; the second consoling itself beside the only tomb that will yield nothing at the final judgement, at the end of the centuries!

Текст №2

Марк Твен. The Innocents Abroad (текст издан в 1867 о путешествии, совершенном в 1867).

CHAPTER LIII.

A fast walker could go outside the walls of Jerusalem and walk entirely around the city in an hour. I do not know how else to make one understand how small it is. The appearance of the city is peculiar. It is as knobby with countless little domes as a prison door is with bolt-heads. Every house has from one to half a dozen of these white plastered domes of stone, broad and low, sitting in the centre of, or in a cluster upon, the flat roof. Wherefore, when one looks down from an eminence, upon the compact mass of houses (so closely crowded together, in fact, that there is no appearance of streets at all, and so the city looks solid,) he sees the knobbiest town in the world, except Constantinople. It looks as if it might be roofed, from centre to circumference, with inverted saucers. The monotony of the view is interrupted only by the great Mosque of Omar, the Tower of Hippicus, and one or two other buildings that rise into commanding prominence.

The houses are generally two stories high, built strongly of masonry, whitewashed or plastered outside, and have a cage of wooden lattice-work projecting in front of every window. To reproduce a Jerusalem street, it would only be necessary to up-end a chicken-coop and hang it before each window in an alley of American houses.

The streets are roughly and badly paved with stone, and are tolerably crooked—enough so to make each street appear to close together constantly and come to an end about a hundred yards ahead of a pilgrim as long as he chooses to walk in it. Projecting from the top of the lower story of many of the houses is a very narrow porch-roof or shed, without supports from below; and I have several times seen cats jump across the street from one shed to the other when they were out calling.

The cats could have jumped double the distance without extraordinary exertion. I mention these things to give an idea of how narrow the streets are. Since a cat can jump across them without the least inconvenience, it is hardly necessary to state that such streets are too narrow for carriages. These vehicles can not navigate the Holy City.

The population of Jerusalem is composed of Moslems, Jews, Greeks, Latins, Armenians, Syrians, Copts, Abyssinians, Greek Catholics, and a handful of Protestants. One hundred of the latter sect are all that dwell now in this birthplace of Christianity.

The nice shades of nationality comprised in the above list, and the languages spoken by them, are altogether too numerous to mention. It seems to me that all the races and colors and tongues of the earth must be represented among the fourteen thousand souls that dwell in Jerusalem.

Rags, wretchedness, poverty and dirt, those signs and symbols that indicate the presence of Moslem rule more surely than the crescent-flag itself, abound. Lepers, cripples, the blind, and the idiotic, assail you on every hand, and they know but one word of but one language apparently – the eternal “bucksheesh.” To see the numbers of maimed, malformed and diseased humanity that throng the holy places and obstruct the gates, one might suppose that the ancient days had come again, and that the angel of the Lord was expected to descend at any moment to stir the waters of Bethesda. Jerusalem is mournful, and dreary, and lifeless. I would not desire to live here.

Текст №3

Шмуэль Йосеф Агнон, Вчера-позавчера, перевод Тamar Белицки (роман издан в 1945; действие происходит в 1908-1909).

Часть шестнадцатая

Когда он проснулся, не стал задерживаться надолго, а направился туда, о чем только и думал, то есть в Меа-Шеарим. Повернул к юго-востоку и спустился в долину Гееном, чтобы приучить себя снова к обществу людей. Когда прошло время и никто не сказал ему ни слова, поднял он осторожно голову и огляделся. И что же он увидел? Кроме трупов собак, и трупов кошек, и трупов крыс, и всяких дохлых пресмыкающихся и прочих отбросов – ничего.

Крутился Балак среди отбросов, погружаясь в мусор, так что не видно было ничего, кроме его хвоста, подобно мыши, которую проглотила кошка, оставив только хвост снаружи. Сказал себе Балак: не сдвинусь отсюда, пока не покроет меня мусор и не освобожусь я от бед. Однако все еще поджидали его испытания. Забрел туда какой-то слепец, потерявший свой посох. Ощупывал слепой рукой все вокруг в поисках своей пропажи. Наткнулся он на хвост Балака. Ухватился слепой за хвост и потащил его. Поташился Балак вслед за своим хвостом и вылез из мусора. Как только вылез, убежал. Вытянул слепой свои руки и поразился: как это посох сбежал у него из рук? Обернулся Балак, чтобы убедиться, нет ли погони за ним. Обуял его страх, и все его члены охватила дрожь.

Нам не известно доподлинно, чего так испугался Балак. Или того, что чуть не лишился хвоста, или от страха за свое тело? Потому ли, что то место, куда забрел он, это – долина Гееном, где сжигали своих сыновей и дочерей в жертву Молоху, и Балак испугался, не принесут ли и его в жертву? И уже видел он Молоха, будто бы руки его протянуты, чтобы заполучить его, а жрецы бьют перед Молохом в барабаны, и воют, и говорят ему: «Приятного аппетита! На здоровье!» И он не знал, что приносили в жертву людей, а не собак, и не знал, что идолопоклонство это уже не существует.

Помчался Балак, спасая свою душу. Пустил струю и продолжил бег, держась влево от хвоста, то есть по направлению к Йемин-Моше. Но не вступил в Йемин-Моше, а стал протискиваться вниз от Йемин-Моше между скалами, от скалы к скале, и между ущельями, от ущелья к ущелью, пока не попал на улицу Яффо. В это время дня на всей улице не было видно ни единого еврея.

Не было видно никого, кто бы товары разносил и торговал, покупал и продавал. Не было видно никого – ни связки бубликов несущих, и ни орешки и семечки продающих. Ни тех, кто есть варит, и ни тех, кто деликатесы жарит. Ни напитки разливающих, и ни чудеса предлагающих. Ни синагогальных служек, и ни для сбора пожертвований кружек. Ни тех, кто шепчет и сплетни разводит, и ни тех, кто у других грехи находит. Ни любителей мезузы целовать, и ни любителей чужие пороги обивать. Ни пожертвования берущих, и ни на посылках бегущих. Не видать ни ашкеназов и ни сефардов, и ни евреев Афганистана и ни евреев Дагестана. И евреи из Ирака, и из Сирии, и из Бухары, и «грузины», и «персы», и «крымчаки», и «йемениты» – на улице не видны. Короче, не видно было на улице ни души из сынов Исраэля, ведь всякий, имеющий уши, пошел послушать речи моралистов. Не было там никого, кроме измаильтян и идумеян. Одни – на стульях, а другие – на низеньких скамеечках восседают, курят из кальянов за чашечкой кофе и одни об Адаме, а другие – о Хаве мечтают. Другие – сидят и в кости играют, и подсчитывают, и четки в руках перебирают, и при этом одним ухом рассказам о чудесах внимают. И все они полосатое платье надевают, и веерами, что в их руках, мух отгоняют. Прогоняют их – оттуда, те появляются – оттуда. Прогоняют их – оттуда, те появляются – оттуда. Решаются мухи и спрашивают: «Разве только потому, что мы приходим к вам открыто, а не потихоньку, как вши, вы так поступаете с нами? Если не нравится вам, чтобы мы жили с вами на ваших лбах, мы будем жить на ваших

носах. А если не по нраву вам, чтобы мы жили на кончике вашего носа, мы поселимся на ваших веках без спроса». Раскрывают представители всех народностей веера, чтобы прогнать их. Тотчас же раскрывают мухи свои крылья и влетают в их рты. Так или иначе, не видят они Балака. А если бы даже и видели его, не сделали бы ему ничего. Ведь газеты «Нарцисс», и «Свет», и «Свобода» они не читают, а их газеты еще не привыкли перепечатывать материалы из наших газет.

Солнце стояло в зените, и не было заметно в нем и тени усталости, напротив, заметно было, что все больше и больше оно набирает силу. Под ним лежала земля, истертая и иссохшая. И между небом и землей – раскаленный воздух, закутанный в пыль, а когда он встряхивал свое одеяние, то забивались пылью глаза людей и глаза Балака тоже. Вывалил Балак наружу пересохший язык и принялся лаять: «Гав, гав! Гав... нам дождь! Гав... нам каплю воды! Я схожу с ума от жажды!» Оскалил он зубы и взглянул на небо. Можно предположить, что он вспомнил о поступке своего предка, Великой Собаки, который продырявил небо во время засухи и пролил дожди.

Небо было, как всегда в эти дни, подобно раскаленной голубой стали в кузнице, и оно смеялось над Балаком. Зажал Балак хвост меж задними лапами, и пустил слюни, и задумался: может быть, правы те, кто трубит в шофар, ведь звуки, исходящие из шофара, проникают сквозь все четыре неба, и небеса содрогаются и проливаются дождями. Но ведь небес на самом деле семь, почему же он говорит о четырех? Балак, как и другие животные, умел считать только до четырех. Еще хуже – с птицами, которые считают до двух. Еще хуже обстоит дело с теми, у кого восемь ног, с теми, что бегут – на четырех и отдыхают – на четырех. Те и вовсе не умеют считать, так как из-за своих трудов: то – надо бежать, то – надо отдыхать, нет у них достаточно времени для умственного труда. И как только вспомнил Балак трубящих в шофар, вспомнил он о Меа-Шеарим. И как только вспомнил про Меа-Шеарим, поднялся он на ноги и побежал туда.

Неизвестно, по какой дороге он бежал. Или мимо гостиницы Каменеца, места, где была старая почта, а оттуда по улице Мусрары? Или бежал по улице Яффо и поднялся на улицу, где стоял сиротский дом Дискина? Или, может быть, не шел ни той и не этой дорогой, а направился по дороге другой? Можно предположить, что шел он обочинами дорог и лаял так, что голос его не был слышен. И похоже, что наши предположения близки к истине, ведь если бы шел он посередине и голос его был бы слышен, его бы заметили и остановили. Так как все эти районы заселены, слава Богу, нашими братьями, сынами Исраэля, а они обычно читают газеты (кто потихоньку, а кто и в открытую), то если бы увидели его, не пришел бы он в Меа-Шеарим живым.

Часть семнадцатая

Балак пришел, куда хотел

Вошел Балак в Меа-Шеарим, пробираясь обочинами дорог, – пасть его разинута, слюна стекает, уши отвисли, хвост повис меж задними лапами, а глаза налиты кровью, и он лает беззвучно. Остановился и освободил свой живот от всех запрещенных кушаний, которые были там. Подогнул под себя обе задние лапы и уселся на них, как измаильтянин, и высунул язык наружу, и дышал, как кузнечный мех, все оглядываясь по сторонам, но не видя ни одной живой души, так как весь Меа-Шеарим собрался, чтобы послушать рабби Гронема Придет Избавление. Когда увидел Балак, что он здесь один, распростерся в молитве с просьбой смилостивиться над ним: только бы не потерпел он неудачи в своем обращении к людям, и пусть голос его придется им по душе.

Текст №4

Бениамин Харшав. Язык в революционное время, перевод Л. Черниной, С. 50-55.

Ашкеназское или сефардское произношение?

Неприятие диаспоры и местечкового мира родителей заставило ашкеназских борцов за возрождение языка предпочесть для нового разговорного иврита то произношение, которое они считали «сефардским». Это социальное и идеологическое решение было столь радикальным, что требует более пространный пояснения.

В английском и других языках речевые модели изменялись в ходе истории, и правописание стабилизировалось довольно поздно. В иврите произошло обратное: освященное правописание Библии сохранялось на протяжении веков до мельчайших подробностей, но разные диалекты, возникшие у евреев, которые жили в разных странах и подвергались разным иностранным влияниям, породили несколько вариантов произношения одинаково пишущихся слов.

Ашкеназское произношение иврита сформировалось в Центральной и Восточной Европе после XIII в., а потом разветвилось на несколько диалектов, до настоящего времени сохранившихся в ортодоксальных общинах. Именно такой иврит привезли в Эрец Исраэль сионистские иммигранты. Оказавшись здесь, они отбросили даже иврит своего детства, загнали в дальние уголки памяти все, что могли выразить на этом языке, и избрали принципиально иное, «иностранный» произношение. Бен-Иегуда и первые носители иврита в Иерусалиме подчинились социальным причинам: в Иерусалиме сложилась сефардская община, члены которой считали себя наследниками славного испанского еврейства и носили гордый аристократический титул «чистых сефардов» (Сфаради тахор). Подобные коннотации нес в себе и их язык, на это указывает название общества сафа брура, т. е. «чистый», «точный» или избранный язык.

Сефардская община не пользовалась ивритом в повседневной жизни, оставляя его только для точного чтения священных текстов, поэтому гласные не подверглись изменениям, а слова – контракции, как это происходило в живом языке – идише. Поэтому сефардское произношение казалось более престижным, чем произношение иерусалимских ашкеназских ультраортодоксов «старого ишува» (которые дважды подвергли Бен-Иегуду отлучению). Также в этом выборе чувствуется романтическое увлечение ориентализмом.

Были также «научные» обоснования для выбора сефардского произношения. Например, в Септуагинте (греческом переводе Библии) заметно размывание различия между библейскими огласовками патах и камац (они обе стали читаться как а); отсюда оно перешло в транскрипцию библейских имен в европейских языках (вроде Давид вместо ашкеназского Довид). Библейское различие между мильра и миль'эйль (расположение ударения соответственно на последнем и предпоследнем слоге) было известно ивритским грамматистам виленского Просвещения Бен-Зееву и Адаму Ха-Коэну Лебенсону (следовавшим традиции еврейских и христианских средневековых грамматистов). Предпочтение в большинстве слов отдавалось ударению на последнем слоге, что соответствует «сефардскому» произношению Ближнего Востока. Более важно, что именно так обозначаются ударения в библейском тексте, и фундаментальный подход к возрождению не мог этого не учитывать. Но библейские фундаменталисты могли также заявить, что точная разница между огласовками в Библии лучше сохранилась в ашкеназском, а не в сефардском иврите, и именно ашкеназим и йемениты не утратили разницу между патах (а) и камац (о), а также между твердым тав (t) и мягким тав (s).

* * *

Иехоаш, пораженный естественным языком молодых людей, выучивших иврит в новых, «национальных» школах, описывает усилие и искусственность, звучавшие в речи взрослых, даже тех, кто хорошо знал иврит:

Сам язык – это еще полбеды. Но сефардское произношение... Набожный еврей со вздохом рассказывал мне, что он много раз пытался молиться с сефардским произношением, но язык прилипал к небу, и он не понимал «значения слов». С тех пор он решил, что на улице он будет вести себя, как вся улица, но в синагоге оставьте ему старое произношение, как в Шнипишкес [еврейская окраина Вильны]! (Yehoash 1917,1:161)

Когда в Эрец Исраэль приехали иммигранты Второй алии, так называемое «сефардское» произношение было уже *fait accompli*, деревенские школы в сельскохозяйственных поселениях начинали вводить изучение иврита и преподавание других дисциплин на иврите и авторитет иерусалимских мудрецов для нескольких учителей иврита был непререкаем. Но это была начальная школа, где не изучали ивритскую литературу и даже не предполагали, что в то же самое время в Европе возникла великая ивритская поэзия на ашкеназском диалекте, которая, безусловно, повлияла на следующую волну сионистских иммигрантов.

Родители активно противились сефардскому произношению, чуждому их уху, их молитвам и их пониманию иврита, но несколько националистически настроенных учителей иврита чувствовали себя важнее и насаждали свою волю в школах. Ассамблея учителей 1903 г., чьим организатором и вдохновителем был Менахем Усышкин (активист, известный ожесточенной ненавистью к идишу), специально приехавший из Одессы, приняла для нового языка сефардское произношение. Учительская организация была главной движущей силой в обучении ивриту молодого поколения и она сыграла решающую роль во внедрении произношения. Но и они пошли на компромисс и выбрали ашкеназский почерк! В отличие от устной речи, которую надо было придумывать, почерк наследовался поколениями, и, видимо, его тяжело было изменить даже преданным своему делу учителям.

Так на последнем издыхании Первая алия определила язык Второй. Это было редкое историческое везение, последнее коллективное усилие тех немногих учителей, кто вообще говорил на этом языке и практически не знал новой ивритской поэзии, которая расцвела в диаспоре, – и даже это усилие было организовано извне. На самом деле официально Вторая алия началась в декабре 1903 г., когда прибыли беженцы – участники Гомельской самообороны. Но понастоящему она началась только после поражения русской революции и массовой эмиграции евреев из России, в 1906 г., и усилилась около 1910 г., когда приехала интеллигенция Второй алии. Идеологическое, рабочее крыло Второй алии не думало об образовании детей до конца Первой мировой войны – а тогда уже слишком поздно было менять язык. И иммигранты, поселившиеся в городах, отказались от своего понимания, уступив уже укрепившейся новой школе.

Но помимо этой исторической случайности существовали серьезные социальные и идеологические мотивы предпочесть «сефардский» диалект. Например, принятие «сефардского» произношения оказалось чрезвычайно важно для плавильного котла еврейских субэтнических групп в Израиле; оно призвано было приблизить сефардских евреев к новой ашкеназской элите, а другие группы должны были последовать за ними. Иерусалимские пропагандисты языка Бен-Иегуда и Давид Елин (1864-1941; породнившийся с сефардской семьей) имели в виду социализацию сефардов, а они имели серьезное влияние на учителей и устанавливавший нормы Комитет языка. Но этот аргумент не имел силы во время формирования ивритоязычного общества в палестинских низах. Участники рабочего движения и поселенцы Тель-Авива вращались в мире собственных привезенных из России, активно отстаиваемых «высших» идей; они вообще не замечали йеменитов с их особенным произношением и мало обращали внимание на выходца из Галиции Агнона (пока его не «открыл» их собственный Бренер).

Не менее важно другое: принятие «сефардского» произношения помогло преодолеть границы между разными ашкеназскими субдиалектами, порождавшими лингвистическое прикрытие для враждебности, взаимных подозрений и даже ненависти между еврейскими субэтниче-

скими группами, веками жившими на разных территориях, в числе которых литваки, пойлише (польские), галицианер (галицийские), румыны, русские и йеки (немецкие евреи). Шломо Цемах описывает свои первые попытки говорить на иврите:

Мои слова все время сопровождались мощными взрывами смеха, одолевавшими всех присутствующих. Мой иврит, исковерканный язык польского еврея, превращающий всякое У в И, всякое О в У, всякое долгое Э в Эй, а всякое долгое О становится в нем протяжным ООЙ – этот искаженный язык действительно был смешон (Tsemakh 1965:80)

В польском диалекте Цемаха произносилось скорее **бУрИх атУ** в отличие от литовского **бОрУх атО**; вместо **ЭЙн** они говорили **АЙЭн**, вместо **мЭлех** – **мАЙлех** и так далее. Также характерна была жалоба на частые в ашкеназском диалекте дифтонги, напоминавшие об унылых «ой!» еврея диаспоры.

Комплекс неполноценности Цемаха по поводу его польского диалекта – который в диаспоре сравнивали с «чистым» и «разумным» литовским идишем или ивритом – теперь перешел на новых «литваков», на «чистое» сефардское произношение языка (которым он восхищался даже в речи ашкеназского учителя Юделевича, произнесенной «на чистом сефардском диалекте»). Новый диалект должен был стереть все внутренние различия между восточноевропейскими евреями.

Но проблема лежит глубже: подоплека этого комплекса неполноценности лежит, парадоксальным образом, в самом факте, что в ашкеназских районах иврит был полуживым языком. На самом деле существовали три модели использования ашкеназского иврита (во всех его диалектных вариантах): идеальный, разговорный и свободный ашкеназский (ашкенозис). А) Идеальный ашкенозис был закреплен за чтением Торы в синагоге; он характеризуется точным произнесением каждого звука с канонической огласовкой, где каждому диакритическому знаку соответствовала определенная гласная. Б) Разговорный ашкенозис – это иврит, смешанный с идишем и употреблявшийся как часть живого языка; здесь все конечные гласные превратились в одну (нечто вроде безударной э), а сопряженные конструкции стянулись в более короткие слова. Так, вечерняя молитва называлась скорее кришмэ, а не криэс шма («чтение шма»), как на идеальном ашкенозисе; балебос вместо ба'аль ха-байс (домовладелец, хозяин); а форма женского рода балебосте вместо ба'алат ха-байс. Те, кто смотрел на написанные слова, чувствовали, что исходные звуки искажены, «проглочены», испорчены. Однако это естественный процесс в живых языках: подобным образом французский потерял последние слоги в спряжении глагола (хотя они сохраняются на письме); можно сказать, что английский «искажил» двусложное германское слово **Na-me**, превратив его в односложное **name** (произносится **neym**), или из **lachen** сделал **laugh (laf)**. В) Свободный ашкенозис – это язык, на котором аутентичные ивритские тексты произносились во время учебы или дискуссии, преимущественно под влиянием разговорного ашкенозиса; и именно так чаще всего произносили и слышали ивритские слова. И поверх всего этого диалектные различия идиша накладывались на описанные три вида произношения.

С позиций фундаменталистского возвращения к письменному, чистому и точному библейскому языку все это казалось извращением, отражающим извращенное, неряшливое, неразумное поведение евреев диаспоры. Еще хуже, что ивритское правописание в раввинистических и хасидских сочинениях попало под влияние этого полуразговорного языка и часто игнорировало ивритскую грамматику.

Также под влиянием разговорного языка, где иврит был частью идиша, часто менялся род ивритских слов. Писатели Хаскалы злобно пародировали этот стиль (стоит обратить внимание на антихасидскую сатиру Йосефа Перла Мегале Тмирин) и видели в нем скорее повреждение «святого языка», а не эволюцию живого языка и его диалектов. Сионистское движение унаследова-

ло эту антипатию к раввинистическому и хасидскому ивриту, особенно в свете своего желания пропустить две тысячи лет исторического развития и вернуться здоровому библейскому языку.

Стереотип, впервые сформулированный Моисеем Мендельсоном, что идиш – искаженный язык (по сравнению с литературным нижненемецким), отражающий исковерканную душу еврея диаспоры, в той же степени относился к ашкеназскому ивриту (в сравнении с письменной Библией). Таким образом, отказ от этого диалекта – это отступление от диаспорного существования, от языка идиш (родного языка, одновременно нежно любимого и ненавидимого), от родительского дома в местечке, разъедаемом ленью и еврейским ремеслом, от мира молитвы, погруженного в схоластическое и оторванное от реальности изучение Талмуда, а также от иррационального и примитивного поведения хасидов. Решение в пользу сефардского диалекта освободит их от всех этих уродливых звуков и диалектных отличий. С тех пор как язык перестал быть разговорным, он отражал именно написанные слова, с ясно произносимым последним слогом, на который теперь стало падать ударение, столь нерегулярное в ашкеназисе. Короче говоря, проще было выучить новый язык, прекрасный и достойный, чем исправить их собственный стянутый «просторечный» иврит. Но этому шагу помогали разные идеологии.

Подобно другим поборникам иврита, Бен-Иегуда родился в литовском местечке и сначала оставил идиш ради русской культуры и даже русского национализма и славянофильской идеологии (под влиянием волны русского патриотизма во время войны с Турцией 1877–1878 гг. в защиту болгарских славян). Потом он поехал в Париж, где познакомился с неким русским по фамилии Чашников, который заронил в нем идею еврейского национального возрождения:

Я случайно столкнулся с «гойской головой», простодушным, непринужденным человеком, который видел вещи такими, как они есть, а не через преломленные лучи света, как их видят евреи диаспоры – люди с искривленными мозгами в чересчур умных головах (Ben-Yehuda 1986:66)

Под влиянием этого идеализированного русского Бен-Иегуда перенес свой националистический пыл с русского языка на иврит. Он не питал никакого уважения к ивриту ашкеназского религиозного мира, а, наоборот, восхищался любым, кто говорил хотя бы с легким намеком на сефардское произношение: писателем Иехиэлем-Михлом Пинесом, приехавшим в Иерусалим из Парижа; Гецлом Зеликовичем (1863–1926; впоследствии идишским поэтом и профессором семитологии в Филадельфии), привезшим этот акцент из путешествий по Востоку; евреями, которых Бен-Иегуда встречал во время собственного пребывания в Алжире; а позже представителями сефардской культурной прослойки, с которыми он познакомился за долгие годы в Иерусалиме. В своих мемуарах он описывает потрясение, которое он и его жена испытали, когда впервые приехали в Иерусалим и получили приглашение посетить дом издателя ивритской газеты Хавацелет: там говорили на идише и жену Бен-Иегуды попросили накрыть голову платком – в таком положении оказалась «молодая женщина, только что приехавшая из Европы, где она вела свободную жизнь, и у нее чудесные темные волосы» (Ben-Yehuda 1986:90)

Здесь противопоставляются европейская культура и индивидуальное достоинство и ограниченный «диаспорный» (т. е. ашкеназский) еврейский мир. Бен-Иегуда также стремился издавать «ивритскую политическую национальную [т. е. светскую] газету в европейском смысле этих слов» (90). Но идеал красоты он нашел в восточном мире. Даже на пути в Эрец Исраэль он восхищался пассажирами-арабами: «Высокие, сильные мужчины <...> Я ощущал, что они чувствуют себя гражданами страны», тогда как «я приехал в эту страну как чужак, иностранец» (84). Восхищение Востоком также распространялось на сефардских евреев:

Большинство людей из старого ишува [т. е. ашкеназим-ультраортодоксы] не были обыкновенными человеческими существами, ведущими нормальную жизнь подобно всем остальным. Только сефардская община <...> была более или менее нормальной, поскольку большую часть

ее членов составляли простые люди, необразованные, добывавшие пропитание ремеслом и простым трудом. (95)

Далее он продолжает:

Почему я должен отрицать это? Лучшее, более приятное впечатление произвели на меня сефарды. Большинство из них держатся с достоинством, привлекательны, все прекрасно выглядят в своих восточных одеждах, манеры их почтенны, поведение любезное, почти все говорили с владельцем Хавацелет на иврите, и язык их был свободным, естественным, с богатым запасом слов и речевых конструкций, а выговор у них такой оригинальный, такой приятный и восточный! (97)

Понятно, что язык был только частью негативного образа ашкеназим в его сознании, и он говорил об этом открыто:

У всех ашкеназских посетителей всех классов галутное выражение лица. Только старики <...> уже слегка «ассимилировались» с сефардами и выглядели чуть лучше. <...> Но и на их лицах отпечаталось клеймо диаспоры. (97)

В другом месте он восхищается:

Насколько сефардские евреи любят чистоту и как строго они соблюдают ее, даже в тайных закоулочках, в самых уединенных комнатах. <...> И конечно, весь домашний скарб и кухонная утварь так и сияют чистотой (106)

Бен-Иегуда осознает односторонний характер своих суждений:

«Я упомянул здесь эту деталь намеренно, потому что впоследствии она стала одной из причин, повлиявших на мои отношения с сефардами и ашкеназами» (107)

Хотя Бен-Иегуда знает, «что с научной точки зрения нет правильного или неправильного произношения» (205), он утверждает, что «диалект, которым пользуются западные [т. е. европейские] евреи, относится к позднему периоду, ко времени порчи и искажения языка» (212), и борется за «восточный диалект»: «Это тот диалект иврита, который жив в Эрец Исраэль, и любой, кто слышал его из уст молодого поколения, ошеломлен его красотой» (212). Но восхищение объединяет красоту и силу:

[Поскольку мы утратили восточное звучание букв тет, айин, куф] мы лишили наш язык его силы и мощи нашим презрением к эмфатическим согласным, и из-за этого весь язык стал мягким, слабым, лишенным той специфической силы, которую придает слову эмфатический согласный. (203)

Несмотря на принятие в школах сефардского произношения, Бен-Иегуда признавал его поверхностный характер и общий преобладающий вес ашкеназского наследия; он боялся, что, возможно, уже слишком поздно – ведь уже есть тысячи детей, говорящих на иврите, и их язык «такой невожосточный, так обеднен по звучанию и силе по сравнению с восточным семитским языком!» (204). Действительно, когда в 1911 г. принял за работу обновленный Комитет языка, видевший свою главную задачу в создании неологизмов, его члены решили выдвинуть на руководящие посты тех, «чье знание обоих языков, иврита и арабского, несомненно». Первый параграф Основных положений нового Комитета языка, написанных Бен-Иегудой, представленных Давидом Елиным и принятых Комитетом (опубликованы в 1912 г.), описывает «Функции Комитета» двумя пунктами:

1) подготовить язык иврит к использованию в качестве разговорного языка во всех сферах жизни <...>

2) сохранить восточный характер языка <...>

(Academy 1970:31)

Вывод такой: надо требовать изучения произношения на специальных занятиях у учителя арабского языка [sic!] В 1915 г. иерусалимский Комитет языка иврит постановил:

Обязать все школы Эрец Исраэль нанять специального учителя для обучения произношению и назначить на эту должность одного из алеппских мудрецов [т. е. не профессионального учителя и не члена ашкеназской общины, к которой принадлежали дети из новых поселений, а сирийского еврея, чьим родным языком был арабский! – Б.Х.].

(«Сефардское» произношение, которому было отдано предпочтение, на самом деле было произношением сирийских евреев; в городе Алеппо [Халеб] в Северной Сирии существовала влиятельная еврейская община.)

Бен-Иегуда, который противился заимствованию слов для нового иврита из несемитских языков, полагал, что лучше всего использовать все арабские корни для обогащения языка иврит. Поскольку Бен-Иегуда и Давид Елин располагали влиянием на нескольких учителей иврита, сефардское произношение в целом было принято, но восточная природа выговора, о которой они мечтали, слишком сильно противоречила всей ментальности и интонациям новых иммигрантов и так никогда и не укоренилась.

За исключением Бренера, крупные ивритские писатели поселились в Эрец Исраэль только после того, как большевистское правительство в 1921 г. наложило запрет на иврит, и многие из них сначала уехали в Западную Европу, а только потом в Эрец Исраэль. Например, поэт и критик Яков Фихман пытался противостоять переходу на сефардское произношение в поэзии до середины тридцатых; блестящий лирик Яков Штейнберг писал стихи на ашкеназском иврите до самой смерти (1947); Черниковский пошел на компромисс, написал несколько декларативных стихотворений и баллад на сефардском диалекте, а потом продолжал создавать крупные произведения на ашкеназском иврите; даже Шлёнский и Ури-Цви Гринберг, авангардистские поэты первопроходцев, упорно продолжали писать стихи с ашкеназским произношением до 1928 г. – хотя их читатели не говорили с этим произношением. Однако поэтесса Рахель, которая выучила иврит не в ходе религиозного образования, писала на простом, новом иврите, звучащем вокруг нее, вплетая в этот язык слова из Библии, которую она читала с «сефардским» произношением. Было еще несколько таких поэтов. Один из них, Цви Шац, который еще из России вел переписку с Трумпельдором об основании сионистской коммуны, а впоследствии вместе с Й. Х. Бренером был убит арабами в Яффе в мае 1921 г., написал очерк «Изгнание нашей классической литературы», где поставил вопрос ребром:

Главная причина, которая не позволяет [ивритской] поэзии раствориться в нас, – это ее чуждое произношение; при всей ее красоте и глубине, она не зазвенит набатом в нашем сердце, ибо не из грубых земляных комьев нашей жизни вылеплена она и не из звуков нашей жизни, будь они суровыми или радостными. <...> Ценность этой поэзии подобна ценности поэзии, написанной на иностранном языке. (Shatz 1919:24).

Но он восхищается поэтами периода ренессанса и приходит к заключению: «Дай Бог, чтобы на наше произношение были переведены также и Шнеур, и Черниковский, и Бялик!..» – пожелание, не исполненное до сих пор.

Возникает такая картина: наш язык пионерский, грубый, сильный, мужской – подобно «мужским» рифмам, которые предполагает сефардское произношение; он противопоставлен мягким, «женским» рифмам, доминирующим в ашкеназской поэзии (как в итальянском). И лучшим примером этого является твердое, эмфатическое ударение на конце слов, энергично произносимых Бен-Гурионом, – будто он своей речью должен преодолеть противостоящую ему силу.

«Сефардское» произношение быстро распространилось в диаспоре, особенно в ивритских школах, находившихся под влиянием сионизма. Оно олицетворяло собой вызов, брошенный светским национализмом религиозной традиции. Эти школы должны были оторваться от религиозного мира с его традиционным ашкеназским произношением «святого языка». Но ашкеназское произношение и по сей день борется за свое положение и остается единственно

легитимным в глазах многих ортодоксальных иудеев диаспоры, что видно из английской транслитерации ивритских слов в газетных объявлениях, обращенных к ортодоксальной аудитории, в том числе обращения Любавичского ребе в «Нью-Йорк таймс», или из его длинных проповедей, которые произносятся на идише и содержат около 80 % слов на иврите в его гипертрофированно литовском ашкеназском произношении. Характерный случай был в период между мировыми войнами в Вильне, «литовском Иерусалиме», где удалось достигнуть компромисса со светскими гебраистами: существовала начальная школа на ашкеназском диалекте (называлась она соответственно **бейСЕЙфер аМОми**) и гимназия на «сефардском» (поэтому она называлась **тарБУТ**, а не **тарБЕС**).

Но здесь возникает неожиданная вещь: иврит, который в итоге был принят в качестве базового языка в Эрец Исраэль, – это далеко не сефардский иврит, а скорее неосознанно компромиссный общий знаменатель между двумя основными диалектами, сефардским и ашкеназским.

Те, кто внедрял ивритскую речь в социальных ячейках, были молодыми ашкеназскими евреями из Восточной Европы, которые ранее говорили на идише и прошли этапы увеличения строгости (призывы Жаботинского к «монотонности») и эстетизации речи. Эта группа в принципе приняла сефардское произношение, не имея активного контакта с ивритоязычными сефардами, и пропустила его через свои старые лингвистические навыки. На самом деле это был тяжелый переход на абсолютно новый язык: ведь человеку, который читал и писал на иврите, приходилось забывать про **кЕйсЕйс** или **кОйсОйс** («стаканы» или «бокалы») и говорить **кОсОТ**; ударение сдвигалось, гласные сокращались и изменялись, а мягкое **с** на конце в израильском иврите переходит в твердое **т**. Резкость языка ощущалась во всегда ударных окончаниях большинства слов, обычно представляющих собой закрытые слоги.

Конечно, изменилась вся звуковая система, хотя в конечном итоге и **с**, и **т** – т. е. знакомые звуки – остались в языке (хотя **т** стало более распространенным, чем раньше). Как показал лингвист Хаим Бланк, в израильском иврите не появилось ни одного звука, которого не было в идише, кроме одного – гортанной смычки, но это не согласный, требующий произношения, а нулевой звук, пауза перед гласной: израильский носитель языка различает **лир'ОТ** («видеть») и **лиРОТ** («стрелять»), **мар'А** («зеркало») и **маРА** («желчный пузырь»), **ЦА'ар** («печаль») и **ЦАР** («царь»), **мэ'ИЛЬ** («пальто») и **МИЛЬ** («миля»). В ашкеназском диалекте здесь нет разницы, и оба слова в каждой из этих пар произносятся как второе из них (многие ашкеназские евреи, и в их числе премьер-министр Ицхак Шамир, не могут произнести гортанную смычку и до сих пор используют краткую форму в обоих случаях). Как показал в шестидесятые годы Хаим Бланк, выпускники средних школ восточного происхождения говорят так же, как ашкеназские выпускники, не обращая внимания на арабские гортанные и другие отличия в согласных. Возможно, в последние годы прослойка восточных евреев, произносящих гортанные **хет** и **айин**, увеличилась, но что касается прочих согласных, ашкеназский фильтр подействовал на всех образованных людей.

Однако в случае с гласными в израильском иврите, наоборот, с успехом действовал сефардский фильтр. Все библейские гласные произносятся с помощью пяти основных гласных – **а**, **э/е**, **и**, **о**, **у** – вместо восьми гласных и дифтонгов в ашкенозисе, десяти огласовок в каноническом библейском тексте (или семнадцати по-разному произносимых гласных в Словаре английского языка издательства «Рэндом Хаус»). Ашкеназские носители языка приняли эту минимальную «сефардскую» норму частично из-за ненависти к дифтонгам **ай**, **ой**, **ей**, символизирующим диспорные причитания (**ой вей**, **ай-ай-ай**, **ой-ой-ой**), частично чтобы создать более сухую, деловую, рациональную и «монотонную» интонацию, а главным образом потому, что они приняли верховенство «чистого» сефардского языка без всякой задней мысли. В результате такого максимального сокращения в израильском иврите около половины гласных в среднем тексте составляют **а**; например, то, что в ашкеназском иврите произносится как **хазОке** (**а-О-е**), в сефард-

ском превращается в **хазакА (а-а-А)**. Таким путем удалось достичь простоты, но было утеряно богатое разнообразие, та «культура языка», которая приучает говорящего к тонкостям и нюансам и служит основой для поэтической музыкальности. Еще хуже оказалось то, что большинство народа, включая даже поэтов, не знает, как правильно расставлять знаки огласовки, неотъемлемые в Библии и в поэзии, потому что различия гласных, сохранявшиеся в ашкеназском иврите, стерлись из израильской речи. (Большинство издательств нанимают специалиста-«огласователя» (накдан), который расставляет огласовки в поэтических текстах и в книгах для детей.)

Итак, израильский иврит объединяет набор ашкеназских согласных и сефардских гласных – в каждом случае это минимальный набор.

Аналогичный процесс произошел и с ударениями. Так называемое «сефардское» ударение полностью искусственное и никогда не использовалось в таком виде в живом разговорном языке. Что касается ритмического баланса в длинных словах, доминирующее в Библии ударение в конце слова оказывалось возможным там, где в середине слова существовала ритмическая вариация другого рода, а именно чередование долгих и кратких гласных. На самом деле именно это чередование долгих и кратких – в гораздо большей степени, чем ударение на последнем слоге, – лежало в основе размеров ивритской поэзии в средневековой Испании. Великий лингвист Роман Якобсон вывел общее правило для всех языков: когда в языке исчезает различие гласных по долготе, ударение переходит от краев слова к его середине. Но в ивритском произношении различие между долгими и краткими гласными под влиянием других языков исчезло во всех диалектах в то время, когда язык не был разговорным и естественные процессы в нем не происходили. В ашкеназском иврите, возможно из-за его сильной встроенности в разговорный идиш, произошел такой переход ударения на предпоследний слог. Но в искусственном «сефардском» (или, скорее, сирийском) чтении иврита обязательное ударение на последний слог сохранилось – что совсем не характерно для живого языка ладино или для сефардских баллад. В результате «сефардское» ударение часто падает на конец длинного слова из трех или даже четырех слогов, не имея ритмического баланса в середине, и, чтобы удержать все слово, необходимо строго выделять его в произношении.

Живой израильский язык принял эту искусственную норму для традиционных словоформ, но сбалансировал ее, сильно расширив группы слов с ударением на предпоследний слог: имена собственные, эмоциональные и сленговые выражения и иностранные заимствования. Большинство личных имен просто произносят с ударением на предпоследнем слоге, даже если формальная модель предполагает ударение на последнем слоге: **ДАвид, САра, МеНАхем, МЕир** и даже **ИтАмар**, – хотя, если следовать Библии, ударение в них должно падать на последний слог. В использовании неивритских слов израильский иврит следует идишской модели, которая заимствовала большинство интернациональных слов с ударением на предпоследнем слоге и в женском роде: **гимНАсия, траГЕдия, коМЕдия, филарМОнит, симФОния** (хотя основной иностранный язык, который сейчас влияет на иврит, а именно английский, склонен к ударению на третьем слоге с конца: **TRAGedy, COmedy, SYMphony**). Аналогичная модель, истоки которой лежат в Восточной Европе, применяется к словам, напрямую заимствованным из западных языков: **телеВИзия, каСЭта, экзистенциАЛИзм** (хотя во французском языке ударение падает на последний слог: **existentialISME**, а в английском – на четвертый с конца: **existENTIALism**); и к таким прилагательным, как **баНАли, реАли, элементАри, попуЛЯри** (все эти слова отличаются от исходных английских **BAnal, POPular, eleMENTary**). Однако в иностранных словах, у которых в идише (как и в немецком) ударение падает на последний слог, в иврите оно переходит на третий с конца, как в русском: **ПОЛитика, ФИзика, МУзыка, униВЕРсита** – положение ударения, практически неизвестное ивриту в других случаях.

Эта модель, возможно, пришла из языковых привычек иммигрантов из Восточной Европы. Но потом она стала продуктивным способом заимствования иностранных слов в иврите. Поскольку большинство этих слов с ударением на предпоследний слог заканчиваются на **а** и тем самым автоматически принадлежат к женскому роду, доля существительных женского рода в языке – без них весьма скромная – существенно увеличивается. Более того, с этими существительными согласуются прилагательные и глаголы, которые тоже приобретают женский род и ударение на предпоследнем слоге. В стихах и песнях язык часто смягчается и приобретает тенденцию к чередованию мужских и женских рифм; отсюда большое количество существительных женского рода, допускающих ударение на предпоследнем слоге, в поэзии и песнях: **оМЕрет – хоЗЕрет, оХЭвет – нилХЭвет, симлотЭйа – хиштаГЭа** и т. д. Женские модели также популярны в неологизмах, таких как **тайЭсет, раКЭвет, матКОнет, мишМЭрет** (эскадрилья, поезд, рецепт, смена). И вдобавок эмоциональный акцент может сдвигать ударение в слове к началу. Так, общее ощущение языка побуждает отказываться от сефардского ударения на последний слог.

Это не просто вопрос фонетики, он придает специфический характер израильской речи и носителям израильского иврита. И кроме того, это основная модель всего возрождения в Эрец Исраэль: идеологическое решение и энергичное насаждение новой модели поведения, радикально отличающейся от диаспорного прошлого, сопровождается подтекстом старого поведения, которое со временем проявляется вновь – еврейское появляется из-под ивритского.

Занятие 4. Языки Иерусалима в подмандатной Палестине и государстве Израиль (с 1922 до сегодняшнего дня)

Текст №1

Признание статуса иврита как один из трех официальных языков Подмандатной Палестины (1922)

The Palestine Mandate

The Council of the League of Nations:

Whereas the Principal Allied Powers have agreed, for the purpose of giving effect to the provisions of Article 22 of the Covenant of the League of Nations, to entrust to a Mandatory selected by the said Powers the administration of the territory of Palestine, which formerly belonged to the Turkish Empire, within such boundaries as may be fixed by them; and

Whereas the Principal Allied Powers have also agreed that the Mandatory should be responsible for putting into effect the declaration originally made on November 2nd, 1917, by the Government of His Britannic Majesty, and adopted by the said Powers, in favor of the establishment in Palestine of a national home for the Jewish people, it being clearly understood that nothing should be done which might prejudice the civil and religious rights of existing non-Jewish communities in Palestine, or the rights and political status enjoyed by Jews in any other country; and

Whereas recognition has thereby been given to the historical connection of the Jewish people with Palestine and to the grounds for reconstituting their national home in that country; and

Whereas the Principal Allied Powers have selected His Britannic Majesty as the Mandatory for Palestine; and

Whereas the mandate in respect of Palestine has been formulated in the following terms and submitted to the Council of the League for approval; and

Whereas His Britannic Majesty has accepted the mandate in respect of Palestine and undertaken to exercise it on behalf of the League of Nations in conformity with the following provisions; and

Whereas by the afore-mentioned Article 22 (paragraph 8), it is provided that the degree of authority, control or administration to be exercised by the Mandatory, not having been previously agreed upon by the Members of the League, shall be explicitly defined by the Council of the League Of Nations;

confirming the said Mandate, defines its terms as follows:

(...)

ART. 22.

English, Arabic and Hebrew shall be the official languages of Palestine. Any statement or inscription in Arabic on stamps or money in Palestine shall be repeated in Hebrew and any statement or inscription in Hebrew shall be repeated in Arabic.

ART. 23.

The Administration of Palestine shall recognise the holy days of the respective communities in Palestine as legal days of rest for the members of such communities.

Текст №2

Вы знаете, кто я такой?	הַתְּדַעוּ מִי אֲנִי?
Знаете ли вы?	הַתְּדַעוּ מִי אֲנִי?
Я не сионист в фраке,	אֵין אֲנִי פְּרֻקְצִיּוֹנִי
И тоже не буржуй.	וְאֵף לֹא בְּרֻגְנִי,
Я также не социалист,	וְגַם לֹא מוֹפָס הַנְּגִי,
и не британский солдат.	וְגַם לֹא אִישׁ צָבָא;
Знаете ли вы, кто я такой?	הַתְּדַעוּ מִי אֲנִי?
– Я из батальона защитников языка.	מִגְדוּד מְגַנְי הַשָּׂפָה!
Еврей, говори на иврите!	יְהוּדִי, דַּבֵּר עִבְרִית,
На языке твоего народа и твоей страны!	שְׂפַת עַמְּךָ וְאַרְצְךָ!
Еврей, вспомни постоянно,	יְהוּדִי, זְכֹר תָּמִיד
что иврит, это твой язык!	כִּי עִבְרִית הִיא שְׂפָתְךָ!
У нас нету партий,	מִפְּלִגּוֹת אֵין לָנוּ;
и также нет планов.	אֵין גַּם תְּכְנִיּוֹת,
Мы соединенные	מְאַחֲדִים אֶנְחֵנוּ
Чтобы бороться на всех фронтах.	עַל כָּל הַחֲזִיתוֹת.
Идите за мною, идите,	בּוֹאוּ, אַחֲרַי, בּוֹאוּ,
Будущее наше.	שְׁלֵנוּ הָעֶתִיד
Ведь наш пароль:	כִּי סִסְמָתָנוּ:
Еврей, говори на иврите!	יְהוּדִי, דַּבֵּר עִבְרִית!
Еврей, говори на иврите!	יְהוּדִי, דַּבֵּר עִבְרִית...
Мы евреи! Это всем известно.	יְהוּדִים אֶנְחֵנוּ;
Если бы мы не существовали,	יָדוּעַ לְכֻלָּם,
Не существовал бы свет!	בְּלִעְדֵינוּ אֵנוּ -
Иврит, наш язык,	לֹא יִתְקַיֵּם עוֹלָם!
Мы им гордимся,	עִבְרִית הִיא שְׂפָתָנוּ
И на наших противниках	
Нам наплевать!	בֵּה אֲנוּ דוֹגְלִים
	וְעַל כָּל מִתְנַגְּדֵינוּ
	אֲנוּ מְצַפְּצָפִים!
	יְהוּדִי, דַּבֵּר עִבְרִית...

Текст №3

“How German built the Hebrew language?”, Haaretz, 17/02/2010

When an Israeli gets out of bed on a dark morning, she will flick on a light *Schalter* (switch in English) and wash down a *Biss* (bite) of toast with a *Schluck* (sip) of coffee – all Hebrew words that stem from the German language.

After breakfast, an Israeli driving to work must occasionally using the car’s Winker (from German word Blinker, or indicator) or the Wischer (windscreen wiper) if it rains.

Many words in Hebrew entered the language through German immigrants who arrived in Israel in the last century.

Israeli linguist and journalist Ruvik Rosenthal distinguishes between words that originated directly from German and those that found their way into Hebrew from Yiddish, a German dialect once spoken in Jewish ghettos across Central and Eastern Europe.

“It’s mainly in the worlds of construction, engineering science and architecture that almost all (Hebrew) words have their origins in German,” says 64-year-old Rosenthal, whose own parents came from Germany.

The vocabulary arrived in Israel particularly during the Fifth Aliyah, or wave of immigrants, in the 1930s when German Jews fled persecution under the Nazis.

Yiddish developed as a fusion of medieval German dialects with Hebrew, Slavic and other languages, a reflection of the migrating Jewish diaspora. The German words that have filled gaps in Hebrew are a result of the migration of Jews from Europe into what became modern Israel.

An Israeli who works on a building site may use a Spachtel (German for trowel) or will cover an exterior with Spritz (plaster, literal meaning spray). An Israeli construction worker will use German words such as Isolierband (duct tape), Beton (concrete), Gummi (rubber), Dibel (from the German word Dübel for dowel), Leiste (ledge) and Schieber (slide).

Many technical terms in Hebrew such as Schnurgerist and Stichmass, however, are not familiar to the majority of native German speakers.

An Israeli electrician will talk about Erdung and Kurzschluss (grounding and short circuit) but with a strong Hebrew accent. A German would not need a dictionary if visiting a mechanic in Israel as almost every term would be familiar. Even Arab-Israeli mechanics use German words such as Kupplung, Kugellager and Drucklager to refer to car parts.

German Jews played a major role in the organization of Israel’s educational system, which accounts for the many German words found in Israel’s schools and universities. Small children go to Gan Jeladim (derived from Kindergarten), and students are taught the Spagat (the split) in gymnastics.

In summer, a child will offer a friend a Leck (lick) of her ice cream, and if she gets her clothes dirty, the girl may hear a Fuyah (derived from Pfui, the German expression for yuck) from her mother.

Elderly Israelis need an afternoon snooze called a Schlafstunde (sleep hour) to get back in the swing of things (in Schwung) and keep them gesund (healthy). They may develop a condition that has a German name such as Hexenschuss (a slipped disk) or Plattfuss (flat feet). A doctor will write out a Rezept (prescription) for a minor ailment.

“Most Israelis are not aware that many Hebrew words are German in origin,” explains Rosenthal. Even the at sign (@) used in email addresses has a German name in Hebrew: Strudel. An Israeli engineer gave the symbol this name in the 1960s because it reminded him of the traditional Viennese Strudel desert.

Rosenthal, who has drafted several dictionaries that document the German component in modern Hebrew, says that as many as 300 German words are used in everyday speech in Hebrew, aside from the several hundred words that have their origin in Yiddish.

A century ago, German was so dominant as an international language of science that it almost set off a “war of languages” among Jews living in the former Palestine.

The German Jewish aid agency Deutscher Juden decided in 1913 to use German as the official language in the first technical high school for Jewish immigrants in Palestine. This sparked a wave of anger among Zionists who considered Hebrew to be the language of the Jewish people in their home country. Pressure from the school’s donors led to the decision to teach through Hebrew even though the biblical language had a very limited range of technical terms in its vocabulary.

Even today, visitors to Israel will be hard pressed to avoid the German language’s influence on the country’s streets.

Текст №4

Идишизмы, аравизмы и вульгаризмы в современном иврите: Давид Гроссман, Книга интимной грамматики, глава 1

אהרון התרומם על בהונותיו, להיטיב לראות את המתרחש למטה, את אביו ואמו יוצאים לנשום קצת אוויר בסופו של יום השרב. קטנים כליכך מכאן. טעם אבק התריס על שפתיו ובאפו. עיניו מבריקות. לא יפה להסתכל עליהם ככה. איך ככה. ככה מלמעלה. הם ממש זעירים מכאן. כמו שתי בובות. אחת גדולה ושמנה ואיטית, והשניה קטנה וכולה מחודדת. לא יפה ככה. אבל גם מצחיק. ומה שמצחיק גם מפחיד קצת. ובעיקר מרגיז שגם צחי וגדעון, לידו, רואים אותם ככה. אבל להינתק מן המראה הוא לא יכול. **יאללה**, בואו כבר, רוטן צחי, אפו העבה פחוס אל התריס, ההיא תיכף תחזור ואז זה הסוף שלנו פה. תסתכלו, לחש אהרון, הנה גם גרוש־חצי יוצאים. הוא עוד מעט ימות, אמר גדעון, תראו כמה הוא צהוב, קמינר, אפילו מפה רואים שהוא ימות.

אמא ואבא עמדו לדבר עם אסתר ואביגדור קמינר מכניסה א'. אל תשאלו איזה עיניים זה, נאנחה אסתר קמינר. עץ התאנה הענק שעל המדרכה הסתיר וגילה אותם חליפות, והשיחה הגיעה שבורה לחלון הקומה השלישית. בנס הוא חי, אמרה והניעה את ראשה, שהגיע עד לחזהו של בעלה הגבוה, ואמא ציקצקה בלשונה ואמרה, רק לא ליפול בידיים שלהם, הרי הם צריכים אותנו רק בשביל להתלמד לדיפלומה שלהם, ובינתיים חותכים אותנו לחתיכות קטנות: ואביגדור קמינר הקיפה, שראשו כפוף תמיד, עמד מן הצד ושתק, ובפנים חתומים הביט באשתו הפטפטנית, ברגליו העבות של אבא שהמכנסיים הקצרים מתפקעים עליהן, בטור של נמלים גוררות חיפושית הפוכה – וכמה שכל זה יקר, קוננה אסתר קמינר, כל התרופות והדיאטות וזה שצריך לנסוע **בטאקסי-ספיישל** אחרי הדיאליזה: נדמה לי שלקמינר **כבר** אין סבלנות לחכות שבעלה ימות, אמרה אמא לאבא כשהמשיכו בדרכם, אהרון ראה את שפתיה נעות וידע שזה מה שאמרה, הוא כבר עולה לה יותר מדי, ואפשר לחשוב מי מחכה לה בתור אחריו, הרי חוץ מכל הנדוניות שיש לה מזמן, כעת גם השיער שלה נושר לגמרי, וכמה שהיא לא עושה הלוואה-וחי-סכון כבר רואים לה חתיכות שלמות מהראש. אבא תמיד מהנהן כשהיא מדברת, וגם אחרי שהיא משתתקת, ועכשיו הוא רוכן לסלק משהו מהמדרכה, עיתון ישן או קליפה של פרי, קשה לראות מכאן, ואמא עומדת זקופה, מסתכלת בו. רק אל תיגע בי בידיים מהטינופת הזאת, בוודאי אמרה לו, כי הגב שלה השתמט מן היד שלו, ותסתכל מי בא. אהרון ראה את החיוך החמוץ על שפתיה, נראה אם בכלל יגיד לנו שלום הסנוב, שלום אדון סטרשנוב, מה שלום הגברת?

הנה אבא שלך בא, אמר אהרון בלי גוון בקולו. **יאללה**, בואו נלך מפה, לא מש גדעון מן התריס: אביו. לבוש בהידור, כדרכו. מכנסי טרילין ועניבה גם בשרב הזה. בהילוכו המרקד מעט עבר ליד אבא ואמא, הינהן, פיו הקטן הברשני, הקפוצ'ן תמיד, התעקם לרגע בהבעה של רתיעה, זה השלום שלו, לא נאה לו, אבל אבא נדחף לפתע לעכב אותו מעט, "חוזרים מהזה... מהאוניברסיטה?" ואביו של גדעון עיווה שוב את שפתיו, אני הולך, אני הולך, לחש גדעון לעצמו בלי קול, ההבעה הזו הקדימה אצל אביו כל דיבור, כמין כיחכוח של נפש מרירה, הוא הימהם משהו כלפי אבא ואמא, וניפנה ללכת: אפילו בשביל לאוורר קצת – הו! הו! – הוא לא פותח את הפה שלו, הדוקטור, ה**טייליגנאט**, שגרוש הוא לא מביא הביתה, ואשתו צריכה לשבור את האצבעות בהדפסות, רטנה אמא בלב, אבל בירכה את מר סטרשנוב לשלום בנימוס ובמאור-פנים, נסוגה מעט, כאילו מפני צינה שליוותה אותו.

"אריק, תזכור שאמרתי לך שצריך להסתלק," אמר גדעון ורחק מן התריס. "אבל עוד לא ראינו כלום," לחש אהרון, "מה נבהלתם לי שניכם?" צחי וגדעון הביטו זה בזה. "שמע, אריק," התחיל גדעון בזעף, מביט אל קצות סנדליו, "האמת היא... כבר רציתי להגיד לך קודם, לפני שנכנסנו - "לא עכשיו!" התקצף אהרון ופניו הקטנים, מחודדי התווים, האדימו, "עכשיו נעשה בדיוק כמו שחשבנו!" והוא חזר ופסע לתוך החדר, שעתה נראה מופלא אף יותר, וצחי וגדעון צעדו אחריו באי-רצון, אבל גם הם שבו ונכבשו בן-רגע לאותה נשימה חרישית של הדירה הגנובה, ובדומיה פסעו על השטיחים והשטיחונים הרכים שנימרו את הריצפה, חלפו בצידוד-גוף ליד הלווייתן השחור – הפסנתר הקודר שמלך על הסאלון כולו בלסתות פעורות! מי היה יכול לשער שבלב השיכון שלהם, בין הדירות הצפופות, המהבילות כנזיד, צפה לה חרש קוביית-קרח כחלחלה שכזו. אהרון הצביע באצבע זהירה על שלושת הכושים הדקיקים, השנהביים, שהיו על מדף של כוננית הספרים, ואחר-כך התעכב מול קבוצה של פסלי עץ קטנים, שניצבו יחדיו, כמין קהיליה-לעצמה, על שידה בפינת החדר: גברים ונשים עירומים אוחזים ידיים תוך כדי ריקוד, נער יושב ומשעין את סנטרו על ידו, טורסו שכולו חמוקים נשיים – והירהר בגיטרה שלו, שכבר חצי שנה שוכבת בנרתיק, סדוקה ומיתריה קרועים: הוא לימד את עצמו לנגן, הוא ניגן יפה כליכך, יוכי אחותו אמרה שיש לו בעיניים אור של זהב כשהוא מנגן. כעת הם לא רוצים לקנות לו חדשה, ועד הבר-מיצווה יש לו עוד שנה וחצי, וגם אז יש להם תוכניות אחרות בשבילו. ברוגז פסע לאורך הקירות, עצר, וידיו על מותניו, מול תמונה גדולה, טירה יצוקה על גוש אבן וצונחת אתו אל תוך ים, גם כן ציורים יש לה זאת, שום דבר אי אפשר להבין בציורים כאלה, הימהם ושילהב את עצמו, תסתכלו על זה, כאילו **איזה לא-נורמלי** צייר לה אותם. גדעון הבליע באי-רצון שאבא שלו קורא לזה, **יעני**, אמנות מודרנית,

ואהרון דימה לשמוע את צמד המלים בפי אביו של גדעון, איך הן בוקעות דרך השפתיים ההן, הייתי לוקח פטיש ומפוצץ את התמונות האלה עם הקירות, התגעש פתאום ושני חבריו הביטו בו, סתם מרמים את הפנךם, סתם! אומרים שזה אמנות וזה רמאות! וכשהרגיש בתוכו איזה צליל חלול, לא מכוון, בעט לחיזוק דבריו באחד הפאנלים, ונסוג בבהלה: נדמה לו שהפסנתר נוהם באזהרה.

אז בואו נסתלק, התלונן צחי ביבבה, כבר ראינו מספיק: לא ראינו כלום ועוד אין לנו הוכחה, השיב אהרון בלי לשעות אליו: זה סתם שטויות מה שאתה אומר שאין לה צל, המשיך צחי בקול חדגוני; בטח שאין לה צל, אמר אהרון בפיוזר-דעת, מתבונן בספרים שהיו על מדפי הספרייה, כרכים גדולים ושמנים, כתובים אנגלית. עובדה שאף פעם לא ראינו אותה בלי שמשיה בקייץ ומטריה בחורף, עובדה שבתצפיות היא הלכה רק לאורך צל של בתים וגדרות או עצים, ככה היא מרמה את כולם: צחי נחר ברוגז, מדשדש מרגל לרגל ומצמידן זו לזו במצוקה. פניו הגדולים, כתפוח-אדמה קלוף שנקבעו בו עיני חרוז שחורות, הפיקו רוגז ואיבה לאהרון. הוא צעד אל התריס וקבע את עיניו בין החווקים, ונרתע.

אהרון, שחש בתנועתו, מיהר להביט. למטה, מבין עלי התאנה, גח ויצא גבר שמנמן, רפוס מראה, ובחן את סביבותיו. גדעון קרב אף הוא אל התריס. האיש פסע אל מכונית פיאט זעירה וירוקה ופישפש בכיסיו אחר המפתחות. אפילו שהיתה זו הפעם הראשונה שאהרון ראה אותו, ידע מייד מיהו וחש איך לבו דופק. כשהיה בן עשר שמע בפעם הראשונה שלאמא של צחי, מלכה קְמִיטְנָקָה, יש מישהו מהצד. בימים ההם עקב אחריה בחשאי, והביט בה בתשומת-לב בכל פעם שיצאה מהבית, ולא ראה שיש לה מישהו מהצד. ההוא סידר את חגורת מכנסיו, החליק על שערו הדליל ונכנס למכונית. השפתיים של צחי מילמלו כל העת, אולי קילל, אולי צעק בלב עד אפריקה לאבא שלו, שיעזוב שם מייד את ה**בולדוזר**, שהוא עובד עליו בשביל 'מקורות' ויחזור **בשיא הקְסִיד** הביתה. שלושתם לא זזו מן החלון גם לאחר שהמכונית נסעה לדרכה, ואהרון חש קמיטה של צער על שגם גדעון ראה את ההוא-מהצד, כי ידע כמה גדעון ביישן ואצילי בעניינים האלה, אף פעם לא דיברו ביניהם על הדברים הגסים, וכשצחי היה מקלל, או מספר את הבדיחות שלו, צחקו גדעון ואהרון בנימוס ולא הביטו זה בזה. דקה עברה, ואולי עוד אחת, ועדיין עמדו שם, חוששים לשגות בתנועה לא נכונה או בדיבור, עד שאמא של צחי יצאה למרפסת, מסדרת את החלוק שלה, וקראה לצחי לבוא לאכול. קולה היה צרוד מעט ומר. היא מאכילה את הילד צהריים בחמש בערב, אמרה אמא כשחלפה על פניה הפיאט, לבר-מיצווה אני לא מזמינה אותה, חסר לי שהיא תלחץ לי את היד ישר מההוא. היא קוראת לך, אמר אהרון בשקט. לא ענייך, נהם צחי, אני לא רעב, בואו נחפש עוד.

עוד כמה רגעים שוטטו בלי קול בחדר-האורחים האפלולי של עדנה בלום, נוגעים-לא-נוגעים, ואחר-כך, כאילו לא בכוונה, כשלושה דגיגים בשיבולת נהר, החלו נכנעים לכוח יניקתו של המסדרון הצר שלה, נמשכים בו לאורכו עד לחדר-השינה שלה, נפוצים בתוכו בדממה, שולחים נגיעות חטופות במיטה המוצעת בקפידה, במראה העגולה, בשולחן הטואלטה המעוטר, בכיור הזעיר שהותקן שם בחדר... גרב ניילון ארוך נח ברפיון על כיסא עגלגל. צחי הביט בגדעון וגדעון הביט בצחי, ואיזו בהרת אדמדמה עברה לאורך פני שניהם, אבל אהרון לא ראה דבר מכל אלה ולא נגע בכלום, כי הוכרע מייד כליל תחת תמונה ענקית, שהתמשכה כסיפור-מעשה מסובך לרוחב חצי קיר. צחי רמז לגדעון, 'סתכל אותו', וגדעון העיף מבט בתמונה ובאהרון, ומיהר אליו ומשך בידו, בוא, אריק, אתה מסתבך שאתה נשאר פה, ואהרון ניער מעליו את ידו ברישול, ועמד ובהה בסוס הנעקד לאחור במרכז התמונה. הוא הרגיש איך שלא מרצונו גם שפתיו שלו נפשלות מעל שיניו במאמץ הנשימה הנעתקת: זה סתם, זה אמנות מודרנית: אבל עיניו כמעט יצאו מחוריהן עם עיני הסוס הנחנק, וכמו שטובע אולי מבין שהים כולו נשפך לתוכו, הבין את התמונה הגדולה. תראה אותו, את אריק, איך שהוא נשתל שם. אריק, אריק, אבל מבטו התרחב לאט, במאמץ, ועתה ראה גם את האיש השוכב מת למרגלות הסוס, ידו אוזנת בחרב ופיו פעור בזעקה: ראה את דמות הפר, שעיניו אינן נמצאות במקום הנכון, ובכל-זאת, הן היו נכונות יותר מן העיניים של הטבע: אחר-כך ראה את המעונים, את רצוצי הגוף, ולב-סוף מצא גם את האשה, הוא הרגיש שהיא תהיה שם עוד לפני שראה אותה, נוהרת, נושאת לפיד. לרגע אחד עוד ניסה לגנון על עצמו, מפני מה, מסתם ציור, סתם אמנות, **יעני**, הוא צעד בכבודות לאחור, יצא מן החדר בפסיעות קפואות, איפה הם שניהם, איך ברחו והשאירו אותי לבד שם, ומצא עצמו שוב מול התמונה, וחזר ושקע לתוכה, שום דבר פה לא כמו שציור צריך להיות. אפילו אני יודע לצייר פרצופים ואנשים וסוסים יותר נכונים. אך מראה טרי היבהב בו להרף-עין – איש קיפה, ידיו שמוטות, עומד כפוף, כאילו מקופל בקצה כמו דף של אתמול ביומן-שנה, מביט מן הצד. אפילו שור אני יכול לצייר יותר טוב אחרי כל הפרות שהעתקתי מהעטיפות של 'פרה ירוקה'. אבל דמעות ניקו בעיניו, איטיות, שגמלו, אולי, בשקד-מעות נפרד ומוצנע. מה קורה לך, **טמבל**, מה אתה בוכה כמו ילדה. אני לא בוכה. אם אבא היה רואה אותך עכשיו. כן כן, אני יודע.

הוא היה עושה לך את הנחירה ההיא. שיעשה. הוא היה אומר לאמא, שיגיד, אהרון עוד יהיה לנו א-מָן! **טיליגְנאט!** גדעון קרא לו בקוצר-רוח מן הדלת. כבר אינו יכול לסבול את השהיה בבית הזה. אהרון לא השיב. איך-אונים תעה מבטו של גדעון על פני הסאלון האפלולי, נתקע לרגע בקונכייה גדולה, ורודה, שפתנית, שהיתה מונחת על השידה, מאיפה היא קנתה את כל הגועל-נפש האלה, בלבו נהם אל אהרון שיבוא כבר, יתפסו אותנו, כמעט ברח, עצר, החזיר מבטו בתימהון אל הקונכייה שנראתה לו לפתע כיצור חי שחושק שפתיו בקושי סביב משהו השרוי בחשיבה בתוכו, "הלכתי", צעק בלבו ויצא משם

במהירות, מדלג שלוש־שלוש במדרגות, צחי מיהר אחריו, מתנער מן המועקה שעוררה בו הדירה של הזלמנית הזאת עם התמונות שלה והרהיטים שלה, שנראים כאילו זכוב עשה אותם, ושניהם יודעים שתיכף יחטפו מנה מאהרון על הפרת ההוראות.

אבל אהרון נשאר. בזהירות ניער אחד מכדורי הזכוכית שלה, שלג חרישי ירד על מטפס־הרים בודד ועצוב, ואהרון השתהה לידו עד ששככה הסופה. על מדף ארוך, ליד דלת הכניסה, ניצבו בובות מהודרות, לבושות בגדים לאומיים, בובות כאלה יש גם אצל שימק ואיטקה שנוסעים הרבה לחו"ל, אבל פה היתה תערוכה שלמה, חיילים גנדרניים מיוון ומסקוטלנד ושומרי־המלכה מאנגליה, ושוטרים מתורכיה ומצרפת, צבא בינלאומי; ומדי פעם, כאילו במיקרה, היה חוזר אל התמונה. עומד לפניו פשוט ידיים, בעיניים פקוחות, בעיניים עצומות, עם הפנים, עם הגב, מוסר את עצמו, וכשהרגיש שזה כבר עד לעיניים מגיע, היה נסוג בתנועות מיוחדות, כאילו הוא רוקד ויוצא לרגע מבימה גדולה ומוארת, והולך קצת בחדרים האחרים, תועה שם, אובד, ברדלס, מרגל, נתקל בעצמו במראה, מתגרד, כל העור עוקץ לו מהתמונה, מעיף מבט מאחורי כתפו, פתאום היתה לו הרגשה שהיא ירדה לה מן הקיר ובאה אחריו, וכשמסתכלים כאן, למטה, רואים פרח צומח מחרב שבורה בידו של אחד המתים, וגם, שהתמונה בעצם מלאה עיניים, ומהר להתרחק, ושוב כל הגוף עוקץ.

הבית של עדנה בלום היה לו טהור. תסתכל על הפאנלים שלה, אמא רוקקת בתוכו, תסתכל איזה אבק בכל מקום, בשכונת מוסקרה היו מתביישים ככה. אבל האבק שכאן נראה לו קמח כוכבי דק, שנח על בית מכושף שבו בתרדמה, עד שיבוא אביר ויבקע את הדומיה הזאת, ואז – אהרון הצטמרר, חיבק את עצמו בזרועותיו.

לפני המקרר עצר לרגע. היסט. הרי מקרר זה לא ארון שפותחים וסוגרים מאה פעם ביום. אם אתה צריך משהו משם – תבקש ממני. חזק אחז בידית ופתח, ונדהם. מקרר רעב, דיבר אליו קולה החד: מקרר של צמחונים. מיטבח של רווקה. איך אפשר ככה. ואיך באמת אפשר, הרגיש בכל נימי נפשו, איך ככה, ריק, לבן, ואיפה הבשר והעופות והביצים ובקבוקי החלב, ואיפה הנקניקים והירקות והפירות, ואפילו התרופות ובדיקות הצואה, ופה – כלום. כמה מלפפונים צנומים ועגבניות קטנות. צינצנת־שמנת ובקבוק חלב. ותפוח עטוף במפית. וגבינה רזה. ובכל־זאת – דווקא יפה. טהור. והוא עמד ובהה מול המקרר, ורצה לדעת עוד, עוד: ללמוד את השפה הזאת, הנזירית, שמסתפקת ברמז. אתה שוכח את עצמך. היא תחזור ותתפוס אותך פה: היא לא תעשה לי כלום. אביר שלי, סוף־סוף באת. משהו הצטלה בו. אפילו מיהר לשירותים והשתין שם ברווחה, ופתאום ידע שבמקום הזה אולי ירשה לעצמו גם לחרבן בלי חשש, מי יודע, וכדי לנסות את ההרגשה שילשל את מכנסיו וישב רגע, מתמתק ומתעדן לו, מניע בחדווה את רגליו הכרוכות במכנסיים הקצרים, והיתה עוד תמונה קטנה, מודבקת לדלת שם, שור כורע בזירה ואשה אחת מהקהל מלטפת אותו, כן, פה הוא יוכל בקלות, פה הוא יזרום ויזרום. אחר־כך הוריד את המים באדנות, מתענג על שצף המים באסלה בלי לחשוש שכל מיני גועל־נפש יצוצו לו משם.

לפני שיצא, ניגש לחלון והביט שוב דרך התריס, ראה את אבא ואמא חוזרים מטיול הערב, תיכף ייעלמו מתחתיו. והנה, כשכבר עמדו בתוך עץ התאנה, היא באה מולם, עדנה בלום, תברח, תברח, דקיקה, נעריית, שערה הצהבהב, הפלומתי, מבעד לעלי התאנה, זה הסוף שלך, עוד רגע, נראה אם יש לי עצבים, ערב־טוב גברת בלום, ערב־טוב גברת קליינפלד ואדון קליינפלד, את נראית עייפה, גברת בלום, את עובדת יותר מדי קשה, ככה זה, הרי צריך להתפרנס, גברת קליינפלד, אבל תראי איך את חיוורת, ראית איך היא נהייתה אדומה כשהסתכלה עליך; זה הכל רק בראש שלך, **הינדה־לה**, איפה אני ואיפה היא; את צריכה לעשות לך חיים יותר קלים, גברת בלום, הרי את עוד צעירה וכל החיים שלך לפניך, היא תיכף תאחר את הרכבת! היא עוד צעירונת, **הינדה־לה!** את הדברים האלה אתה תשאיר לי להחליט, מושה, אולי אתה רואה אותה צעירונת, אבל אני הרי מסתכלת אצלה בשיניים, ושיניים לא משקרות, והיא שלוש־ושמונה לכל הפחות: אולי היא בכלל לא רוצה חתונה וגברים: לא רוצה? היא לא רוצה? ראית איך הסתכלה עליך, איך בלעה אותך בעיניים בלי בושה, ועוד עושה את עצמה **לעמעלע**, כל רגע נראית כאילו הולכת להתעלף **פשי פשי**, אז ערב־טוב, גברת בלום, ובאמת תשמרי קצת על עצמך, חבל ככה: כן, את צודקת, נכון, וערב־טוב גם לכם: והיא נפרדה מעליהם, הוא ראה אותה מלמעלה, רחוקה, ענוגה, כעת יש לו רבע דקה בדיוק לצאת ולנעול במפתח־הגנבים שלו, אבל איך הוא יכול להתאפק מלהביט בה עד הרגע האחרון ואפילו אחרי זה, הנה היא נכנסת אל חדר־המדרגות, הנה היא עולה לקומה ראשונה, תברח. חכה.

כי אחרי שנפרדה מאמא ואבא היא הערימה עליהם, בפירוש הערימה: לא עלתה מייד הביתה, המתינה כנראה במבוא חדר־המדרגות עד שעברו על פניה והתרחקו אל הכניסה השניה, ואז חזרה בצעד זהיר, פחזני, ציפורי, לב אהרון עלץ, גם היא משחקת מישחק, גם לה יש סודות, ועמדה רגע ליד עץ התאנה הגדול, הענף, פשוט ידיים, נותנת את עצמה לעץ, כלתו הילדה, שאפה לתוכה את ניחוחו המתקתק, ועצמה עיניים ופקחה עיניים, והניחה יד דקה על גזעו העבה. אבל פתאום נרעדה. אבא היה לידה. הוא חזר. איך הרגיש. בזהירות קרב וניצב לצידה. עבה ומגודל ממנה פי שניים. שור ואנפה. ואיפה אמא. עלי התאנה הרחבים זעו וכיסו מעט וגילו מעט. מושה? נשמעה קריאה מרחוק. כתפי אבא נשתרגו וצווארו נסוג לתוכן. אחר הרים ידו ובעדינות נגע באחד הענפים. ענן של חרקים קטנים התעופף והתערסל באוויר. עדנה נרתעה. אבא לא הביט בה. והירהור משונה חלף באהרון, שאם אבא היה נכנס לכאן, לדירה הזאת, היא היתה מתבקעת סביבו. מושה, צעקה אמא שכבר עמדה

בחדר-המדרגות, המפתח בידה, לאיפה הלכת? "תסתכלי פה, גברת בלום," אמר אבא בהשתאות, והעלים רישרשו את דבריו עד לחלון הקומה השלישית, "אני כבר קודם היתה לי הרגשה." "איזו הרגשה, אדון קליינפלד?" היא הייתה מעט את ראשה, אבל לא הביטה בו. רדיד דק האדים בבת-אחת על עורפה הצחור, ורק אהרון ראה. "העץ חולה," אמר אבא בפשטות. עדיין לא הביטו זה בזה ודיברו דרך העץ. "התאנה שלי חולה?" לחשה עדנה בלום בפליאה ובצער. והרי העץ הוא של כולם, של השיכון.

כשחזרה אמא כעבור כמה רגעים, ראתה את שלושת הילדים ואת עדנה בלום עומדים ליד התאנה. די היה לה במבט אחד. משהו עכור סבב על קרקעית עיניה. פנתה כהיזקה ולא ראתה את אבא. אז נשאה פניה כלפי מעלה וגילתה את קרסוליו העבים והאדמדמים משתרבבים מבין הענפים בכפכפי הפלסטיק השחורים. ברוגז עצור קראה בשמו. ענפים ועלים זעו ורגשו, וראשו הגדול, השמשי, הפציע: "אל תשאלו מה יש פה, אמא'ילה," אמר לה, "כל העץ פצעים-פצעים, צריך לנקות לו." היא קפצה שפתייה. הידקה את צווארון חולצתה אל גרוגרתה. בתנועה חדה, כמי שמקפל אולר, סבה על עקביה, ועלתה הביתה.

David Grossman, *The Book of Intimate Grammar*, trans. Betsy Rosenberg

1

Aron is standing on tiptoe for a better view of the street below, where Mama and Papa have just stepped out to breathe some fresh air at the end of a long hot day. They look so small from here. He can taste the dusty metal of the blinds on his lips. His eyes glow. It isn't nice to watch like this. From above. They almost seem like dolls down there, a slow tubby one and a little snippety one. It isn't nice to watch, but it is kind of funny, and kind of scary maybe. The trouble is, Zacky and Gideon see them too. Still, he can't tear himself away. **Y'alla**, let's go, grumbles Zacky, his nose squashed flat against the blinds. If What's-her-name turns up now we're history. Hey, whispers Aron, here come the Kaminers. Old man Kaminer is going to die, says Gideon. See how yellow he is? You can tell.

Mama and Papa stopped to talk to the Kaminers from Entrance A. They flickered in and out of sight behind the spreading fig tree. Don't ask, sighed Esther Kaminer. Snatches of conversation drifted up to the fourth-floor window. Poor Avigdor – she shook her head – it's a miracle he's still alive, and Mama clucked her tongue: God help anyone who falls into a doctor's clutches. They chop you to pieces for diploma practice. Avigdor Kaminer, slouching as usual, stared blankly at his chattering wife. And you wouldn't believe what it's costing, she moaned, what with the medication and the dietetic food, and a **taxi** home every time after the dialysis. If you ask me, said Mama as she and Papa continued their stroll, she can hardly wait to be rid of him, he's getting too expensive for her – Aron saw her lips move and guessed what she was saying – and who does **La Kaminer** hope to hook after he's gone, with her hair falling out by the handful already, as if she didn't have enough of a dowry; she isn't fooling anyone with that savings-and-loan bouffant, the bald spots show a mile. Papa merely nodded as usual, distracted by a bit of litter on the sidewalk, a scrap of newspaper, a lemon rind. Don't look now, it's Strashnov, said Mama, her lips twisting into a sour smile. You think the snob will say hello? Hello, Mr. Strashnov, how's the family?

It's your father, said Aron flatly. **Y'alla**, let's go, said Gideon, transfixed at the window: his father, dressed to the nines in Terylene trousers, with a tie on, even in this khamsin. Mr. Strashnov nodded disdainfully and pursed his lips as he minced along. Well, that's a fine hello; thinks he's too good for us, does he? Papa blocked his way. Back from the whatsit ... the university? Mr. Strashnov pursed his lips again. Ha, he has to make faces before he'll talk, before he'll open his mouth and say hello, afraid to let in a little air, is he? And his wife has to take in typing and work her fingers to the bone, because Professor **Inallectual** can't earn a decent living, hissed Mama, waving goodbye and shuddering in his chilly wake.

Come on, Ari, let's go, said Gideon, backing away from the window. But we haven't seen anything yet, whispered Aron. Why're the two of you so scared all of a sudden? Zacky and Gideon exchanged glances. Look, Ari, said Gideon, staring down at his sandals, actually ... there's something I wanted to tell you before, before we broke in – Not now! fumed Aron, we'll go ahead as planned! And he strutted

back to the center of the room, with Zacky and Gideon reluctantly following him till they too fell under the spell of this raided sanctuary, this unsuspected ice cube in a block of steamy flats, and they tiptoed after him over the rug-checked floors, past the black leviathan of a piano in the salon; Aron pointed to a trio of ivory figures on the bookshelf, then paused to contemplate the statuettes on another shelf, a group of naked men and women holding hands as they danced, a boy with his chin resting on his hand, a curvaceous torso – and suddenly he remembered his old guitar with the crack down the middle and the strings all torn; he had taught himself to pick out tunes, his sister Yochi loved to hear him play, but Mama and Papa said he couldn't have a new one, his bar mitzvah was only a year and a half away and they had other plans for him. Aron paced resentfully and stopped in front of the painting with a castle carved out of a cliff that looked as if it might crash into the sea any moment. Her and her pictures, he muttered, hands on his hips, you've got to be **meshuggeneh** to paint like that. And Gideon said, Right, that's what my father calls "modern art." Aron could just imagine him saying those words. It's phony, it's ridiculous, I feel like taking a hammer and smashing it to bits, he ranted, kicking the wall for emphasis. And then he stopped: the piano seemed to rumble a warning.

Come on, squealed Zacky, haven't we seen enough already? No, and we don't have proof yet either, replied Aron, turning away. That was really dumb, what you said about her not having a shadow, said Zacky. Well, she doesn't, snapped Aron, surveying the book-lined shelves. Why else does she carry a parasol all summer, and what about the time we followed her, why did she slink behind the buildings and the trees? To fool us, that's why; Zacky snarled and shifted his weight, pressing his legs together in distress. His lumpish potato face glowered at Aron. Then he peeked through the blinds and recoiled.

Aron noticed and peeked out with him. Below, under the fig tree, was a heavysset man glancing anxiously over his shoulder. Gideon too peeked out. The man approached a small green Fiat and started fumbling in his pockets for the keys. Aron had never seen this man before, but with a pounding heart he knew who it was. Once he'd overheard a grownup say that Zacky's mother, Malka Smitanka, had someone on the side. He had started following her around, watching her whenever she went out, but he'd never caught a glimpse of the someone on the side before. Now the big man straightened his belt, smoothed his thinning hair, and got into the car. Zacky's lips moved in a silent curse, a scream of alarm that resounded all the way to Africa, where his father drove a **bulldozer** for Israel Waterworks. The boys stood frozen at the window. Aron was sad that Gideon had seen the someone on the side, his Gideon, who was so pure and noble; whenever Zacky told one of his jokes, he and Aron would laugh politely and look away. A moment passed, and they stood together in silence, afraid to budge, and then Zacky's mother stepped out on the balcony, wearing her bathrobe, and called him home for lunch. Lunch she feeds him at five in the afternoon, said Mama as the green Fiat drove by; we're not inviting her to the barmitzvah, and that's that. I will not shake hands with her after him. She's calling you, said Aron quietly. Mind your own business, growled Zacky, I'm not hungry, let's look around some more.

They lingered in the semidarkness for a while, and then slowly, like sprats in a stream, began to drift through the corridor into Edna Bloom's bedroom, where they circled quietly, past the neatly made bed, the ornamental mirror above her dressing table, the tiny basin ... and the nylon stocking draped over the chair. Zacky and Gideon peeked at each other, and bright red stains spread over their faces, but Aron noticed nothing, he had just been overwhelmed by a painting that went on for half the wall. **"Get a load of him."** Zacky signaled Gideon, who saw what was happening and quickly grabbed Aron's hand. Let's go, Ari, he murmured uneasily, you'll get in trouble if you hang around. But Aron only shook his hand off and continued staring at the fettered horse in the foreground, mimicking the lips that curled with strain; "Modern art" they call this crap? But his eyes bulged out with the gasping horse. Move, wake up! called Gideon, as Aron spotted the dead man under the horse, and then recognized the shape of the bull, only its eyes were in the wrong place, though strangely enough they looked right that way; and then he saw the tortured faces, the fractured bodies, and the woman

hovering in the background, lamp in hand. He tried to fight it, this “modern art,” and staggered out of the saton – Where’d they go, I’m stranded – but he found himself staring at the picture again, this is ridiculous, even I can draw a better horse, I can definitely draw a better bull, with all the practice I’ve had copying the label on Green Cow cheese. But suddenly there were tears in his eyes, big, slow drops from a secret well. What’s the matter, **dum-dum**, you’re crying like a girl? I am not. Are too. If Papa could only see you now! Who cares. Let him laugh at me. Let him run home and tell Mama. Little Aron’s going “artistic” on us, going **inallectual**!

Ari! Gideon called impatiently from the doorway. He was sick of waiting. But Aron didn’t answer. Gideon peered around the room till his eyes rested on an enormous pink-lipped conch adorning the shelf. Where does she find this sickening stuff, he sneered, thinking, Hurry up, she’ll catch us, as he nearly ran out, but stopped himself and turned to stare again at the baffling conch that seemed almost to come alive and squeeze itself around an invisible object. Goodbye! He was out of there, jumping three stairs at a time with Zacky close behind him, shaking off the **prissiness** of Miss Edna Bloom, her and her paintings and her matchstick furniture, but Aron, they knew, would yell at them later for running out on him.

Aron shook a fascinating paperweight, watched the snow falling on a lonesome mountaineer, and kept him company through the blizzard. By the entrance door there was a display of soldier dolls in uniform, the kind Shimmik and Itka collected from their trips abroad, only hers were arranged in a grand parade of trim guardsmen and mustachioed gendarmes, from Greece and Turkey, and England and France, like a great international army; and then, casually, Aron went back to the painting. First he faced it, then he turned away, then he turned back to gape at it some more, shutting his eyes, surrendering with open arms, backing off with a little dance, meandering like a lost panther, like a spy colliding with his mirror image, scratching where his skin tingled, glancing over his shoulder, what if it came off the wall and started following him, and a flower blooms out of the sword in the dead man’s hand, and suddenly you see the eyes everywhere, run for your life.

Edna Bloom’s had purity. Oho, just look at those surfaces, hissed Mama in his brain, look at this dust, but to him it was stardust, and someday a knight would come riding into this enchanted castle and break the spell, and then – Aron shivered and hugged himself.

He paused in front of the refrigerator. You think this is a cupboard you can open any time you like? If you want something, ask me. He pulled the handle. Amazing. Starvation corner, rasped Mama’s voice: a vegetarian refrigerator. A spinster’s kitchen. I tell you it’s unnatural! It is, he agreed, so white, so empty, no meat, no chicken, no salami, no medicine vials or stools to take to the clinic; there was hardly anything in there, except for a couple of shriveled cucumbers, a jar of sour cream, a bottle of milk, half an apple wrapped in a napkin, a bowl of cottage cheese. Yet in a way it was beautiful, unspoiled. He stood and stared, eager to learn more, the secret of her ascetic code. Are you crazy? She’ll be here any minute, she’ll catch you red-handed. No, she would never do anything to hurt me: My gallant knight, you’ve come at last. And then he hurried to the toilet and peed luxuriously, who knows, someday he might even bring himself to poop in here; to rehearse the possibility he pulled his pants down and sat on the toilet, all sweetness and light, dangling his trouser-bound legs; behind the door was another picture, of a kneeling bull and a beautiful lady stroking its back. Sure, why not, he could do it here. Masterfully he pulled the chain, smiled at the water swirling in the bowl. No fear of disgusting surprises in this toilet.

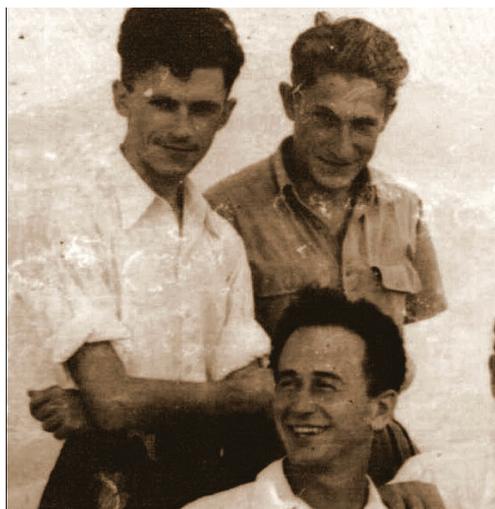
Aron took one last peek through the blinds. Mama and Papa were about to disappear into the house, but just as they reached the fig tree, Edna Bloom approached from the opposite direction, slender, boyish Edna Bloom, with her fuzzy yellow hair shining between the leaves. Okay, let’s see if you have any guts now. Good evening, Miss Bloom. Good evening to you, Mrs. Kleinfeld, Mr. Kleinfeld. You seem a little tired today, Miss Bloom. Well, I have to work for a living, Mrs. Kleinfeld. Yes, but

you're awfully pale. Ha, did you see that, Moshe, the way she blushed when she looked at you? Oi, **Hindaleh**, you're imagining things, a girl like her and a man like me. You should relax more, take things easy, Miss Bloom, you have your whole life ahead of you. Ha, any minute she'll miss the boat. What are you talking about, **Hindaleh**, she's just a girl. Allow me to be the judge of such matters, Moshe, to you she may seem young enough, but I looked at her teeth and teeth don't lie, she's thirty-eight if she's a day. So, maybe she isn't interested in men. Not interested? Ha! Don't you see the way she devours you with her eyes, the little **lemaleh**, butter wouldn't melt, **pshhhi, pshhhi** – Bye-bye, Miss Bloom, take care now. Yes, thank you, goodbye. And Aron watches her trail away; twenty-five seconds left to lock the door with his passkey, but he can't resist one last look, and now she's in the building, now she's walking up the stairs, now she's on the second floor, run for your life. Wait.

Because as soon as Mama and Papa turned their backs she played a trick on them: instead of walking up the stairs to her apartment, she waited in the hallway till they disappeared into Entrance B, and then, breathless and birdlike, she reappeared, and Aron's heart soared, so she too had tricks, she too had secrets, and she rested under the leafy branches of the fig tree, surrendering to it like a girlish bride, breathing in its fragrance, her delicate hand on the massive trunk. And suddenly she trembled. Papa was there. He had returned. How did he know? He approached the tree and stood beside her. A hunk of a man, twice her size. A bull and a crane. But where was Mama? The broad leaves rustled, concealing, revealing. "Moshe!" She called Papa from afar. Papa hunched his shoulders. Then he reached up and tapped one of the branches. A cloud of tiny insects swarmed through the air. Edna recoiled. Papa looked away. "Moshe!" shouted Mama from the hallway, key in hand. "Where did he go?" "See, I had this feeling, Miss Bloom," said Papa, his words fluttering up to the fourth-floor window. "What feeling, Mr. Kleinfeld?" She tilted her chin up but avoided his eyes. A blush spread over her smooth white neck, visible only to Aron. "The fig tree is sick," said Papa simply. Their eyes did not meet. They spoke through the tree. "My fig tree, sick?" whispered Edna Bloom, saddened, shocked, though the tree belonged to everyone.

By the time Mama came down again, all three boys were standing under the fig tree with Edna Bloom. A single glance was enough for Mama. There was something murky in her eyes. High and low she hunted for Papa, squinting suspiciously up at the tree. At last she caught sight of his fleshy red heels flopping around. Controlling her temper she called his name. The leaves fluttered, and Papa's sunny face popped out between the branches. "Oioioi," he greeted her. "This tree is covered with sores, **Mamaleh**, it needs a good wiping." Mama pursed her lips and squeezed her collar tight. Then she turned abruptly and hurried home.

Идишская литература в Иерусалиме и Иерусалим в идишской литературе

Материалы к мини-курсу Велвла Чернина

ИЕРУСАЛИМ

ירושלים

שטאַרבט אָפּ דעם טאָגס געזאַנג, טריפֿט באַלד ווי אָנגעצונדן,
די אַלטע פּראַכט פֿון אַלע גרויע שטיינער;
און גלאַנץ, וואָס איז אין טאָג, אין רושיקן פֿאַרשווינדן,
אַנטפלעקט אין שקיעה-פֿלאַם זיך געטלעכער און ריינער.

שטאַרבט אָפּ דעם טאָגס געזאַנג, און אין דעם ליכט דעם לינדן
בלען חורבות ניי פֿאַריונגט, ווי אויפֿגעלעבטע ביינער.
און רייטלען זיך די מויערן ווי רויזן און ווי ווינדן –
איז אייביקער פֿון דיר און מער געבענטשט ניט קיינער.

נאָר ווען אין גאַרבנטוי דאָס ליכט פֿון מאָרגן רייצט מיך,
און ווי אַ גרינער בוים, דער נייער טאָג פֿאַרפֿלייצט מיך –
מײַן שויםענדיקן בעכער הייב איך אים אַנטקעגן.
אוי, בשׂורה-לידער, קלינגט אויף אַלע ווייסע וועגן!
גלי אויף, דו רויטער טאָג, און שטייג אויף בערג פֿאַרגרויטע –
און מיט געזאַנג גיי, האַרץ, פֿאַרבײַ דעם טאָל פֿון טויטע.

Умирает напев дня, иссякает вот-вот, словно подожженное
Древнее великолепие всех седых камней;
И блеск, который есть во дне, в шумливом исчезании
Открывается в пламени заката еще божественней и чище.

Умирает напев дня, и прекрасном свете
Руины расцветают, заново помолодев, словно ожившие кости.
И краснеют здания, как розы и как раны –
И нет никого более вечного и благословенного, чем ты.

Но когда росистыми снопами утренний свет дразнит меня,
И как зеленое дерево, новый день затопляет меня –
Мой пенистый кубок я поднимаю ему навстречу.
Ой, песни возвещения, зазвучите на всех белых дорогах!
Воспылай, красный день, и вырасти на поседевших (посеревших) горах –
И с новым напевом, сердце, иди мимо долины мертвых¹.

¹ Этот и все остальные подстрочные переводы в этом разделе сделаны Велвлом Черниным.

Из поэмы «ДОЖДЛИВЫЕ ДНИ 1957 ГОДА»

Перевод Валерия Слущкого

גייט אזוי אַ ייד זיך אין אַ ייִדישער מדינה
 אין רעגן-וועטער-ווינטן מיט אַריינגעלייגטע הענט אין די אַרבל :
 אַוונטצייט, אַ פֿיכטער זאַמדוועג, פֿון ביידע זייטן ביימער גרינע
 און דאָך — ווי ס'פֿלעג זיך גיין אזוי אַ מאָל אַ ייד אין פּוילן,
 צי אין ליטע : גויימס לענדער, וועגן האַרבסטלעכע, אַפּגעבליאַקעטע געווענדער
 אונטער פֿליגל פֿון דער שכינה.
 אוי, אַ טרויעריקע איז געווען זי ווי אַ טערטלטיוב צווישן טמא עופֿות מלא-שנאה
 אונדזער גוטע רחמידיקע שכינה !
 גייט אזוי אַ ייד דאָ אום, און טראַכט אַ טראַכטונג : גאָט אין הימל !
 ווי וואָלט געוועזן וויל ווען ס'וואָלטן דאָ אַהער אַריבער ים אין בלאַען נס-געשווימל
 געקענט אַנטלויפֿן פֿון די גויים אַלע ייִדישע מקומות מיטן ייִדישן געווימל :
 לערנערס ניגונדיקע, עולם-עליון-מענטשן. קליינוואַרג פֿייגלהאַפֿט, פֿאַרלוירן-מלכות-
 פּרינצן,
 טענענביימער-יונגט : זאַפֿט-צווייגהאַפֿטיקע און בענקשאַפֿט ליבשאַפֿטן אין פֿלאַם-
 געזאַנג-בונטאַרן :
 וועלטן-אונטערצינדן . . . וועלט-אַרומנעמען . . . גוט צו שלום-ווערק און גוט צו שלאַכט-
 פֿאַרמעסטן ;
 אין זייער פּנימיות — לייב-און-לעמפּערט-בערג, אין זייער פּנימיות שוואַלב-און-
 אַדלערנעסטן.
 האַרט פֿאַרהאַרעוועטע סענקעוואַטע לייט . . . און סוחרים, סוחריםלעך : טאַג-
 צעווינטיקטע,
 וואָס אויף ישועות און נחמות און גוטע בשורות לאַנגע יאָרן האַרן קוואַרן . . .
 עילוים : מוח-לייט : וועלט-ווייט-און-טיף-באַנעם אַריבערשטייגנדיקע גויימס שַררה-
 שטאַנד,
 נאָר נישט קיין אייגנער גרונט צו זייער פֿוס און מעגלעכקייטן צו דער גוטער האַנט . . .
 עך, אַלע ייִדישע מקומות מיט לאַנדשאַפֿט זייערע : מיט געדאַרן און געבוימישקייט
 געבלעטער און געבלימל,
 מיט די געוואַסערן אין זייער איינגעטראַנקענעם געהימל — —
 מיליאָנען גופֿים יידן וואַרעמע מיט אינדערוואַכן זייערן און גאַנצן טאַראַראַם
 און אזוי-אין-צווישן ליפֿן-ברומענדיקן באַבי-באַם . . .
 מיט זייער שבת-יום-טובֿדיקן איבערגיין-צו-גאַט-ברוך-הואַ —
 און זיך באַהעפֿטן דאָ צו יפֿו און צו אַשקלון, צו צפֿת און טבֿריה,
 און ווערן אַט-אזוי צו אונדזער קרוין-ירושלים מלא ליבשאַפֿט-פּעריפֿעריע !

Вот неспешно идет еврей в государстве еврейском.
 Вечер, зелень деревьев с двух сторон песчаной дороги...
 Прежде хаживал так еврей в Польше или в Литве -
 Гойских странах – в осенней поблекшей одежде
 Под крылами Шехины.
 Ой, печальна была она, как голубица
 Между нечистыми птицами, что ненавистью полны,
 Наша добрая, милостивая Шехина!

Так прохаживается еврей, восклицая мысленно:
“Бог мой!
Вот бы в лазурном празднике чуда через море сюда
Все местечки смогли убежать вместе с сутолокой еврейской:
Люди из высшего мира, заучивающие нараспев;
Мелочь птичья, принцы без царства, еловая молодежь,
Сочно-ветвистая, будоражители вселенной,
Бунтари, способные строить и защищать;
Натрудившиеся сучковатые люди и неудачливые купцы,
Те, что долгие годы сохнут по доброй вести;
Знатоки мировых широт и глубин, служители мысли,
У которых нет под ногами собственной почвы, чтобы творить...
Эх, местечки с ландшафтами их, деревьями и цветами,
Синевой и зноем небесных вод...
Миллионы теплых евреев с буднями и всем тарарамом,
Себе под нос напевающих “баби-бам”,
С субботне-праздничным их переходом – к-Богу-благословен-Он!
Прилепились бы здесь к Яффе и Ашкелону, Кармиэлю и Цфату, став
Периферией, полной любви к короне нашей – Иерусалиму!
Бог мой! Увы, почему этого нет?
Что значит – нет? Почему этого нет?..”

1957

У ЗАПАДНОЙ СТЕНЫ

ביים כותל מערבי

ביסט הייליק און — אַנגעשוואַלן פון אזוי פיל קושן,
פון אזוי פיל טרערן;
מען קאן די קושן און די טרערן ניט ציילן,
ווי מען קאן ניט ציילן אויף דיין הימל די שטערן.
זעסט אויס אזוי פראסט, אזוי נאקעט,
נאך פראסטער פון אלע נאקעטע ערטער
וואס זיינען דא אויף דער ערד. דאס צו זאגן
דארף מען האבן נאך פראסטערע ווערטער,
די אותיות ניט צערטלען, די אותיות ניט זיפן. —
צי איז נאך ווער אזוי ווי דו געווען בארירט פון אזוי פיל ליפן?
די ליפן האבן אויסגעברענט אין דיר
צעקארבטע לעכער,
און דורך זיי דיין שטויב געטרונקען,
ווי מען טרינקט וויין פון הייליקע בעכער...
איך זע צום ערשטן מאל דיר, און איך וויל
דיך אנרירן מיט מיינע פינגער,
און —
איך ריר ניט אן.
ביסט אלט צוויי טויזנט יאר, און איך — ניט יינגער — —
אין ווינקל שטייט א בעמלער.
א צערדיסענער, א צעפליקטער,
איז ער אין גאנצן אפן מיט זיין ליבשאפט צו דיר,
א צעשטראלטער, א צעגלימער.
ער גיט א פאל צו דיר מיט אלע זיינע גלידער,
מיט א הייסער גלוסטעניש אזא,
אז עס נעמט יאגן פון אים מיט דערווידער.
איך דריק צונויף די אויגן מיינע,
איך דערהער פלוצעם ווי עס שלאגן
צעוויגטע אדלערס מיט זייערע פליגל
איבער קעפ, און טראגן
אין זייערע קרומע נעגל
אפגעבלוטקטע און שמילע לעמער.
די אדלערס פליען גלייך אין האַריוואַנט אַריין
אין רויםן דעמער,
און הייבן אן מיט נעגל-שנאבל פראווען סעודה.
און אט איז נאכט און שטילקייט.
מיט א מאל — א פאסטעך אויף א דודע.
א קליינטשינק פאסטעכל פארגייט זיך
אין געזאנג-געיאמער:
אוי, לאמיר גרייט זיין,
אוי, לאמיר, לאמיר, לאמיר
מקבל פנים זיין דעם גאסט,
דעם ליכטיקן שלוח,
וואס קומט מבשר זיין דאס אנקומען
פון מלך המשיח. — — —
אוי, לאמיר, לאמיר, לאמיר. — — —
און מיט א מאל — געטופעריי:
עס קומען קאראוואנען, קעמלען

מיט לאנגע העלדזער, אויסגעצויגענע ביז העכסטע הימלען,
 און אויף די קעמלען – אויסער האַרבן – גאַרנישט. קיינער.
 גאַרנישט. קיינער. ניט קיין גוטס און ניט קיין רייטער.
 די האַרבן שפּאַנען אַן אַ סוף און אַן אַן ענד
 אַלין ווייטער, ווייטער. –
 ווהיין? אַ, גאַט, ווהיין? – – –
 איך עפּן אויף צוריק די אויגן.
 דער בעטלער שטייט נאָך אַלין צום כותל צוגעבויגן.
 ער שלאָגט מיט דאַרער פּויסט אין האַרין
 על חטא. די אַקסלען זיינע צוקן.
 איך שפּיר באַשיימפּערלעך
 דעם נחת-פיבער פון זיין רוקן.
 זיינע באַרוועסע צעהאַקטע פּים – זיי גיבן אַ צעשפּרייט זיך,
 און אַ געכעט אַ הייזערקס,
 אַ תּאוהדיקס פּאַרגייט זיך:
 אַ, איכה, איכה, איכה, איכה –
 ווי אזוי בין איך צו דיר געקומען?
 פון מיין פיין האַכטו מיין קול פּאַרנומען,
 און איצטער בין איך זוכה, זוכה, זוכה. – – –
 אַ ציטער גייט אַדורך דורך אַלע שטיינער,
 און ס'דוכט זיך מיר איך הער
 ווי ציינער, און ניט שטיינער, קלאַפּן זיך אַן ציינער.
 אויך איך – איך גיב אַ רים זיך פון מיין אַרט,
 מיין גוף טוט זיך אַ הוידע,
 און איך פּאַל צו צו דער וואַנט און ריר זי אַן
 אַ דורכגענומענער מיט זיבן גליק און שוידער.

Ты свята, и ты разбухла от такого множества поцелуев,
 От такого множества слез;
 Не сосчитать этих поцелуев и слез,
 Как не сосчитать звезд на твоем небе.
 Ты выглядишь такой простой, такой обнаженной,
 Проще всех обнаженных мест,
 Которые есть на земле. Чтобы сказать это,
 Нужны еще более простые слова,
 Эти буквы не ласкают, эти буквы не просеивают (не отделяют нужного от ненужного) –
 Разве есть еще кто-то, к кому прикасались так много губ?
 Эти губы выжгли в тебе
 Отверстия
 И пили через них твою пыль,
 Как пьют вино из священных кубков...
 Я вижу тебя впервые, и я хочу
 Прикоснуться к тебе своими пальцами,
 И – Я не прикасаюсь.
 Тебе две тысячи лет, и я не моложе...
 В углу стоит нищий.
 Оборванный, растрепанный,
 Он полностью раскрыт своей любовью к тебе,
 Лучащийся, раскаленный.
 Он припадает к тебе всем телом,
 С таким горячим желанием,
 Что она отгоняет его с отвращением.

Я плотно закрываю глаза,
Я вдруг слышу, как хлопают
Крыльями качающиеся орлы
Над головами, и несут
В своих изогнутых когтях
Окровавленных и тихих ягнят.
Орлы летят прямо в горизонт
В красных сумерках.
И начинают когтями и клювами справлять трапезу.
И вот ночь и тишина.
Вдруг – пастух на дудке.
Малюсенький пастушок заходится
В песне-рыдании:
Ой, давайте будем готовы,
Ой, давайте, давайте, давайте
Встретим гостя,
Светлого посланника,
Который приходит возвестить приход
Царя Мессии.
Ой, давайте, давайте, давайте.
И вдруг – топот:
Приходят караваны, верблюды
С длинными шеями, вытянутыми до самых высоких небес,
А на верблюдах – кроме горбов – ничего. Никого.
Ничего. Никого. Ни добра и ни наездника.
Горбы шагают без конца и без предела
Все дальше, дальше.
Куда? О, Боже, куда?
Я снова открываю глаза.
Нищий все еще стоит, прислонившись к стене.
Он бьет себя худым кулаком в грудь,
Каясь в грехах. Его плечи движутся.
Я отчетливо вижу
Сладостный трепет его спины.
Его босые стоптанные ноги – они расставлены широко,
У в хриплой,
Похотливой мольбе он заходится:
О, как, как, как, как –
Как я пришел к Тебе?
Из-за моего страдания Ты забрал мой голос,
А теперь я удостоился, удостоился, удостоился.
Дрожь проходит через все камни,
И мне кажется, что я слышу,
Как зубы, а не камни, стучат о зубы.
Я тоже – я срываюсь с места,
Мое тело вдруг качнулось вперед,
И я припадаю к стене и прикасаюсь к ней
Пронизанный сладким счастьем и ужасом.

ИЕРУСАЛИМУ ИЗДАЛЕКА

צו ירושלים פֿון דער ווינטנע

אין ווינטן צפֿון, אינעם חודש שבט, א טיף-גאָלדיקן אויף הימל און פֿעלד,
גייסטו אויף פֿאַר מיר, ירושלים, אַ ליכטקרוין און געציל,
אַ פֿלאַם וואָס רייטיקט אַלדעם אוראַלט פֿון די נעכט, -
און מיין האַרץ, אַפֿרער אַזאַ מילד-נאַווער הירש,
ווערט אַ ביטער-ברומענדיקער לייב,
און דאָס שטיל-נאַכגעביק טיכל פֿון מיין בלוט
שלאַגט זיך אָן אין אַ הייס-מאָנערישן ים.

אין אַ שטאַט פֿון דיר אַ ווינטע, אַ צעשווימטע דורך באַנייטע פֿרילינג-נעפלען,
גייסטו אויף פֿאַר מיר, ירושלים, מיט דינע פיין-אַנטבלויזטע טעג,
מיט דינע אַלערליי קאָלירן וואָס צעשפּילן ערשטע סודות,
און איך ווייס, אַז אַל די מינים גאָלד וואָס איז פֿאַר מיר געוואָרן לינד צעגאַסן,
אַז פֿרילינגען אַמאָליקע און אויך פֿון איצטער,
זינען בלויז פֿון דינע ווונדער-מינעס אויסגעהאַקט,
שפּראַצן נאָר אַרויס פֿון דינע צייט-סעזאָנען.

דאָך האָט מיין אויג נאָך ניט געהאַט די זכּיה צו ציילן דינע טויערן,
אַנצוקוקן דינע שטערנדיקע טורעמס.
און דיין האַרץ, ירושלים, וועט דען קענען מיר פֿאַרגעבן
די ווייטקייט וואָס אונדז צעטיילט,
די וואַרעמקייט וואָס כ'האַב פֿון דיר פֿאַרמיידט
ווען דו האָסט צו מינע אַרעמס זיך געצויגן?

וויי, וואָס מיין ברוסט איז ניט פֿאַר דיר קיין פֿאַנצער,
קיין צילברעט פֿאַר די פֿיילן פֿון דינע פֿינט.

На далеком севере, в месяце шват, глубоко-золотистом на небе и на поле,
Ты восходишь передо мной, Иерусалим, корона света и цель,
Пламя, окрашивающее красным всю древность ночей, –
И мое сердце, прежде такой мягко-наивный олень,
Становится горько рычащим львом,
И слабый и покорный ручеек моей крови
Стучится в горячее требовательное море.

В городе далеком от тебя, пенящемся обновленными весенними туманами,
Ты восходишь предо мной, Иерусалим, своими мучительно обнаженными днями,
Твоими разнообразными цветами, которые разыгрывают первые тайны,
И я знаю, что всякого рода золото, которое было великолепно разлито для меня,
Что прежние весны и нынешние тоже,
Были добыты лишь в твоих чудесных шахтах,
Прорастают только из твоих времен года.

При этом мой глаз еще не удостоился пересчитать твоих ворот,
Взглянуть на твои подобные звездам башни.
И разве твое сердце, Иерусалим, сможет мне простить
Дали, разделяющие нас,
То тепло, которого я тебе не дал,
Когда ты раскрывал для меня объятия?

Горе, что моя грудь не служит для тебя броней,
Мишенью для стрел твоих врагов.

Борис Карлов

В ИЕРУСАЛИМСКИХ ПЕРЕУЛКАХ

אויף ירושלמער געסלעך

Сегодня утром
Я нашел
А пожелтевших переулках
Вчерашний день
Который длится очень
Очень-очень
Незабываемо.

На зеленом лице
Старого еврея
Можно распознать
Вчерашние ярмарки

И удивительно
Что и сегодня
Они кипят и шумят

Все от мала до велика
Женщинами
Которые носят с кошелками

А дюжина парней
Лапсердаки, бороды и пейсы
Светлая тоска
Едва уберегает от распушенности

Пожелтевшие переулки
Я листаю
И листаю их

А день
Вчерашний
И сегодня
Карабкается дальше

היינט פרי בייטאָג
געפונען כ'האַב
אויף פאַרגעלטע געסלעך
דעם נעכטיקן טאָג
וואָס דויערט גאָר
גאָר-גאָר
אומפאַרגעסלעך

אויפן גרינעם פנים
פונעם אַלטן יידן
לאָזן זיך דערקאָנען
נעכטיקע יאָרירן

און - אַ וואונדער
אַז אויך היינט -
זיך זיי און רוישן

קינד-און-קייט
מיט יידענעס
וואָס טראָגן זיך מיט קוישן

און אַ טויך בחורימלעך
קאַפּאַטעס, בערד און פאות
מראה-שחורה ליכטיקע
פאַרהיט קוים פון הפקות

די פאַרגעלטע געסעלעך
איך בלעטער זיי
און בלעטער

און דער טאָג
דער נעכטיקער
אויך היינט
זיך ווייטער קלעטערט

איבער גוואַלד
און איבער צייט
צווישן ווענט
און צווישן לייט

אַט אַזוי געפונען כ'האַב
דעם אַלטן, טערפקען
וואונדער-גאַב
דעם וואַנדער-גאַב
וואָס בלייבט

ИЕРУСАЛИМ

ירושלים

די צייט איז מיינע אויפן הר הצופים:
די שלעסער אירע עפענען פאמעלעך
דעם זונפארגאנג און וועלגערן ארויף אים –
אנטקעגן, אויף דעם טראן פון ים המלח.

א פויגל ברענגט דעם כישוף-רינג פון שלמהן,
דערלאנגט מיר אים צוזאמען מיט א מזמור...
א ווונדערלעכע מעשה קאן איך טרוימען
ווי ס'נעמען אַנטייל אלע דורות ביז-מיר.

א מאַנדלבוים דער שענסטער – איז מיר ווינציק,
נאָך יענעם בענק איך, וואָס האָט לאַנג פאַרמאַנדלט.
ירושלים איז געהייכט און פרינציק,
ווייל ס'איז אַ שטאַט אין אורגעשמאַק פאַרוואַנדלט.

Время на горе Скопус мое:
Ее замки медленно открывают
Закат солнца и придавливают его кверху –
Навстречу, на троне Мертвого моря.

Птица приносит волшебное кольцо Соломона,
Протягивает мне его вместе с напевом...
Я могу мечтать чудесной сказкой,
В которой принимают участие все поколения, жившие до меня.

Миндального дерева, самого красивого, мне мало,
Я тоскую по тому, которое уже давно отцвело.
Иерусалим возвышен и подобен принцу,
Ибо это город, превращенный в самый древний вкус.